

АЛЕКСЕЙ ШИРОКОВ
АЛЕКСАНДР ШАПОЧКИН

ВАРЛЮК

FANTASY WORLD

Annotation

Кузьму Ефимова ждала слава самого одарённого мага столетия, но безумный эксперимент деда в единый миг перечеркнул все надежды. Теперь его знают только как сильного «воина», тем более что и сам юноша ныне сторонится всего, что связано с магией. И хоть ему предстоит учиться в элитном колледже для детей аристократов, своё будущее он видит командиром отряда наёмников. Вот только всё тайное становится явным, и множество сильных мира сего ныне вынуждены учитывать в своих планах никому не известного мальчишку по прозвищу «Варлок».

- [Алексей Викторович Широков, Александр Игоревич Шапочкин](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Эпилог](#)
-

Алексей Викторович Широков, Александр Игоревич Шапочкин Варлок

© Алексей Широков, Александр Шапочкин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

– Ну что, ребят, справитесь? – менеджер ресторана ещё раз посмотрел на нас, продолжая вытирать руки о вафельное полотенце. – Дам двойную оплату, и ящичек взять сможете!

– Каждому? – скептически переспросил я, ловя на себе удивлённый взгляд Валеры. – С чего это вдруг аттракцион невиданной щедрости, Геннадий Михайлович?

– Вот вечно ты, Кузьма! Такой молодой, а в доброту человеческую не веришь! – наигранно вздохнул толстячок. – Всё подвох ищешь...

– Геннадий Михайлович, давайте без душещепательных, – вступать в дискуссии на тему доверия я не собирался. – «Ящичек» это к Валере, если он ему нужен, а мне, пожалуйста, как в договоре прописано.

– Михалыч... э-э-э, Геннадий Михайлович, – выпалил парень, – я согласен! Спасибо!

Напарник смотрел на меня с удивлением. Ну, естественно, такое счастье привалило, а я, придурок, отказываюсь. Настоящая, импортная «РеСо-Сола», двадцать бутылок, да ещё на халяву, вдобавок к неплохим деньгам. Впрочем, Токарева можно было понять: парень на два года старше меня, а на это место пришёл совсем недавно и ещё не знал всех тонкостей работы грузчиком у Михалыча. Как, в частности, того, что он не тот добродушный толстопуз, каким желает казаться.

Сделай мне такое предложение Тамара, хозяйка ресторана, я бы согласился, не раздумывая, а так... менеджеру очень не повезло, что сегодня была моя смена. Он знал об этом, я знал об этом, а когда он уйдёт, просвещу и Валеру. Пусть сам головой подумает, брать или нет, но предупредить напарника необходимо, потому как, если что, и полиция пойдёт по его душу, меня тоже не забудут. Это не вызывало сомнений. Щедрость Михалычу была не свойственна. Он и честно заработанные деньги отмусоливал с таким выражением лица, словно от души отрывал и вообще не понимал, чего мы от него хотим и зачем он должен за что-то платить. А тут сам предлагает.

К тому же сейчас мы стояли прямо под усиками объёмных камер, торчащими из стены соседнего здания. И судя по красному огоньку на управляющем блоке, их отключили с центрального пульта. Зато у самого Геннадия Михайловича имелся личный «индикатор», позволяющий точно определить, когда он нервничал – у менеджера сильно потели ладони, и он

вынужден был постоянно их обо что-нибудь вытирать. Мысль о том, что толстяк переживал за сохранность ценной импортной газировки, миновала мозг без остановки. Я по опыту работы знал, что это первый признак какой-то аферы.

Все знали, что он подворовывал у хозяйки ресторана, да и сама Тамара наверняка была в курсе, но это их игры. К тому же решался менеджер на это нечасто, но пёр помногу и в основном импорт. То есть то, что можно очень выгодно сплавить на чёрном рынке. Отечественная «Кола особая» или тем более «Байкал» с «Тархуном» были ему без надобности, а вот настоящая американская «PeCo-Cola» – самое то. И отпечатки грузчиков на ящиках, как вишенка на торт.

Впрочем, на роль лоха назначали Валерку, так как лично меня здесь вообще официально быть не могло. Поэтому я не особо переживал. Но перчатки, заныканные в кармане, начал натягивать на руки. Демонстративно.

А Михалыч всё продолжал широко улыбаться. Я же ещё раз посмотрел на стоящий перед нами ГАЗ «Бычок-3» и принялся отпирать запор кузова.

– Наши ящики помечены маркировкой ресторана, – предупредил толстяк, заглянув в ведомость. – И несите их на склад, а потом сразу ко мне.

После этих слов он развернулся и отправился к себе, а мы с напарником принялись пересчитывать ящики, прикидывая объём предстоящих работ. Проще было бы, конечно, воспользоваться автоматическим вилочным погрузчиком, но менеджер настоял на ручном труде. Резонное опасение: грубый механизм может побить хрупкие бутылки из сверхтонкого стекла...

– Кузь! – тронул меня за плечо Валера. – А ты чего отказался-то? Это ж такой дефицит... не прав ты, малой! Надо хватать, пока дают! Да у тебя на районе все чики твоими были бы...

Я поморщился. Не люблю, когда мне напоминают про возраст.

– Не надо, Валера. И тебе брать не советую, – перебил я его и, обернувшись, посмотрел на напарника.

Простой парень из не самой глубокой провинции, правда, проживающий в относительно нормальном районе новосибирского улья. «А там трупы находили лишь по средам», – как пел классик. Неудивительно, что он клюнул на предложение менеджера.

– Не понял!?

– Подстава это, Валера, – улыбнулся я. – Помяни мои слова, недостача будет ящиков двадцать, и у Михалыча ничего не дрогнет показать на тебя.

– Чегой-то? – возмутился он. – Почему именно на меня?

– Во-первых, ты совершеннолетний, а я – нет. Меня здесь вообще нет, я вроде как на кухне разнорабочим помогаю. Поверь, ни Михалыч, ни Тамара не будут палиться на том, что используют в своём бизнесе детский физический труд. А во-вторых, видишь вон те белые таможенные стикеры? – я указал на маркировочную акцизную наклейку. – В ней есть маячок, как и на всех импортных и не реализованных в duty free товарах, проходящих через таможню. Если его немного подкрутить, он будет выдавать местоположение не одной упаковки, а, например, двух или пяти... или ста. Ты ведь не застал Федю Потапова?

– Это которого на воровстве поймали?

– Вот поверь мне, я сомневаюсь, что он что-то реально украл.

– Так чего, этого парня, получается, закрыли, и никто за него не вписался? – насупился парень.

– Почему же, нет, – хмыкнул я, – напарника его следы долго мурыжили, вот только на суде все доказательства на Федю указывали.

– А ты?

– А что я? Это не мой день был, – пожал я плечами, – да к тому же я реально не в теме. Может быть, он и унёс чего, а может, и нет, у него ж уже и так «условный» висел. К тому же я официально на кухне «подай-принеси» работаю. Я, Валера, могу только догадываться и строить предположения... например, о том, откуда у Михалыча вдруг нарисовался «мерин», на котором он сейчас красиво разъезжает. А доказательств у меня никаких...

– Не! То есть ты промолчал? – возмутился парень.

– А ты реально думаешь, что кого-то интересовало моё мнение? – я удивлённо посмотрел на него.

– Ну, не знаю! – немного притух Валера. – Мог бы и к прокурору сходить...

– Зачем? Я что, на больного правдоруба похож? – жёстко отрезал я. – Вот ты сам, Валера, попёрся бы?

– Ну, э-э-э...

– Вот тебе и «э-э-э». Ты фамилию жены Михалыча знаешь? Бирюкова! А дело вёл первый статс-дознатель прокуратуры... правильно, Бирюков! Ещё чего-нибудь объяснять нужно?

– Борзый ты какой-то, малой... – пробубнил себе под нос парень, а я сделал вид, что не услышал.

Вместе мы положили на рога погрузчика паллету, и я полез в кузов.

– Подгоняй уровень. Аккуратно!

Работа закипела. Я устанавливал ящики на поддон, складывая их на деревянной поверхности рядами, после чего мы понижали уровень, и Валера по одному переносил их в сторону под навес. Пару раз к нам из самого ресторана выходил экспедитор команды пилотов орбитальной фуры, так, чисто проверить, не побили ли мы чужой груз и не повредили ли арендованного «Бычка».

Этого американца я видел впервые, да и он, похоже, был новичком в наших краях. Заметно, что мужик готовился узреть Российскую Империю такой, какой рисуют её американские СМИ: погружённую в разруху, нищую и злую. Толпы злобных монархистов в серых шинелях с автоматами Калашникова на каждом углу прилагались к порванной в клочки экономике. Так что вид процветающего города обеспечил интуристу культурный шок.

Впрочем, Боб рассказывал мне, что сам был таким же в своё первое посещение Новосибирска.

– Эй, ребята... – произнёс автоматический переводчик, закреплённый на груди американца. – Покуриить нэ хотиитэ? Пэрьекурь у вамь положен?

Слабенький маджи-интеллект в аппарате китайской сборки вполне мог бы говорить нормально, однако русская лингва толком не была откалибрована, а потому сбоила, пытаясь снять разговорную матрицу пользователя и имитировать его произношение на незнакомом языке. Может быть, для орбитального дальнобоя этого вполне хватало, но вот для экспедитора использовать такое – реально странно.

– Я только за! – быстро встрял Валера, отставляя очередной ящик и доставая из кармана штанов пачку «Беломор-премиум». – Кузь, ты как?

– Воздержусь, – ответил я, спускаясь с кузова.

– А, – напарник хлопнул себя по лбу. – Тебе ж шестнадцать ещё только. Мамонька запрещает?

– Ага, – такие подколки на меня совсем не работали, – и я не хочу её расстраивать.

– Оу, можьет, жвачку? Мятный Sunshine! – тут же предложил американец, и я не стал отказываться от халявы.

Хорошие они, в общем-то, парни... поодиночке.

– Нэ глотать, – предупредил он, когда я уже отправил взятую у него пластинку в рот.

Отвечать я не стал, просто вынул из кармана неоткрытую пачку подушечек «Зимний барбарис» и протянул ему. Так проще всего общаться с американцами. Представители самой большой страны на нашей планете почему-то упорно культивируют слухи, что в Российской Империи живут

дикие и необразованные люди. Вот и сейчас наш собеседник, не сразу поняв, взял жвачку, покрутил её и, только найдя сопроводительный текст на его родном языке, расплылся в улыбке.

– Thank you! – произнёс он, принимая подарок, и китайский маджин с запозданием перевёл: – Шпасибо!

– Мужик, ты откуда к нам? – спросил Валера.

– Оклахома. Брокен-Арроу, – ответил ему иностранец, по-хозяйски опираясь на матово поблёскивающий красный нос «Бычка», с нанесённым скоростной аэрографией логотипом американской компании-арендатора.

– Ну и как? Выгодно нынче быть дальнобоем?

– Я не дальнобойчик, я экспедитор из «РеСо Компану», – пояснил он, улыбаясь во все тридцать два зуба. – Работать с Россией напрямую сейчиас очиень и очиень выгодно для компании, а вот пользоваться услугами посредников – ниет. Так что ми отказались от партниороф.

– Ну и как тебе у нас? – не унимался Валера.

– Хорошо! Погода хорошо, еда, красивый город и диевушки...

Он кивнул головой в просвет между зданиями, выходящий на проспект Маркса, где как раз в этот момент по тротуару шли две обворожительные милашки. Похоже, школьницы, примерно моего возраста. Одна с каштановыми волосами, в лёгкой блузке и короткой юбочке, а вторая, русая, одетая в почти невесомое платье. Улыбаясь, они что-то обсуждали и, раньше чем мы налюбовались на их стройные фигурки, прошли мимо выезда на дорогу и скрылись за углом дома.

– Эх... – вздохнул американец и хотел было кинуть бычок под ноги, но увидев, как Валера пошёл к мусорке, направился следом за ним, на ходу распаковывая мой подарок.

«Ну да, интурист! Правильно делаешь! – подумал я, наблюдая за спиной янки, затянутой в кожаную куртку с нашитым на ней классическим белоголовым орланом. – Вот увидит городской, что окурками разбрасываешься, и вкатит тебе дикий штраф, да ещё в консульство сообщат. Уж не знаю, как там у вас, в Североамериканской Либерократии, а у нас с этим строго...»

Махнув нам рукой, американец вернулся в ресторан, и мы вновь взялись за дело. По ходу выяснилось, что при транспортировке всё-таки случился бой, несколько ящиков подтекали, хорошо ещё, что только наш один, а остальные два предназначались Центральному универсаму. Не трогая и не перемещая повреждённую тару, как и положено, сделали фотки, вызвали менеджера и экспедитора, и уже они совместно заполнили протокол о доставке части товара в некондиционном виде, а заодно

скопировали данные с контрольного чипа упаковки.

– Малой, я радио включу? – спросил у меня Валера. – Окей?

– Да врубай, – согласился я, думая о своём.

– Слушай, а я вот всё узнать хотел, – напарник сбегал в подсобку и вернулся с бумбоксом «Вега-250 Модерн». – А чего это ты в грузчики подался? Ну, в смысле, ты же на ресторанной кухне записан? Чё не там?

– Здесь платят больше, – ответил я, опуская ящик на платформу. – Понимаешь, ресторанная кухня с точки зрения найма рабочих рук – вещь практически безразмерная. Ну а мальчик «подай-принеси» – персона, которой можно положить минимальный оклад. Так что, Валера, официально я в летний период ежедневно по шесть часов вкалываю на кухне, ну а реально работаю грузчиком, через день, когда товар принимаем. За нормальный, взрослый оклад. Понял?

– То есть зарплата у тебя чёрная, что ль?

– Она самая.

– Вот только я не понимаю, малой, а Тамаре в чём с того выгода?

– Деньги на вас, великовозрастных лоботрясах, экономит, – я ухмыльнулся. – Соцвыплаты, пенсия, страховка, поощрительные и так далее. Список дополнительных затрат на нормального работника огромный, а я получаю только то, что заработал – и вуаля, все счастливы.

– Ты языком об этом чесать не боишься? Вдруг я кому надо маякну, и будут у вас всех проблемы...

– А ты расскажешь? – я с интересом посмотрел на немного стушевавшегося парня.

– Ну нет, но...

– А зачем тогда болтаешь?

– Да я просто... – В этот момент радио соизволило включиться, и двор огласил противный голос певца, известного как «Тасяся Боц».

– Ты любишь – меня! – завизжал он, извергая из маленькой коробочки свой скрипучий и очень немелодичный голос. – Я – люблю тебя! Вместе мы пара... нам не до пер...

Валера отчаянно тыкал на кнопку смены канала, страстно мечтая отключить Тасясю, но как назло коробочка была чисто автоматической и не желала прощаться с исполнителем до тех пор, покуда не поймает чёткий сигнал другой станции. Наконец эпатажный Боц смолк, что-то щёлкнуло, и заиграл аккордеон.

– К космосу от бога, вам лежит доро-о-ога! – лихо запел знакомый мне голос. – Лети и не грусти, что я здесь остаюсь! Увидимся ещё! Ведь я тебя дождусь! Ой – Землёю я зову-у-усь!

Вот это уже было даже неплохо. Под Гришку Находилова, который сочинял свои песни в довольно необычном жанре деревенского фолка, работалось легко. Пусть его мелодии сложно отличить одну от другой, зато слова – трогали, да и тексты были вполне себе на уровне.

Под музыку работа спорилась, и когда начался блок новостей, сделали очередной перекур. Диктор – женщина с приятным, чуть хрипловатым голосом быстро пробежалась по международным делам и перешла к столичной хронике. Вообще на этом канале довольно много внимания уделяли тому, что происходило в Аркаиме, почти полностью игнорируя как провинциальную Москву, так и Санкт-Петербург, хотя жизнь в бывших столицах кипела и бурлила, в отличие от нового центра России.

В общем-то, это было неудивительно. Заложенный по повелению его императорского величества Святослава Андреевича Вершинина в две тысячи тридцать первом году город пока что представлял собой одну большую стройку века, уже четыре года высасывающую деньги из бюджета страны. Величественный дворец с гигантским куполом, возведённым над древними развалинами, практически пустовал, окружённый особняками и резиденциями, в которых нескоро ещё появятся настоящие жители. Нет, конечно же, там постоянно присутствовали представители практически всех более-менее значимых кланов, в том числе и правящего рода, но только как наблюдатели за проведением работ. Обычных жителей ждали не раньше чем года через три, когда закончится возведение жилых микрорайонов и инфраструктуры. Хотя, судя по информации с сайтов агентств недвижимости, почти все квартиры уже были выкуплены теми, кто держал нос по ветру.

Так что все эти отчёты о прогрессе возведения значимых зданий, количестве проложенных дорог, а также сплетни типа, чей посол на кого посмотрел и что новоявленный великий князь ел сегодня на завтрак, были, по всей видимости, фишкой этого конкретного радио и по большому счёту населению неинтересны. Куда больше всех занимало негласное соревнование между странами – чья новая столица будет закончена первой: русский Аркаим, североамериканский Рэм, возводимый в Йеллоустоновской Кальдере, или Тайный Город Мао, который китайцы ускоренными темпами отстраивали в горах Тяньцжушань.

В гонке, постоянно подогреваемой разнообразными оракулами и прочими последователями Ванги и Нострадамуса, были, конечно, и другие претенденты, однако всерьёз воспринимали лишь англичан, да и то только потому, что оценить размах строительства их Греатвиля не представлялось возможным. Графство Уилтшир с момента смены династии стало самой

закрытой территорией в этой и без того таинственной стране, а уж что творится у Стоунхенджа, можно было только догадываться.

Нет, я не сомневался, что и его императорское величество, и североамериканский президент и председатель дао прекрасно осведомлены обо всём происходящем на островах. Известно было, что король Мерлин XVI лично отдал приказ информировать сильных мира сего, потому как панически боялся вторжения на острова объединённых войск Триумvirата, однако для иностранных граждан, туристов и даже журналистов проявлять интерес к Гратвиллю, находясь на территории Новой Британии, было запрещено под страхом смерти.

– Эх, – вдруг тяжело вздохнул Валера. – Хорошо было бы родиться с даром. Таким не нужно тягать целый день ящики, чтобы заработать себе на кусок хлеба. Вот ты бы какую силу хотел?

Я промолчал, сделав вид, что не услышал вопроса. Во все времена люди завидовали тем, кому вроде как «повезло» в первые секунды жизни, однако в последние тридцать лет основной причиной для этого стали не положение родителей или семьи, а нечто другое. К сожалению, лично я точно знал, что всё это досужие домыслы.

– Слышь, малой? – напарник не собирался отставать. – Что бы ты выбрал? Огонь? Воду? Или может...

– Медные трубы, – немного раздражённо ответил я и, надеясь, что Валера отвяжется, присосался к бутылке с минеральной водой «Ессентуки».

– Не, Кузь, ну я же серьёзно!

– И я тоже! Никакую бы не хотел. Мне и без них хорошо.

– А чё так? – парень, кажется, реально удивился. – Эх... Такие перспективы бы открылись! Женщины, деньги, высшее общество... и каждый день на ужин не бич-пакет, а бутерброд с маслом и толстенным слоем чёрной икры.

– Ага, – фыркнул я, – а потом тебя, как Верещагина, воротить от неё, проклятой, будет!

– Да прям! Не знаешь ты жизни ещё, малой, – махнул на меня рукой вроде-бы взрослый, но всё ещё наивный парень. – Это прямой билет в высшее общество, брат!

– Знаешь, Валера, – я даже немного рассердился, – люди и без дара прекрасно живут, входят в элиту государства и вовсе не бедствуют! Вот ты – хочешь силу?

– Естественно, – фыркнул мой собеседник.

– Ну так вместо того чтобы вечерами пивасик сосать и сигареты

садить, пойди в какую-нибудь секцию. Через годик-полтора раскупоришь Муладхару – вот и будет тебе и сила, и билетик, и всё что хошь!

– Мля! Это, брат, не то! – горько усмехнулся он. – Я что, больной, жопой кверху столько времени торчать! Секция-фигекция – ты пойми, несправедливо это! Одним всё и на халяву, а таким как мы с тобой – шиш на постном масле! Да и не то всё это! Малой, ты пойми – у них «магия»! А после твоей йоги – что будет? Всё тот же кукиш! Да тебя любой урод с даром в порошок сотрёт, неважно, открыл ты в себе свою Мудохару или нет.

– То есть саморазвитие – не твой путь? – хмыкнул я, уже откровенно веселясь. – Чакры тебе открывать не хочется, а нужно всё и сразу? Да ещё и за красивые глазки?

– Да ну тебя, школота позорная, – Валера сплюнул и отвернулся. – Вот подрастёшь, поймёшь, что ты человек второго сорта, тогда вспомнишь умных людей.

– Ты за языком-то следи? – дружелюбно посоветовал я в спину напарнику. – А то отхватить, знаешь ли, и неударённого – как нечего делать.

– Это от тебя, что ль? – парень презрительно покосился на меня и снова сплюнул. – Ты чё быкуешь, шкет? Берега попутал? Так я ща...

Чего он там собирался сейчас сделать, я так и не узнал. Мимо нашего выезда на проспект Маркса с рёвом пронеслась чёрная иномарка, за ней такого же цвета джип, и тут же раздался слитный визг тормозов, удар и пронзительный женский крик. За ним ещё один.

Из подсобки выглянул встревоженный Михалыч, а мы с Валерой, не сговариваясь, побежали к выезду. Нам открылась ужасная картина. Иномарка, оказавшаяся стареньким «Bentley Flying Spur», стояла поперёк тротуара, возле погнутого столба автобусной остановки торгового центра, а вокруг неё и ближе к лестнице лежали люди. Кто-то страшно стонал и пытался встать, однако большинство оставалось неподвижными.

Над телами уже суетились прохожие, пытаясь оказать пострадавшим посильную помощь. Чуть подальше стояла женщина, судорожно сжимавшая побелевшими пальцами телефонную трубку. Навзрыд плакал ребёнок, маленький мальчик в заляпанной кровавыми брызгами беленькой рубашечке, опустившись на колени и теребя дрожащими руками лежащее навзничь тело. От торгового центра к месту аварии уже бежали люди, кто-то кричал, требуя срочно вызвать «скорую помощь».

Чуть в стороне в шоке застыли две уже виденные мною сегодня молоденькие девушки. Пакеты, которые они держали, вывалились из

ослабевших пальцев, и покупки рассыпались по земле, а они словно замороженные смотрели на картину трагедии, не в силах даже пошевелиться. Светленькая, видимо, придя в себя, сделала неуверенный шаг вперёд, к сидящему на земле ребёнку.

– Братан... – взволнованно прохрипел Валера, дёргая меня за руку, – не стой столбом! Валишь надо...

В общем-то, он был прав. Дело в том, что это явно не рядовая авария. Из остановившегося джипа, как и из самого седана, выбрались пассажиры. Все как один бритые налысо, в тёмных очках и чёрных костюмах поверх белых рубашек. Эдакие стереотипные безликие телохранители, штампованные бодигарды, словно бы сошедшие с экрана какого-нибудь американского фильма. И намерения у них были весьма немирные.

Четверо тут же бросились к девушкам и, схватив их, потянули к джипу. Трое других неспешно, словно бы нехотя, достали из салона оружие, и не «калаши», как можно было бы ожидать, а австрийские Steyr AUG и, недолго думая, открыли беглый огонь по людям, пытавшимся помочь раненым, и успевшей собраться у торгового центра толпе. Ещё один, водитель внедорожника, просто стоял рядом с дверью своей машины и равнодушно взирал на происходящее.

Сквозь противный стрёкот иностранных штурмовых винтовок до меня доносились крики раненых и стоны умирающих. Началась паника, и люди бросились врассыпную, а уроды в чёрном стреляли в любую движущуюся мишень, а меня словно бы переклинило от накатившего страха. Да что там – настоящего ужаса.

Я стоял и смотрел на творящуюся вакханалию, и пусть внутри меня всё бурлило, не в силах был даже пошевелиться. Такую страшную картину я видел первый раз в своей жизни, и всё никак не мог поверить в реальность происходящего. В то, что кто-то действительно мог решиться устроить кровавую бойню в самом центре Новосибирска.

– Малой, валим! – надрываясь, проорал мне в ухо напарник и с силой потянул в переулок, однако я уже находился в том состоянии, когда сдвинуть меня с места было выше сил простого неударённого человека.

Девушек, несмотря на их отчаянное сопротивление, уже почти затолкали в джип, когда до меня донёсся вой полицейской сирены. Через несколько секунд с одной из улиц вынырнули два патрульных «УАЗ-Патриота» и, ревя, понеслись к торговому центру, и в этот момент ожил восьмой бритоголовый, до сих пор никак себя не проявивший.

Он медленно протянул руку перед собой, что-то произнёс, я успел различить, как шевельнулись его губы, и тут же первую машину

служителей правопорядка поглотил разрыв магического пламени. Через пару секунд запылилась и вторая, а уничтоживший их маг вновь стал апатичен к происходящему.

Я же чувствовал, что сам сейчас взорвусь. С одной стороны, за эти мгновения страх улетучился, словно бы его никогда и не существовало, а вот тело всё ещё не осознало этого и не слушалось. Ему словно бы требовалось, чтобы кто-то отключил предохранитель, который я когда-то давно установил сам себе. И один из бритоголовых, вооружённый винтовкой, сделал это, сам не понимая, что натворил.

Маленький мальчик всё так же сидел на мостовой, пытаюсь растолкать погибшую родственницу, а этот моральный урод, явно красуясь, неторопливо прицелился прямо ему в голову. И именно в этот момент я потерял остатки самоконтроля, которым так гордился, а тело словно бы само собой начало двигаться, навсегда губя ту тайну, которую я хранил как зеницу ока с самого детства.

Возможно, будь я взрослее, я смог бы перебороть себя и поступить если не «правильно», то так, как было бы лучше конкретно для меня. Никто бы не осудил такого, как я, потому как не знал моего секрета. Он вообще был известен только одному человеку, который к тому же уже успел забрать его с собой в могилу. Однако юношеская импульсивность и пережитый страх не позволили мне рассуждать «здро», и случилось то, что случилось.

Где-то далеко позади вскрикнул от боли в обожжённых ладонях наивный парень Валера, так мечтавший иметь «силу» и быть вхожим в элитарное общество. Впрочем, мне некогда было извиняться. Мгновение – и я оказался перед бритоголовым трупом, который даже ещё не подозревал того, что он уже мертв. Короткий удар правым кулаком снизу-вверх, почти от бедра, и мёртвое тело на огромной скорости, кувыряясь безвольной куклой, улетело по высокой дуге куда-то в сторону улицы Ватутина.

Я не наблюдал за ним. Мне было всё равно. Ударом локтя той же руки, сверху вниз на повторном движении, пришедшемуся стоявшему рядом ещё одному вооружённому лысому, я просто смял его тело, разрывая плоть и ломая кости и тут же левой рукой нанёс дистанционный энергетический удар по третьему, да такой мощи, что человек лопнул, словно наполненный водой шарик.

Одной из девчонок удалось вырваться, державший её бугай замахнулся и тут же осел на землю со сломанной шеей, по которой пришёлся удар моей раскрытой ладони. Впрочем, он всё ещё стоял на ногах, когда быстрый тычок кулака навсегда остановил сердце его товарища, а затем от лёгкого

шлепка ещё один похититель взмыл высоко в небо.

На него мне было уже плевать, если он не погиб от этого удара, то гравитация планеты закончит начатое. Меня больше интересовал предпоследний из бритоголовых, который оказался шустрым малым, явно открывшим две, а то и три чакры, а потому успевшим среагировать и отскочить в сторону. Впрочем, воевать врукопашную со мной желанием он не горел. Рука его нырнула под лацкан пиджака, извлекая из кобуры пистолет. Кажется, это был Glock-17, хотя я мог ошибаться. В любом случае подобное действие было его фатальной ошибкой.

В бою с «воином» моего уровня следует уповать на то, что уже есть у тебя в руках. Пистолет или нож – неплохо, возможно, это хоть как-то поможет. Если же ты безоружен – дерись как есть, и, может быть, тебе воздастся. Однако не дай бог попытаться вытащить короткоствол или достать клинок из ножен. Даже если они расположены очень удобно, а ведь у него была тактическая кобура скрытого ношения.

Я даже не стал с ним возиться. Отвлёкся – получи! От пинка ногой он улетел прямиком в стену торгового центра, на которой и распластался, словно мошка на ветровом стекле несущегося на полной скорости автомобиля. Вот только и я оплошал, прыгая с этими товарищами, как первогодка из школьной секции перед профессиональным боксёром.

Не то чтобы я забыл о маге. Просто нельзя было оставлять подобного противника на потом, ведь судя по творимым им заклинаниям, он уже мог дышать Анахатрой, ну или как минимум вплотную подошёл к раскрытию этой четвёртой чакры.

Впрочем, меня предупредили. И это была не «интуиция» – подобная широко распиаренная в фантастике штукавина далеко не всегда срабатывает в нужный момент. Я услышал предупреждающий вскрик одной из девушек и тут же метнулся в сторону всё ещё сидящего на земле ребёнка, разворачиваясь и нанося энергетический удар по тому месту, где я только что стоял и куда сейчас стремительно нёсся жёлтый огненный шар.

У меня лишь успела мелькнуть мысль, что, если бы пламя было голубым или хотя бы фиолетовым – тут бы всем нам наступил большой карачун. Огненный шар, он же Fireball, всего-навсего боевое утилитарное заклинание объёмного взрыва. Им редко когда метят непосредственно в противника, обычно целью служит земля под его ногами, так что я точно знал, куда прилетит этот снаряд. Цвет горения самого болида определяет в первую скорость его полёта и поражающие возможности. Я просто не успел бы ничего сделать даже с фиолетовым, и надо ли говорить, что накрыло бы и меня, и девушек, и самого мага.

«Мать-перемать! Девушки! – я в бессилии скрипнул зубами. – Они же всё равно попадут под раздачу, а я уже вообще ничего сделать не могу!»

И только тут я соизволил заметить неприметные колечки на пальцах у красавиц. Небольшие печатки с шести- и десятилепестковым цветком – стилизованные изображения второй чакры Свадхистханы и третьей Манипура. Да и в руке темноволосая сжимала не смартфон, как-то могло показаться на первый взгляд, а дорогой элитный ПМК – персональный магический компилятор, на котором пыталась нажать на одну из иконок активаторов.

Подружки-то оказались магами. Людьми с «даром», от рождения обладающими открытыми чакрами и способными вдыхать ими море сансары. Да и не из слабых, если, конечно, брать во внимание их юный возраст. Второй и третий круг, или как в России принято говорить – уровень. Темноволосая – посильнее, светленькая послабее, – но тем не менее, если они мои ровесницы, то это очень и очень круто.

Я... я ладно. Скажем так – особый случай. Мне магия и даром не нужна, и не потому что не могу ей пользоваться, а потому что не хочу. Однако вот так встретить на улице двух одарённых...

Всё это я провертел в голове буквально в одно мгновение. Перед вытянутой вперёд рукой тёмненькой появился золотистый магический щит, и тут же полыхнул разрыв огненного шара, на который немедленно обрушилась выпущенная мною силовая волна. Двойной грохот затопил площадь перед торговым центром, и уже спустя долю секунды я оказался перед вражеским магом.

Надо отдать ему должное, он оказался неплохим бойцом. Его явно натаскивали на бой, и с другим противником, даже превосходящим его на круг, он имел все шансы на победу. Тем более он не пользовался компилятором, наверное, следуя специфике традиционных магических школ, так и не принявших ПМК. А потому хоть и был ограничен несколькими раз и навсегда вызубренными и доведёнными до автоматизма заклинаниями, мог кастовать их гораздо быстрее классического мага. Уж я-то знал, потому как сам был таким же, но совсем по другим причинам.

К тому же урод был необычайно сильным огневикум. Новости про таких магов, делающих всё по старинке, нет-нет да появлялись в средствах массовой информации. Их прозвали ведьмами и ведьмаками, как бы намекая на «деревенский» подход к волшебству. Одной из отличительных черт этих товарищей была возможность применять заклинания только своего аспекта. И то, что он при мне использовал две различные боевые вязи огненной стихии – уже давало повод записать его в ряды каких-нибудь

сектантов.

Нанося серии быстрых, но сильных ударов, я всё никак не мог выбросить из головы то, что они здесь натворили, и главное – зачем? Впрочем, ответ на последний вопрос был очевиден – хотели похитить девчонок. Однако почему тогда не отобрали их компиляторы? Не успели? Или он как-то блокировал их чакры, до тех самых пор, пока я не отвлёк его, и он не вынужден был атаковать именно меня. А вся эта бойня? Попытка шокировать таким образом магичек, или, быть может – целенаправленная акция, провести которую требовалось независимо от результата похищения?

«В любом случае... – подумалось мне в то время, как перестав избивать и без того уже похожего на бесформенный кусок мяса ведьмака, я одним движением снёс ему голову, – я не только выдал свой секрет, совершил преступление, но, что намного хуже, влез в какие-то разборки магических кланов. И вот это – не просто песец... Это откормленный, наглый и толстый, пушной зверёк!»

Развернувшись, я наполнил свои ноги силой и единым прыжком оказался на крыше торгового центра. Рывок, и я перелетел на соседнюю, а затем на следующую, и ещё дальше, вглубь кварталов со старыми, назначенными под снос пятиэтажками. На лету содрал с себя перемазанную в чужой крови рубашку и, спустившись на землю возле маленького парка, спрятавшегося за рядами домов, сломя голову понёсся в сторону Октябрьского моста. На улице стоял конец августа, так что на бегущего парня с голым торсом не обратят особого внимания, тем более центральный пляж был не так уж далеко.

В голове настойчиво вертелся план действий. Для начала следовало уйти как можно дальше, по возможности не попадаясь на глаза прохожим. Затем, заглянув в общагу, – уезжать из Новосиба.

Подальше от цивилизации, а значит полиции, городских и прочих органов, которые теперь непременно заинтересуются моей персоной, а то и вовсе решат повесить всех собак. Конечно, они быстро выяснят, кто я и откуда, и обязательно нагрянут в ту глушь, куда в своё время из Подмосковья перебралась наша семья.

Вот только власти могут сколько угодно ползать по тем болотам, перерывая в поисках Кузьмы Ефимова каждую кочку, меня они там уже не найдут. Я не намеревался возвращаться, собираясь воплотить в жизнь детскую мечту. И пусть это звучит наивно, но меня привлекали приключения и тайны, которые скрывала в себе Украинская Аномальная Зона.

Правда, минут десять спустя, когда начался отходняк, и я смог рассуждать более-менее здраво, идея пробираться через половину империи в бывшую Украину – уже не казалась такой привлекательной. Огромная территории от Днепропетровска до Карпатских гор, полностью захватывающая Молдову, часть Белоруссии, а также земли, некогда принадлежавшие Польше, конечно, манила своими загадками, но...

И всё-таки мысли о том, что меня могло бы ждать, доберись я до Зоны, – успокаивали. Как минимум забивали голову, позволяя не думать о том, что совсем недавно, впервые в своей жизни, я убил человека. И не одного – восьмерых, пусть даже они были законченными подонками.

Глава 2

Окончательно меня накрыло во дворах, за Студенческой. Руки тряслись, ноги стали ватными, а в голове гремели колокола. Прежде чем меня вывернуло наизнанку, я из последних сил добрался до ближайшей урны и словно утопающий схватился за её ободок, чувствуя, как под пальцами хрустит и мнётся металл.

Остановиться сумел лишь, когда желудок отдал всё, что в нём было, а во рту ощущался устойчивый вкус желчи и какой-то кислоты. Вот тут я помянул добрым словом экспедитора-американца, с его тягой нести свет и блага цивилизации дремучим народам за пределами североамериканского континента. За счёт химических наполнителей вкус иностранной жвачки был гораздо сильнее, нежели у отечественной, но это было именно то, что нужно в данный момент.

С трудом отпустив бортик, я дрожащими пальцами разорвал упаковку и разом запихнул все остававшиеся там пластинки в рот. Заработал челюстями и почувствовал облегчение, ощущая, как отступает мерзкое послевкусие.

На удивление монотонный процесс пережёвывания не только помог мне успокоиться и всё-таки принять тот факт, что я стал убийцей восьмерых человек, хотя людьми их назвать было сложно, но и запустил, наконец, нормальную мозговую деятельность. Например, мне самому стало интересно, куда это я мчусь сломя голову, когда следовало бы собраться и выработать нормальный план действий. Потому, доковыляв до ближайшей лавочки, я уселся на неё и стал думать, что делать дальше.

Прежде всего возник вполне разумный вопрос – а чего, собственно, я вообще убегаю? Что может мне грозить в случае, если меня повяжут? Точнее попытаются, так как сомнений в том, что сумею отбиться от большинства супостатов – не возникало. При условии, конечно, что будет приказ взять живьём, а шансы на это были тем ниже – чем дольше я бегал от полиции.

Логика здесь довольно простая: скрылся с места преступления – значит, в чём-то виноват, а если нет – то почему продолжаешь бегать? У правоохранительных органов просто сработает «служебный инстинкт», присущий многим хищникам: раз драпает со всех ног, значит, нужно догонять. А это означает, что будут жертвы и, возможно – трупы. Всё же мой Наставник – отец Алексей, отлично вымуштровал своего последнего

ученика, и, как показали сегодняшние события, я могу не только доморощенно философствовать и поколачивать безобидную гопоту, но и убивать.

Но тут такое дело, что трупы полицейских мне не нужны. От слова «совсем», так как это путь в одну сторону. Всё же я не дурак, чтобы воевать со своим родным государством, а потому если поймают, то сопротивление представителям власти оказывать я не буду. Вот и возникает вопрос: а на кой ляд вообще понадобилось убегать?

Что мне в принципе могут предъявить? Убийство? После такого количества трупов со стороны уродов в чёрном? Очень сомневаюсь. Согласно закону о самообороне, просто одного вида оружия было уже достаточно для моего оправдания... хотя, конечно, если вдруг объявится какой-нибудь суперюрист со стороны лысых, он вполне может попробовать выкрутить руки Фемиде таким образом, что именно я окажусь виноват во всех грехах, а мои невинные жертвы просто превентивно оборонялись, опасаясь за свою жизнь и чувствуя моё скорое нападение.

Я невесело усмехнулся. Глупость, конечно, однако, наверное, залы судов слышали и не такие извращённые логические конструкции.

Что ещё могут припахать? Соучастие в нападении? Бред! Тем более что у меня есть алиби. Валера хоть сам в полицию не побежит, не тот у него склад характера, вряд ли что-то станет скрывать, когда к нему придут и прижмут его к ногтю. А это будет обязательно, не стану же я прятать такого важного для меня свидетеля. Да и Михалыч нас с ним видел...

Значит, остаётся лишь вопрос с моими способностями. Так, стоп, машина! А что могли увидеть случайные свидетели или девчонки-магички? Скорость, силу? Ну... воин третьего, максимум четвёртого уровня, то бишь «Есаул» или «Ротмистр». В принципе, в этом не было ничего необычного. В школе нам все уши прожужжали о самосовершенствовании, так что надо будет – выкручусь.

Другой вопрос, что предполагалось это делать под неусыпным контролем государства. Открыть частную спортивную молодёжную секцию было невероятно сложно. Для этого требовалось получить множество разрешений и пройти серьёзные экзамены... А всё потому, что подобные заведения нынче имели очень веское влияние на умы учеников, вот и опасались появления разнообразных полурелигиозных организаций и откровенных сект. Одна история со «Свидетелями непорочного зачатия» чего стоила...

Физическое совершенствование тела, наряду с ежедневными медитациями, являлось единственным возможным путём разблокировать

закупоренные у большинства людей чакры. При этом, к сожалению, сложно было проконтролировать, что именно вливают в голову своим подопечным разнообразные «мастера стиля кислых щей», которые словно грибы после дождя появились в стране в послевоенный период.

Ныне же по каждому ученику, совершившему прорыв, тренер отчитывался в вышестоящие инстанции – иначе вполне можно было попасть не только под административную но и уголовную ответственность. Одарённые, как воины, так и маги, были опорой Империи, сами по себе являясь грозным оружием. Никто не хотел, по недосмотру, получить новую «Зону» прямо на территории своего государства, а потому допускать бесконтрольное существование одарённых Император не собирался.

Стоп! Я чуть не хлопнул себя по лбу. Был же ещё энергетический выброс, когда я пытался остановить огненный шар колдуна нападавших.

Так! Надо вспомнить все подробности! Вплоть до секунды! Может быть, мне всё же удастся отмазаться...

Я сел поудобнее, добиваясь максимального комфорта, и прикрыл глаза. Целенаправленная медитация дело тонкое, в идеале ничто не должно отвлекать практикующего, хотя, вспоминая методы Наставника, теперь я, наверное, смог бы войти в состояние просветления даже на раскалённой сковородке.

Секунда, другая – шум окружающего города стих, сменившись сначала привычным ощущением пустоты, а затем меня захлестнули волны Моря Сансары. Справиться с потоками энергий – вот что было самым сложным. Там, где другие выбивались из сил, чтобы почувствовать хоть один поток, хотя бы слабую струйку – я захлёбывался. Оттого и держал чакры в максимально прикрытом состоянии, каждый раз поминая добрым словом отца Алексия, взявшего шесть лет назад под крыло испуганного, буквально сгорающего в прямом смысле этого слова мальчишку. Кстати, весьма возможно, что своим вмешательством в мою жизнь он предотвратил прорыв почище украинского – спасибо родному дедушке, чтоб этому старому хрычу икалось в обед.

Нахлынувшие воспоминания выбили из медитации, и пришлось начинать сначала. Однако в итоге я сумел по секундам воспроизвести произошедшее пятнадцать минут назад. Всё же в горячке боя на многое не обращаешь внимания.

То, о чём я волновался до этого момента – теперь казалось сущей мелочью. Девочка как раз активировала вязь щита, так что смещение взрывной волны легко можно было списать на парный всплеск силы. А вот как мне объяснить разорванного в клочки одного из нападавших? Если бы я

его коснулся хоть кончиком мизинца – так ведь нет! Шарахнул сдуру метров на десять... А силовые дистанционные атаки, тем более возможность пользоваться заклинаниями у нас – «воинов», начинались с уровня «Бригадира». Хотя...

Как говаривал Наставник: «всё от зашоренности мышления». Мог я бессознательно садануть, потратив на это все силы? Мог... отчего нет? Тем более никто не знает, чему меня учили. Единичный выброс вполне сможет вписаться в легенду «дикаря». Вот только... подобные мысли и поиски отмазки, означает ли это, что я уже внутренне готов к тому, что меня поймают? И альтернативы нет? А ведь и вправду нет...

Бежать? Смысл? Ни денег, ни документов у меня нет, да ещё и несовершеннолетний к тому же. Даже если допустить, что в ближайшие полчаса личность покуролесившего бойца не определяют, и я спокойно смогу забрать заначку и паспорт из общаги. И что дальше? К родителям, в Чулым?

Подставлять семью я не буду никогда. Не для того я корячился, таская тяжёлые ящики и позволяя себя молотить быкам из «Медведя», чтобы потом собственноручно создать мамке и младшеньким кучу проблем. А может, и правда, к наёмникам податься? Так они меня первые и сдадут, стоит объявить кому-нибудь награду за мою голову. Кто я им? Да никто, так, умелый мальчик для битья, а обещание взять в отряд... пока это не более чем слова. И что у меня остаётся? Дед? Там – да, не достанут. Но я скорее отгрызу себе ноги по колени, чем хоть шаг в его сторону сделаю, тем более по собственному желанию.

Зато, если я явлюсь добровольно, меня, конечно, помурыжат допросами, сто процентов заставят сдать квалификацию на уровень, отчитают за то, что не сделал этого раньше... наверняка погонят на обследование и тесты, но тут ещё можно пободаться, и... да и, в общем-то, всё. За информирование о несовершеннолетнем ученике отвечает Наставник, а мой уже год как преставился. А больше мне и предъявить-то нечего.

Побег – да глупости! Увидел, что натворил, испугался, сбежал, потом пришёл в себя и сразу же явился в полицию. Нет – опять стоп! Вначале дополз до дома, отдохнул от энергетического выплеска, а затем уже явился, как лист перед травой! Именно так и никак иначе.

Медитация, вкупе с принятым решением, придала сил. И к остановке я выходил уже абсолютно спокойным, с готовым планом действий. В первом же ларьке купил минералки и прополоскал рот, наконец, окончательно избавившись и от последствий тошноты, и от столь же мерзкого бананового

привкуса иностранной жвачки. Восемь чужих жизней на счету меня теперь волновали гораздо меньше, чем продукция американского химпрома. Может быть, потому, что, вспомнив все подробности случившегося, я лысых вообще за людей более не считал.

* * *

Начальник полиции города Новосибирска Николай Максимович Доронин с Магической войны не ощущал себя на волоске от смерти. Разумом он прекрасно понимал, что его непосредственный руководитель, генерал-лейтенант Юрий Аркадьевич Якушев, великолепно умеет держать себя в руках и никогда не срывается на подчинённых. Всё же без железного самоконтроля невозможно достичь самых высот в пути воина, а уж чтобы стать комиссаром, если использовать полуофициальные названия рангов, взять и удерживать шестой уровень, то тем более! И всё же было жутковато от соседства с кем-то, способным в одиночку уничтожить целый городской район.

Да и гость, устроившийся в кресле, положив ногу на ногу, и покачивающий лакированным штиблетом, начищенным до такого блеска, что свет ламп, отразившись в нём, резал глаза, не способствовал душевному равновесию. Кого-кого, а магов Доронин не любил. Особенно высшие ранги. Особенно – вот таких, с титулом, владеющих огромными состояниями, со своими ручными армиями, готовыми по первому щелчку устроить небольшую, но вполне легальную войнушку. И уже тем более, когда от него ждали ответов, а сказать ему было в общем-то нечего.

Генерал-майор сглотнул и принялся докладывать.

– За прошедшие полтора часа нами проведены все возможные мероприятия по происшествию на углу улиц Ватутина и Новогодней. Собраны записи со всех камер, опрошены все, из чьих окон хотя бы теоретически возможно увидеть место происшествия, задействован план «Перехват». Сейчас обрабатываем с десяток версий и расширяем радиус поисков. К сожалению, полученная информация на данный момент крайне скудна...

Доронин вздрогнул, когда гость поменял позу. Ведь вроде бы что-то он им доложил, а не сказал до сих пор ни о чём, и все присутствующие это прекрасно понимали. Второй штиблет сверкал не менее первого, однако легче от этой симметрии как-то не становилось. Наоборот, по коже прополз мороз, словно бы он снова оказался на передовой перед последним

штурмом Алма-Аты.

Тогда, попав под удар вражеского Эмерита, его батальон за секунду погиб почти полностью. И хоть никакой явной агрессии в сторону начальника полиции никто не проявлял, у того перед глазами возникли песочные часы, по крупинке отмеряющие срок его жизни. И песка в верхней колбе осталось совсем немного.

– Продолжайте, Николай Максимович, – тяжёлый бас хозяина кабинета заставил тонко задрожать стёкла тройных стеклопакетов, что их производителями, в принципе, считалось невозможным. – Нас интересуют конкретные факты. Семнадцать трупов, попытка похищения двух одарённых девиц, не говоря уже о том, что одна из них возможная наследница клана Федосеевых.

– Я понимаю...

– А ты понимаешь, что дело на особом контроле у Императора? Да? Тогда зачем по ушам едешь? Вон – Александр Павлович рвётся мстить, а кому, не знает. Не будет результата, нас отправят регулировать движение тюленей в сезон переворачивания пингвинов, а искать преступников он примется сам. Своими методами.

Представив перспективу, генерал-майор с трудом сделал следующий вдох. Прохладный, кондиционированный воздух обжёг лёгкие не хуже арктического ветра. Уж кто-кто, а он прекрасно понимал, что это пророчество вполне могло сбыться. Хотя, если подумать, перспектива оказаться за Полярным кругом пугала не так, как остаться в Новосибирске, если Император даст карт-бланш графу Федосееву на поиски обидчиков дочери. На что способен будет взбешённый отец, обладающий такими возможностями... Этого не хотелось даже представлять.

– Докладываю. Нападающие позавчера прибыли в город по трассе Р-254. Номера автомобилей совпадают, но автоматические камеры зафиксировали их, лишь начиная с Коченёво. Больше нигде и никогда данные машины в нашей области не светились. Федеральный запрос послали, но результат будет не раньше чем через сутки, – Доронину удалось взять себя в руки и говорить спокойным, ровным голосом, хотя один господь бог знал, чего это ему стоило. – Поселились в гостинице «Обь», сейчас там идёт обыск, однако вряд ли удастся что-нибудь найти. Номера выглядят так, будто бы ими не пользовались, даже пальчиков не нашли, хотя известно абсолютно точно, что приезжие провели в них более суток. Из странного – своих комнат они не покидали и ничего не заказывали. Сразу попросили не беспокоить, дескать, устали с дороги, будут отдыхать.

Атмосфера в кабинете не то чтобы разрядилась, но, несомненно, стала более рабочей. Даже маг прекратил действовать на нервы своей мерзкой обувью и невозмутимостью, а принялся что-то быстро печатать на понтовом ПМК платиновой серии, впрочем, ничуть не ослабляя внимания.

– Документов, даже тех, что предъявляли при заселении, найдено не было. Машины практически стерильно чистые, нет ни отпечатков, ни каких-либо других следов. То же самое с оружием. Штурмовые винтовки Steyr AUG модели «АЗ» калибра 5.56, производства Анклава Швейцария Германской Нации. Серийные номера отсутствуют, – заметив удивление на лице начальства, уточнил: – Не спилены, а словно их никогда и не существовало. Отдали на экспертизу, попробуют проверить на нуль-воздействие, хотя, что оно присутствует, я могу и так сказать. Кроме того, есть подозрение, что напавшие были гомункулусами. Людей без папиллярных узоров не бывает, а тут у нас сразу восемь. Точнее, семь почти целых и ошмётки от последнего. Ждём более полной информации по результатам вскрытия.

– Для искусственных эти уроды были слишком умны. На сколько действий обычно можно запрограммировать гомункулуса – пять, десять? Ещё ни разу не слышал, чтобы они могли водить машину или стрелять. Да и вряд ли те, кто промышляет их изготовлением, пойдёт на такое, даже если бы могли. Это тебе не секс-игрушки клепать с внешностью Ангелины Жюли.

– Так точно. Но и отметить с ходу эту версию нельзя. Хотя как минимум один из них – стопроцентный человек. Создать одарённого гомункулуса ещё никому не удавалось. Сейчас следственная бригада пытается установить хоть какие-то данные о маге, жаль только, что неожиданный защитник превратил его в грудку мяса, да ещё и голову оторвал. – Генерал-майор мазнул взглядом по Федосееву и понял, что переборщил. – Прошу прощения...

– А вот отсюда поподробнее. Поведай-ка нам, что, собственно, известно про этого «героя». Даже не знаю, то ли бежать свечки за него в церкви ставить, то ли оторвать все выступающие части тела и сказать, что так и было. Это ж надо. По силам – явный Ротмистр, а то и Бригадир. И ни одного живым не взял. Как специально, ей-богу!

– К сожалению, перед атакой ведьмак нападавших...

– Именно ведьмак? – заинтересовался гость кабинета. – Может, боевой маг? Мы тоже учили магеми, и вполне умеем кастовать без ПМК.

– Вы лучше меня знаете, что военные, как, впрочем, и иные силовые ведомства, подходят к вопросу выбора крайне утилитарно. Редко когда

количество запомненных психоэмоциональных матриц вязи превышает семь штук. Но при этом они подобраны таким образом, чтобы решить максимум задач. Однако у нападающего мы можем видеть обилие атакующих заклятий, одно, помогающее скрыться от наблюдения, и всё. Ни защиты, ни предупреждения об атаке нет. Иначе он не позволил бы убить себя с одного удара. На основании этого наши аналитики пришли к выводу, что подобный набор больше всего подходит ведьмакам из какой-либо секты, всё ещё обучающей одарённых по старинке. Однако версию боевого мага со специфическим набором магием мы не сбрасываем со счетов.

– Логично, с одной стороны. С другой, возможно кто-то из диверсантов? Что там с защитой от наблюдения было? – Якушев задумался, перебирая в уме известные ему группы, отличавшиеся специфичным подходом.

– Нападающий активировал Сферу Отражения, что не позволило чётко зафиксировать момент атаки. Опрос по горячим следам мало что дал. По сути, мы можем опираться лишь на слова баронетессы Катерины Александровны и Юлии Андреевны. Однако на той скорости, с которой произошло боевое столкновение, разглядеть они смогли немного, – Доронину не надо было заглядывать в бумаги, чтобы перечислить скудные приметы неожиданного спасителя девиц. – Молодой человек, в возрасте от шестнадцати до двадцати. Одет в белую футболку и синие штаны. На ногах кеды. «Москва», изрядно потёртые. Размер сорок пятый.

– А что-нибудь кроме этой, несомненно, важной информации у нас есть? Или ты предлагаешь нам сейчас, словно сказочным принцам, схватить по паре стоптанных тапок и пойти в мир, искать свою Золушку? – Якушев говорил тихо, вкрадчиво, но от этого волосы вставали дыбом даже у казавшегося воплощением невозмутимости графа. – Скажи мне, Николай Максимович, что я, по-твоему, должен буду доложить Императору через полчаса? Что весь личный состав меряет кеды у встречных и поперечных?

– Виноват. Есть предположение, что подозр... разыскиваемый работал подсобным в одном из магазинов ближайших торговых центров. Данная версия кажется мне наиболее перспективной и сейчас проверяется. Результат будет в течение часа. Также пытались составить фоторобот, но... – генерал-майор красноречиво покосился на Федосеева. – Поскольку потерпевшие уже отбыли домой, закончить его не удалось.

Маг по-прежнему делал вид, что происходящее его не касается. Реставрация наделила новую аристократию – магические и воинские кланы, значительными свободами, в обмен на присягу Империи и Императору лично, поэтому, забрав дочь и воспитанницу, он был в своём

праве.

Особый Кодекс, под который попадали одарённые, находящиеся на госслужбе либо состоящие в «родовых объединениях», как это именовали официально, был мягок даже в отношении тяжких преступлений, если так можно было назвать миллионные штрафы, увольнение с позором со службы или полную конфискацию имущества всей семьи, независимо от того, на кого она зарегистрирована. При этом особо тяжкие нещадно карались смертной казнью так же без оглядки на былые заслуги.

Однако заниматься расследованиями в отношении данных лиц могли лишь одиннадцатый отдел КГБ. Система была громоздкая, и нередко получалось, что полиции приходилось идти на превышение своих полномочий, как, например, сейчас, самостоятельно допрашивая двух родовитых свидетельниц, потому что коллеги-смежники задерживались, а время уходило и «следы остывали».

По слухам, над реформой, позволившей бы нормально функционировать надзорному аппарату, работали уже несколько лет, но пока видимых результатов не было. Аристократы же, даже будучи потерпевшими, обычно не спешили упрощать работу следователям, зачастую рассчитывая самостоятельно покончить с обидчиками.

Якушев, вынужденный лавировать между поддержкой подчинённых и интересами кланов, лишь тяжело вздохнул. Ситуация бесила отсутствием простого решения. Впервые за много лет генерал-лейтенант почувствовал себя старым. И хоть было ему всего шестьдесят семь, а живой пример говорил, что одарённые и после ста не теряют бодрости и могут дать фору многим молодым, сегодня Юрий Аркадьевич ощутил, как каждый прожитый день ложится на плечи бетонной плитой. И лишь заповедным усилием воли, закалённой в ежедневной борьбе с самим собой и даром, в любой момент могущим обернуться проклятием, он сумел взять себя в руки.

– Доклад каждые десять минут. Опрос продолжайте. Шерстите не только магазины, а вообще всех, особенно на предмет нелегальных работников. Ну, не мне тебя учить! Свободен, – и подождав, пока за подчинённым закроется дверь кабинета, продолжил: – Вот скажи, Александр Павлович, как работать в таких условиях? Император требует, кланы требуют, герой этот нежданный объявился. Кто знает, что там у него с психикой. Тридцать секунд – восемь трупов. А отвечать кому?

– Издержки высокого положения, ваше высокопревосходительство, – гость снова закинул ногу на ногу и достал платиновый портсигар. – Позволите?

– Кури уж. И давай без чинов. То ли не с тобой мы вшу кормили под Одессой? Или к тебе, граф, теперь на козе просто так не подъедешь? А, капитан? Вон какой весь стал лощёный, ну чисто франт или мафиози итальянский. Помнишь сериал про комиссара Катани?

– Положение обязывает, Аркадьич. Я в эксплуататоры трудового народа не рвался – ты же знаешь. И когда Император на награждении спросил, чем увлекаюсь, при тебе же сдуру ляпнул, что радиоэлектроникой, – Федосеев вынул крохотную карманную пепельницу, постучал по ней папиросой и, прикурив от пальца, с наслаждением затянулся. – Вот и прикинь, вызывают меня через два дня, как ты домой уехал, к себе в резиденцию, в парадной форме со всеми наградами. Думаю, что случилось-то, вроде подвигов особых за мной не замечено, неучтённых, по крайней мере. Готовлюсь, значит, выбираю сорт вазелина... ведь у нас как? Раз не за что награждать, значит, будут дрючить, а зачастую и совместят оба этих увлекательных процесса.

Якушев поднялся, подошёл к небольшому комоду, выполненному из морёного дуба, скрывающему в себе мини-холодильник и бар. Хоть сильным одарённым, особенно магам, употреблять алкоголь не рекомендовалось, это скорее было перестраховкой. Каждый, достигший высот в одном из двух путей, контролировал себя в любом состоянии, а напиться до розовых слонов становилось просто невозможно – слишком быстро организм справлялся с опьянением. Так что маг даже не подумал отказываться от бокала кизлярского коньяка и, поблагодарив кивком хозяина кабинета, продолжил рассказ.

– Захожу, шаг печатаю так, что метрономы от зависти заикаться начинают. А меня встречает сам Император, рядом с ним Беспалов, он тогда замом верховного главнокомандующего был, министерство только через полгода образовалось, и ещё двое, я их в тот момент только по причёскам и различил, кто мужик, а кто нет...

Он вдруг замолчал и, вздохнув, продолжил:

– ...Я-то до этого момента считал, что кимоно это то, в чём мы дзюдо занимаемся, а тут халаты какие-то и, главное – одинаковые почти, – Александр Павлович покатав в бокале коньяк, отхлебнул, затянулся сигаретой и, впервые за последнюю пару часов, как он узнал о попытке похищения дочери и воспитанницы, позволил себе немного расслабиться. – Главное, оба кланяются, и видна лишь спина и макушка, даже в лицо заглянуть нет возможности. И тут государь заявляет, дескать, коли ты у нас по разной электронике, вот на тебе завод где-то во глубине сибирских руд, вот тебе жена, с приданым в виде штата инженеров иностранных, зело

умных, но по-русски не гутарящих... в нагрузку, на тебе титул графа, право основать свой клан, с гербом, дружиною и прочими привилегиями. А ежели через год первую продукцию не покажешь – голову на плаху положишь. А теперь пшёл вон, и бабу свою забери.

Федосеев ещё отхлебнул коньяка и невидящим взглядом уставился в стену. В кабинете повисла тишина. Якушев спокойно ждал, давая возможность выговориться старому сослуживцу, с которым не раз ходили вместе в атаку.

– Веришь, нет, я не помню, вообще спал ли первую пару лет. Юмико... если бы не она, бросил бы всё ещё в самом начале. Никогда не поверил бы, что чужая, не говорящая по-русски женщина станет для меня самым близким человеком в этом мире. Пока я зашивался, пытаюсь адаптировать японские технологии к нашему элитному раздолбайству, да так чтобы всё работало, она стала мне и подмогой, и опорой, да ещё родила трёх детей. И когда я впервые увидел, как жена смотрит на маленькую Катьку, пообещал себе, что никто и никогда не обидит мою дочь. А тут какие-то ублюдки... среди бела дня...

Скрип зубов и испарина на лбу выдали внутреннее напряжение мага. И генерал его понимал. Прощать подобное было нельзя. Сегодня напали не просто на двух девчонок, напали на будущее Российской Империи. Так что внимание государя к происшествию было вполне оправданно. Осталось только взять тех, кто послал этих уродов, и заставить их заплатить так, чтобы весь мир понял раз и навсегда – к нам не лезь.

– Мы найдём их, капитан! Даю слово! Я лично их кишки размотаю по всем заборам в округе. Сейчас...

Юрия Аркадьевича прервал стук в дверь. На пороге возник запыхавшийся Доронин.

– Ваше высокопревосходительство... нашли... героя! Точнее, он сам пришёл в Ленинское отделение полиции.

Маг и воин одним движением опрокинули в себя остатки коньяка и поднялись на ноги. Они были готовы действовать, словно и не существовало тридцати лет относительно мирной жизни.

Глава 3

По дороге в полицию я успел накрутить себя, перебирая в голове любые возможные варианты развития ситуации, от вручения медали, как говорится, не отходя от кассы, до немедленного расстрела, как главного подозреваемого. Но, блин, к тому, что от меня просто отмахнутся, дескать, иди отсюда, мальчик, не мешай, меня жизнь не готовила. Пришлось настаивать, что я свидетель произошедшего, и уже двадцать минут я сижу на лавке, жду, когда найдётся кто-нибудь, чтобы со мной побеседовать.

Самое смешное, что за всё это время я, кроме дежурного, неотрывно висящего на телефоне, видел всего пару человек, промчавшихся мимо на скорости, сделавшей честь даже призовому арабскому скакуну. На скромно притулившегося в уголке меня – ноль внимания. Нет, я, конечно, не гордый, и подобное никоим образом не обижает, но со свидетелями кто-то же должен работать? А то с таким отношением подмывало собраться и пойти домой. Пусть ищут сами!

По счастью, подобные мысли не успели перерасти во что-то большее. Хлопнула входная дверь, и в помещение вошёл мужчина в штатском. Дежурный, на секунду подняв глаза, указал ему взглядом на меня. Вид у вновь прибывшего был, словно у человека, у которого что-то горит, заставили заниматься никому не нужной ерундой, и с какой-то стороны я его понимал. Хвост им наверняка накрутили знатно.

– Оперуполномоченный, старший лейтенант Сиверцев. Это ты «свидетель»? Пошли, пообщаемся, но учти, парень, если меня просто так с обхода сдёрнули, то ты сильно об этом пожалеешь, – полицейский внимательно посмотрел мне в глаза, выискивая следы волнения. – Если ты просто решил прославиться – то учти, что за дачу ложных показаний предусмотрена уголовная ответственность. Не ломай себе жизнь... А? Давай так, ты сейчас исчезаешь отсюда, а я делаю вид, что тут никого не было. Идёт?

– Вряд ли, – заботу я оценил, но случай был не тот. – Кстати, я и не говорил, что являюсь свидетелем. Видел, это да. Сложно не заметить тех, кого к праотцам отправляешь...

– Обувь покажи! – мужчина подобрался мгновенно, словно гончая, почуявшая кровь, и, глядя на мои новые ботинки, купленные специально для техникума, прищёлкнул языком. – Сдаётся мне – ты врёшь. Если, конечно, ты не из этих уродов, что пальбу устроили.

– Так я домой заходил. Отдохнуть, помыться, а то штормило сильно после схватки. Выложился, да и это... короче, вывернуло меня, когда адреналин прошёл, – слабо понимая, какое отношение мои рабочие кеды имели к тому, вру или нет, я тем не менее решил ответить честно. – Так что приехал в общагу, почистился, переделся, документы взял да и пошёл сюда. А, собственно...

– Просто это единственная деталь, которую запомнили свидетели. Да ещё настолько подробно. Так что можешь считать себя Золушкой, – Сиверцев хохотнул и хотел хлопнуть меня по плечу, но передумал, при этом другой рукой незаметно, как ему, наверное, казалось, показывая дежурному козу. – Пошли, что ли, пообщаемся. Расскажешь, как дошёл до жизни такой. Кстати, чай будешь? Или лучше кофе?

– Господин старший лейтенант... Я – адекватен, занимался с наставником. Просто так сложилось, что тестирование не проходил. И против визита «инквизиторов» ничего не имею, – я сразу догадался, что полицейский не впал в детство и не кидает распальцовки, а намекает на вызов бойцов одиннадцатого отдела КГБ, занимающегося одарёнными, и за это носивших такое «милое» прозвище. – И снотворного с успокоительным мне тоже не надо. Я и так всё расскажу.

Назвать то, что происходило дальше, иначе чем цирк с конями я не могу. Начиналось всё очень даже неплохо. Мы с Антоном Евгеньевичем, так представился старлей, записали мои показания, начиная с самого утра. Опер оказался профи и очень помогал наводящими вопросами. Пару раз заглядывал начальник отделения, в чине подполковника, сказал, что доложил руководству о том, что я нашёлся, и теперь стоит ждать высоких гостей. Но приехали совершенно иные индивидуумы.

Если честно, то поначалу я подумал, что нас штурмуют бритоголовые. Но оказалось, что так, с криками, угрозами оружием и прочим, прибыла спецгруппа одиннадцатого отдела КГБ. Дальнейшее уже гораздо больше походило на допрос. Всех полицейских силой выдавили из комнаты. Я оказался под прицелом пары АШ-12. Эти штурмовые винтовки разрабатывались специально для и против одарённых. И действительно, пули калибра 12.7 миллиметра были действенны даже против Ротмистров и Адептов, что вполне укладывалось в мою легенду. А вот зачем там нужен был маг, «Магистр», нервно крутящий в руках свой ПМК, при этом сверлящий мою спину злым взглядом – было непонятно. Как и то: где я успел насолить «инквизиторам»?

С этими господами общение сразу не задалось. Я не чувствовал вины, чтобы позволять обращаться с собой как с суперпреступником. И уж тем

более не стоило орать на меня и направлять лампу в глаза. Кидаться на них я, несмотря на угрозы и подначки, – не стал, просто отказался говорить. Вроде бы небольшое геройство, но когда тебе в затылок практически тычут стволом и, забрызгивая слюной, рассказывают, с каким удовольствием бы шлёпнули меня прямо тут, сдержаться очень и очень сложно.

Вот только я чувствовал, если покажу норы, то никакого адвоката, обещанного Сиверцевым, я не увижу. Скорее всего, меня упакуют и отправят в спецтюрьму для одарённых. По крайней мере, попытаются, потому что тогда мне терять будет уже нечего, ведь слухи об этом заведении ходили самые паршивые. С другой стороны, долго удерживать меня здесь и никого не пускать у этих товарищей не получится. Слишком резонансное дело, да и вряд ли старлей имел в виду «инквизиторов», когда говорил про гостей.

И стоило на пороге возникнуть генерал-лейтенанту, одним взглядом заставившего осназовцев присмиреть и вытянуться во фрунт, мне нестерпимо захотелось погладить себя по голове. Мол: «умница, всё правильно рассчитал». Сейчас плохим дядям и без тебя наваляют. Бить сотрудников КГБ, естественно, никто не стал. Им хватило одного рыка Якушева, а не узнать единственного в городе «Комиссара» было трудно, как, собственно, и спорить с ним. Тем более когда он обещает оторвать все не нужные части тела, в частности голову, раз ею всё равно не пользуются.

В общем, не прошло и пяти минут, как порядок был восстановлен, «инквизиторы» отправились к себе, кроме того, что меня допрашивал, угрожая расстрелом и прочими ужасами. Как я понял из разговоров, именно он был инициатором «маски-шоу», решив под шумок урвать свою толику славы. Будучи оперативником с широкими полномочиями, этот индивид одним из первых получил информацию, что нашёлся участник происхождения, взял спецгруппу и рванул напрямки в отделение.

Что с ним сделали, не знаю, но примерно через минут пять вся беготня утихла, а в кабинет, где я так и сидел, зашёл Якушев и ещё один мужчина. Единственного Комиссара – воина шестого ранга, на государственной службе, в городе знали в лицо все, от мала до велика. Человек с большой буквы, который сделал себя сам. За то, что он отверг несколько предложений о переводе в Петербург и Москву, генерала уважали все, от мала до велика. Всё же воинов такого уровня в стране было не более сотни, и даже его присутствие в виде «свадебного генерала» уже добавляло статуса области. А Юрий Аркадьевич вдобавок показал себя умелым руководителем.

Однако его спутник был гораздо больше известен широкой

общественности. Граф Федосеев Александр Павлович входил в первую волну новой аристократии, но славу принесло ему не это. Каждый одарённый, не важно, маг он или воин, заслуживший право создать свой клан, получал от Императора в собственность, «на кормление», так сказать, какое-либо предприятие. Природные ресурсы оставались монополией государства, а вот всевозможные заводы и фабрики обретали новых хозяев.

Вот и получил новоиспечённый нобиль в награду Бердский радиозавод, а в нагрузку жену, но не простую. Как раз в это время в Японии прошла своя Реставрация, и тэнно, вполне разумно рассудив, что если хочет сохранить страну, с американским орланом и китайским драконом ему не по пути, обратил свой взор на русского медведя. Естественно, и тем и другим такой расклад не понравился.

Заруба вышла знатная. Две свежеиспечённые империи против остального мира. Три авианосных флота США упокоились на дне Тихого океана. На месте Южной и Северной Кореи теперь были дикие земли, рассадник анархии, пиратов и постоянный источник напряжённости. Оттуда фронт перекинулся на Китай, перерастая в полноценную воинскую кампанию. Всё это мы учили в школе на уроках новейшей истории.

А ещё что для создания наиболее тесных связей между государствами, Россия и Япония заключили ряд династических браков среди представителей новоявленной аристократии. Не избежал этого и Федосеев. Молодому магу в жёны досталась ни много ни мало младшая дочь основателя Sony – Юмико Морита, с приданным в виде технологий, штата инженеров и полноценных производственных линий.

К чести Александра Павловича, полученного ему хватило, чтобы за десять лет создать целую промышленную империю и войти в пятёрку крупнейших производителей электроники в мире, потеснив даже детище тестя. Но жил один из богатейших людей страны по-прежнему в Бердске, там, откуда начинал восхождение на пьедестал. Вот только быть здесь и сейчас он мог лишь по одной причине.

– Прежде чем вы начнёте, позвольте поблагодарить за спасение девочек, – первые же слова графа подтвердили мои выводы, а это означало, что моё положение многократно усложнилось. – Не люблю бросаться избитыми фразами, но клан и я лично готовы исполнить любое твоё желание. Просто за то, что не остался в стороне. Подробности обсудим позже, есть у меня заманчивое предложение.

– И вечно вы, аристократы, самых перспективных прямо под носом перехватываете, – Якушев нахмурился, но в голосе не было слышно недовольства. – Может, юноша всю жизнь мечтал служить в полиции? А,

Кузьма? Пойдёшь к нам? Закончишь спецлицей, оттуда сразу в институт поступишь. Талантливые ребята нам нужны.

– Бла... благодарю, – я аж поперхнулся от такого напора. – Мне очень лестны ваши предложения, но я ещё не определился, чем хотел бы заниматься дальше.

– Но цель-то у тебя есть? К чему ты стремишься? Или просто плывёшь по течению?

Я невольно покраснел. Моя мечта, то, чем я действительно хотел заниматься, многим показалась бы дико наивной. Но это было единственным способом почтить память моего Наставника, пусть даже сам он, если бы узнал, постарался бы выбить подобные мысли из моей головы.

– После техникума я хотел вступить в один из отрядов наёмников, отправляющихся в украинскую Зону. Собирался стать охотником за артефактами.

– И поэтому ты связался с «Медведями»? Но, насколько мне известно, сами они даже территорию области редко покидают, всё больше на охране специализируются, – взгляд у генерала был пронзительным, точь-в-точь как у отца Алексия.

– Да нет. Там случайно получилось. Я только в город приехал и работу искал. Дома денег никогда не хватало, да и мелкие растут, на них вещей не напасёшься. Мама и так все мои старые перешила, – от воспоминаний о семье на лицо сама напозла улыбка. – Вот в спортзале и наткнулся на объявление, что наёмное агентство ищет спарринг-партнёров для тренировки групп быстрого реагирования. Мне и самому заниматься надо было, а тут ещё и деньги платить обещали. Пошёл туда. Поначалу брать не хотели, я еле уговорил устроить пробный спарринг. Побились с их Есаулом – Семёновым. Он там самый сильный воин, остальные максимум Корнеты. В общем, ему понравилось, так что меня взяли. Это уже потом я в ресторан устроился.

– На кухню. А работал грузчиком, так? – если Федосеев, услышав о моей мечте, закатил глаза и заулыбался, дескать, мальчишка, что с него взять, то генерал хоть и присоединился к веселью, смотрел всё так же внимательно, настороженно. – Опять из-за денег?

– Ага. Мне не тяжело было, а начальство ещё и еды подкидывало. Основную-то часть я домой отсылал, оставались копейки, – я постарался сделать максимально простодушное лицо. – Не будешь же всё время одними пельменями питаться. И витамины нужны, вы же знаете, что воину постоянно надо тренироваться, чтобы уровень не упал, а значит, и кушать соответственно.

– Знаю. Не понимаю только, почему ты, с такими талантами, не пошёл в какую-нибудь секцию. Там бы и с развитием помогли, и с официальной подработкой, чтобы не приходилось быть мальчиком для битья. Уж за шестнадцатилетнего Бригадира любой сенсей отдал бы правую руку. Вон твой даже зарегистрировать тебя нигде не стал, боялся, что соблазнят и уведут в другую школу. Разве не так?

– Нет. Отец Алексей сделал это по иным причинам, не относящимся к этому разговору. – Хотя сегодня и сорвался, обычно выдержки мне было не занимать, так что на провокацию я не повёлся. – К тому же я сам попросил его не афишировать мои достижения, по личным мотивам. Да и не дорос я пока до пятого уровня. Мой предел – Есаул, и то в лучшем случае.

– Кузьма, пойми. Сейчас решается вопрос твоего будущего. Не кем ты хочешь стать, наёмником или кем-то другим, а будешь дальше жить, как человек, или окажешься в спецзаведении ведомства одиннадцатого отдела, – Якушев больше всего сейчас походил на доброго дедушку с глазами матёрого убийцы. – Так что будь добр, объясни, для чего такая секретность? Что за тайны ты скрываешь? Просто поверь, для всех будет лучше, если признание не придётся из тебя вытягивать.

– Мой отец. Он священник в Чулымском приходе. И категорический противник магии и одарённых, – я покаянно повесил голову. – Если бы он узнал... вот я и попросил Наставника никому не говорить о том, что стал воином.

– Вот видишь как просто, – генерал расплылся в улыбке, плавно перешедшей в оскал. – А теперь правду давай. Сказками будешь вон оперов кормить, да и то тех, кто поверит, лично на улицу вышвырну.

Я вздохнул. Глупо надеяться, что наспех сляпанная легенда прокатит. Якушев был матёрым волcharой, да и объяснение реально было так себе. Шпион из меня явно не получился. Но сказать правду... а, собственно, почему нет. Им надо, вот и пусть бодаются. А старого хрыча, если что, я всегда послать лесом успею. Уж он мне задолжал на две жизни вперёд.

– Дело в том, что мы уехали в Сибирь не просто так. Ещё до того, как отцу предложили возглавить Чулымский приход, у него произошёл конфликт с дедом. Собственно, тогда он и решил принять постриг. А перед этим поменял фамилию, чтобы ничего с прошлым не связывало, – я посмотрел прямо в глаза генералу. – Моего деда зовут Иван Митрофанов.

Наверное, скажи, что я инопланетный засланник, прибывший на Землю с целью разведки и последующего её захвата, мои собеседники не удивились бы сильнее. Федосеев вообще поперхнулся воздухом, едва не уронив при этом свой понтовый ПМК, и теперь пытался откашляться.

Якушев оказался покрепче, но и то на его лице явно читалось удивление пополам с недоверием. Понадобились не меньше пяти минут, чтобы к ним вернулся дар речи.

– Это во многом меняет дело, – первым, как и положено, в себя пришёл Комиссар. – Понятно, откуда у тебя способности, кровь не водица. Кузьма, ты всё же подумай о службе в полиции. Составлю личную протекцию, чувствую, далеко пойдёшь. Хотя вон как Александр Павлович напрягся, будет сейчас тебе золотые горы обещать.

– Имею право. Тем более на мне долг жизни, – Магистр уже тоже взял себя в руки и принял свой обычный, невозмутимый вид. – А предложение не изменилось. Закончишь – пообщаемся.

– Да мы, собственно, уже почти всё. Только по тренеру остались вопросы, – Якушев полистал протокол первого допроса, который проводил ещё старлей. – Отец Алексей. Не одарённый. Самозванный священник Чулымского прихода. Около пятидесяти лет, худощавый, шрам на левом виске вплоть до подбородка, нет первой фаланги на мизинце правой руки. Глаза зелёные, длинные волосы, борода. М-да, негусто. Непонятно, как он сумел добиться такого прогресса. Талант талантом, а воинам тренировки жизненно важны. Каким стилем он владел?

– Не знаю. Мне как-то было всё равно, – я пожал плечами. – Знаю только, что Наставник запрещал драться, если не хочу кого-нибудь убить. Если бы не это, сегодня я бы раньше вмешался. Опешил, конечно, не без этого, но, думаю, в следующий раз, не дай бог, он случится, среагирую быстрее.

– Будем надеяться, что обойдётся без этого. Уродов мы найдём, не сомневайся. Пока давай всё же закончим с протоколом. Есть что добавить?

– А да. Не знаю, является это особой приметой или нет, у Наставника над сердцем был то ли шрам, то ли родимое пятно в виде трёхлучевой звезды. Пожалуй, всё. Больше ничего не помню.

– Ну, раз так...

– Погодите! – Федосеев что-то быстро пролистывал в ПМК, сжимая его так, что костяшки пальцев побелели. – Секунду! Вот посмотри. Это он? Твой Наставник?

На экране прибора, заменявшего магам и смартфон, и компьютер, и волшебную палочку, была открыта фотография. Не цифровая, явный скан обычного снимка, но хорошо обработанный специалистом. На ней запечатлены пятеро мужчин в военной форме. Крайним правым стоял сам Александр Павлович, ещё молодой, с капитанскими погонами на плечах. Трёх других офицеров я не знал. А вот в центре, прямо в объектив смотрел

мужчина с упрямо сжатыми губами, колючим взглядом, чувствовавшимся даже через время и расстояние, и в чине полковника.

Этот взгляд я помнил очень хорошо. Им он как дюбелями пригвоздил отца к месту, когда тот заявился с требованием немедленно убираться из прихода. Я тогда ещё подумал, что неясно, кто в итоге и куда пойдёт. Но Наставник, а это был именно он, не стал обострять ситуацию, а молча собрался и тихо исчез... чтобы через пару дней найти меня и предложить помощь. А ведь к тому моменту я уже серьёзно подумывал о самоубийстве. Подвергнуть опасности маму и мелких я просто не мог, а чакры уже начали открываться, постоянно прогоняя сквозь меня дикие объёмы энергии.

Моего молчания хватило, чтобы граф, растерявший весь апломб, уселся на место и утёр трясущейся рукой пот со лба. На невысказанный вопрос генерала он ответил, выхлебав стакан остывшего чая, так и стоящего перед ним.

– Это «Варяг». Фото сделано в девяносто четвёртом. А через пару месяцев он с командой сопровождал вторую экспедицию к Киеву и пропал там. Не вернулся никто. Интересный ты человек, Кузьма. Дед – легенда, наставник – тоже. Первый Воевода в стране, – взгляд мага стал твёрдым, словно он принял сложное решение. – Значит так. Пока не обнаружилось что-то ещё, я хочу сделать тебе предложение. Через месяц начинается учебный год. Я отправляю девочек в Москву, в Пятый Императорский магический колледж, и хочу, чтобы ты сопровождал их. Все организационные и финансовые вопросы беру на себя.

– И что я там буду делать? – Я опешил от всей свалившейся на меня информации и даже немного завис, пытаюсь её переварить. – Погодите! Вы знали Наставника?

– Я обязательно расскажу тебе о нём, но позднее. Сейчас необходимо заняться твоей легализацией. Надо будет пройти комиссию, зафиксировать твой уровень...

– А вот с этим я могу помочь. Доктора-шмактора – баловство всё это. Настоящая сила воина познаётся в бою, – генерал хитро глянул на меня, всё ещё пребывающего в некой прострации. – Давай, Кузьма, на кулачки, раз на раз. Посмотрим, чему тебя Варяг научил. Когда-то он и моим наставником был, правда, недолго.

Мне оставалось только пожать плечами. На кулачках так на кулачках. По какой-то причине я ожидал чего угодно, но уж точно не предложения смахнуться, полученного от самого начальника полиции области.

А ведь как подгадал, старый лис! И не откажешься – человек вроде бы безвозмездно услугу оказать хочет, чтобы помочь мне, непутёвому, чуть ли

не на должностное преступление идёт. А на самом деле – загоняет в угол, как ту самую жирную крысу, с одним-единственным желанием посмотреть, что та будет делать – окочурится или покажет зубки. В любом случае – он выяснит всё, что ему нужно.

Тут ведь какое дело – человек, сам по себе, штука сложная, и в нашем организме всё переплетено и взаимосвязано. Именно поэтому даже самые незначительные изменения в его состоянии непременно сказываются на общей моторике, которую внимательный и умелый боец читает как открытую книгу. Причём, если приборы можно постараться обмануть, те же тесты сдать так, как нужно тебе, и даже самый умный маджи-интеллект не сможет различить подмену, то в поединке с профессиональным воином «соврать» будет очень и очень трудно.

Взять хотя бы популярные раньше секции японского карате. Стоят ученики перед сенсеем и повторяют за ним какие-то приёмы. Казалось бы, всё единообразно и удары у них одинаковые, и стойки все как у одного... а на самом деле каждый из них уникален, любое движение неповторимо, и знающему человеку сразу же видна огромная разница между всеми этими людьми.

Всегда можно сказать, кто старается, а кто нет. Оценить общий уровень подготовки, кто выкладывается до последнего, а кто целенаправленно сдерживает себя. Каково психологическое состояние бойца, не болеет ли он чем-нибудь, и даже о чём он в данный момент думает. Не в буквальном смысле, конечно, но если воин не сосредоточен и отвлекается, становится понятно, что мысли его явно далеки от боевых искусств. Ну и, конечно же, то – к какому боевому стилю человек привык, потому как тот же шпажист всегда будет двигаться немного по-другому, нежели бывший борец или боксёр, как бы мастер ни старался передать своему ученику новую для него науку.

У человека же с раскрытыми чакрами всё ещё и усугубляется тем, каким уровнем силы он может оперировать и сколько энергии привык вкладывать в удар. От этого рисунок движений претерпевает кардинальные изменения, да и вообще один и тот же вызубренный и отработанный удар у одного и того же человека разительно отличается, в зависимости от того является ли он на данный момент Юнкером, Корнетом или Есаулом.

Всё это я знал и ни секунды не сомневался, что Якушев прекрасно осведомлён о том, что Наставник должен был посвятить своего ученика в подобные тонкости. Так что отказ от поединка, под каким бы предлогом я его ни озвучил – не просто прибавил бы мне ненужных проблем, а вызвал бы вполне закономерные подозрения. То есть – полицейский прекрасно

знал, что сейчас делает мне безальтернативное предложение, от которого я не смогу отказаться.

Вот и получалось, что передо мной вставали две практически несовместимые задачи: убедительно показать уровень Есаула, то бишь моторику, свойственную приложению силы от дыхания тремя чакрами, которую я давным-давно перерос, и одновременно доказать, что при этом я, такой красивый, вполне мог справиться с восьмёркой лысых уродов.

Естественно, что по пути к хоккейной коробке, расположенной недалеко от отделения полиции и явно часто используемой стражами порядка для собственных тренировок, я немного разнервничался. Нет – не оттого, что точно знал, что даже при полной выкладке этому Комиссару я не соперник и по большому счёту шансов победить у меня никаких.

Нас разделяла огромная пропасть в опыте, и не мне, позанимавшемуся каких-то пять лет, и ещё годик поработавшему боксёрской грушей для второсортных наёмников, надеяться на что-то, выступая против такого волкодава. Я прекрасно знал, что сейчас буду огребать, и мне, скорее всего, не поможет даже полная сила, демонстрировать которую было никак нельзя. Чего-чего, а боли я не боялся, защитные техники у меня были на высоте, вот только многие из них ну никак не влезали в относительно низкую планку возможностей Есаула. И самым неприятным было то, что я настолько сросся с ними, что применял автоматически и сейчас никак не мог вспомнить, что можно использовать, а что нет.

– Ну, – устало вздохнул полицейский, ослабляя и снимая через голову галстук, после чего передавая его, фуражку и китель стоявшему рядом Федосееву. – Давай, Кузьма, не стесняйся. Покажи всё, на что способен.

– Ладно... – кивнул я, вставая напротив него.

Мужчина расправил плечи, повертел головой, разминая шею, и замер в высокой стойке, чуть согнув правую ногу и подняв руки ладонями ко мне на уровень своего лица. Похоже, Якушев был практиком какой-то системы, выросшей то ли из «Муай тай», то ли из классического кикбоксинга. Скорее всего, как и у большинства бойцов, достигших уровня Комиссара, он же её и разработал, потому как мелкие шкеты типа меня ещё не имели за душой ничего своего, для настоящего воина, с открытой чакрой Аджина, пользоваться чужими наработками было непозволительной роскошью.

Это в общем-то были последние мои мысли, после чего я привычно прекратил думать и также занял положение готовности. Высокая левосторонняя «Журавлиная стойка», как называл эту форму Наставник, и хотя из группы «Пяти Зверей» мне дался в итоге именно тигр, я не очень любил его низкие, какие-то крадущиеся перемещения. Однако искусство,

на которое меня натаскивал отец Алексей, тем и отличалось от многих других рукопашных стилей, что в нём полностью отсутствовали как таковые «приёмы». Система была не спортивной, модульной, и базовые «Пять Зверей» являлись всего лишь описанием вариаций движений.

Пёс, Дракон, Журавль, Полоз и Тигр – не копировали, как то было принято в том же ушу, повадки соответствующей живности, а потому не уродовали восприятие бойца, привыкшего изображать из себя, например, богомола. Формы просто позволяли не задумываясь перестраиваться в бою и без китайских извращений ёмко описывали естественные человеческие движения, формируя из них соответствующие наборы, легко подстраиваемые под любого противника. Так что не было ничего такого в том, что кисти сами собой сжались в кулаки, ассоциирующиеся по Наставнику с «тигриной лапой».

– Хм... «Джит Кун-до», что ли, – краем сознания уловил я задумчивый голос Федосеева. – Хотя нет... не похоже. Может, Вин Чунь?

Пусть гадает. Его право. Наставник говорил мне, что не учил подобному искусству никого, кроме меня, и я ему верил.

Взвинтив восприятие и скорость, я рванулся вперёд. Якушев, мягко улыбаясь, тут же выдал пробный «лоу кик». Я даже не стал уклоняться, просто нанеся встречный удар стопой по летящей в меня со скоростью пушечного снаряда голени атакующей ноги, одновременно нанося быструю серию кулачных ударов вдоль центральной линии тела противника.

Всё это был ещё детский лепет, и полицейский, сам практически не атакуя, легко сводил на нет мои потуги, отводя атаки в сторону одной рукой, и я почти пропустил момент, когда другая плавно и как-то неторопливо опустила мне на плечо. Только в последнее мгновение, заметив опасность, скользким движением ушёл в сторону и тут же был вынужден жёстко принять очередной «лоу» и прилетевший сразу за ним высокий, похожий на маваша-гери удар, за которым последовал простенький прямой тычок кулаком.

И вот тут мне пришлось взвинтить скорость, потому как я банально не успевал защититься. Кое-как перехватив руку противника предплечьем, я прокатной защитой сдвинул его удар всего-то на пару сантиметров, и сам скользнул вперёд на возврате, заходя локтем в сверхблизкую зону и... обнаружил себя лежащим на асфальте с мастерски заломленной рукой и двумя пальцами, едва касающимися моей сонной артерии.

– Ну что же, молодой человек, – послышался надо мной голос Якушева, и я почувствовал, как он отпустил мою руку. – Очень, очень достойно... Надо сказать, я удивлён, хотя теперь и верю, что ты ученик

Варяга.

* * *

– Что скажешь, Аркадьич? Не поторопился я с этим мальчишкой? Может, он посланный казачок, уж слишком всё... вовремя. – На улице уже была глубокая ночь, и в кабинете начальника ГУ МВД Новосибирска царил полумрак. Федосеев расположился в кресле около небольшого столика, заставленного закусками, и задумчиво катал коньяк в бокале. Старые боевые товарищи, с такими разными судьбами, вернулись не так давно, занимаясь устройством будущего внезапно объявившегося воина.

– Не думаю. Неоправданно сложно для внедрения. Скорее, действительно случайность, но этим уже не мы будем заниматься. Через пару часов приезжает Куратор. Ты же понимаешь, что окончательное решение за ним? – Якушев залпом выпил спиртное и, закинув в рот пару кусочков брынзы, прожевал. – Сам парень крайне необычный, это да. Чему его успел научить Варяг, одному Богу известно. Сюрпризов у него полно, это правда. Никогда у третьего уровня я не видел такой скорости. Явно какая-то техника разработки его учителя. Знать бы ещё, что это такое. А в целом, думаю, для тебя всё неплохо получилось, ещё и в плюсе остался.

– По-твоему, я старался нажиться на произошедшем?

– Извини. Старый стал, несусь невеста что, – генерал, сняв пиджак и закатав рукава на бугрящихся мышцами руками, походил скорее на викинга в самом расцвете сил, чем на маразматика, но граф не стал обострять. – Как девочки? Чего им с охраной не сиделось?

– Засранки потому что. Одну, видите ли, на свидание позвали. Вторая, естественно, бросить подругу в такой важный момент не могла, а бодигарды были лишними. Вот они и сбежали. Ничего. Юмико обещала, что ближайшую неделю спать на животе будут. А я приеду – добавлю.

– Любишь ты их, капитан, – Якушев добродушно смотрел на хмурящегося Магистра. – Ведь только грозишься. Я помню, как Катка, ещё мелкая совсем, на тебе ездила, как хотела. Вот кто самая дорогая лошадка в мире, куда там арабским скакунам.

– Помню, помню. Мы тогда из Питера прилетели. Зайти не успели: «Апа акатай!» Ну куда тут денешься. Старшие-то уже солидные парни были, им не до телячьих нежностей.

– Средний твой, Пётр, так и намерен в Японии остаться, у деда? Или вернётся?

– Сам ещё не знает. Но говорит, куда бы ни пошёл, рядом пара-тройка девиц на выданье нарисуются тут же, – Федосеев усмехнулся. – Посмотрим, есть варианты. Старший уже в дела вник, так что можно пока не торопиться. А Ефимов пусть будет рядом с Катей. Посмотрим, что из этого выйдет.

Глава 4

– Уважаемые зрители, мы продолжаем трансляцию концерта фронтовой песни! – Импозантный мужчина в костюме с отливом белозубо скалился в камеру.

– Да, и сейчас на сцене появится очень необычный коллектив! – восторженно воскликнула ведущая, вторя своему коллеге, который тут же взял слово.

– Когда-то они были популярными исполнителями, а в девяностых побывали, наверное, на всех фронтах Третьей мировой войны!

– Заслуженные боевые офицеры Российской Империи, участвовавшие в освобождении Алма-Аты и Хельсинки!

– Вместе с союзниками они защищали Иокогаму...

– С боевыми частями японских сил самозащиты отбивали атаки интервента на Хоккайдо и Курилы!

– Ликвидировали североамериканскую базу на Окинаве!

– В китайскую кампанию участники этого коллектива в первых рядах штурмовали Урумчи, Туфан и Хами!

– Именно они, рискуя своими жизнями, спасали людей из захваченных ренегатами Копенгагена и Стокгольма!

– Встречайте! Малоизвестный ныне коллектив ветеранов сцены и поля боя... «Л...» – воскликнула ведущая, но её слова заглушила подошедшая ко мне проводница.

– Через три минуты – Чулымская! – сверкая зубами не хуже, чем ведущие концерта, предупредила она меня.

Я кивнул и вновь посмотрел на экран телевизора, вмонтированного в кресло передо мной. На сцену выходили натуральные волкодавы. Даже просто по движениям я мог сказать, что мужики как минимум Ротмистры... Крепкий старик с седым ёжиком на голове взял микрофон и, грустно улыбнувшись, махнул своим товарищам. Заиграла музыка, он выждал пару секунд и запел.

– Струйкой дым понесла тишина...

Я, сняв беспроводные наушники, запихнул их обратно в паз. Концерт, который я слушал всю дорогу, мне в общем-то понравился. С детства люблю военные песни, как бардовские, так и профессиональных исполнителей. Та же «А в Одессе ныне тишина» или «Ждёт в Крыму меня краса!» в исполнении Ветковского, всегда трогали моё сердце и бередили

душу. Так и представлялось, словно бы я сижу в подвале, вместе с обречёнными на смерть неведомым магом, жителями Одессы, а вокруг полыхают искажения только что появившейся зоны. Или как, сжимая в руках «калаш», сдерживаю турецкие войска в Севастополе, гадая, когда же наконец из Империи придёт подкрепление. И даже не подозреваю, что в Чёрном море сейчас идёт настоящая бойня, а русские десантные корабли под массированным магическим обстрелом гибнут, но рвутся к Крыму.

Не знаю, могли ли меня так же тронуть эти ветераны из коллектива на «Л», я слышал про них в первый раз, но времени было в обрез. Всего четыре часа мне дали пообщаться с семьёй. А там опять вокзал, поезд, Москва и, наконец, Ильинское. А ещё... я бросил быстрый взгляд за левое плечо. Мой конвоир уже встала и смотрела так, словно бы ожидала, что я немедленно исчезну. Вроде вполне взрослая, женщина, Ауктор, то бишь маг нехилого такого, четвёртого уровня, особо приближённая к главной семье Федосеевых, а ведёт себя как малый ребёнок!

Я ещё раз покосился на «Марину Сергеевну», как она в категоричной форме потребовала себя называть при нашем первом знакомстве. Девушка, поймав мой взгляд, нахмурилась, упрямо вздёрнув носик. Внешне ей было от силы чуть больше двадцати. Стройная, красивая и довольно высокая шатенка, старающаяся походить на настоящую бизнес-леди.

Всё было при ней: и элегантный деловой тёмно-зелёный костюм с узкой юбкой чуть выше колена, и туфли на высоком каблуке, и очки в тонкой дорогой оправе, и даже волосы, затянутые в тугий пучок на затылке. Вот только лично мне она почему-то упорно казалась вчерашней студенткой – выпускницей педагогического, совсем недавно получившей назначение в заштатную сельскую школу и вознамерившуюся на первом же уроке сокрушить сердца нерадивых двоечников. Для окончательного образа ей не хватало разве что старинного классного журнала с потрёпанной обложкой и длинной деревянной указки.

Скорее всего, всё дело было в том, что я уже успел с ней познакомиться и знал, что Марина добрая и немного неуклюжая и рассеянная девушка. Она легко увлекалась разговором или любой новой, а значит, интересной для неё темой и тут же выпадала из тщательно создаваемого ею образа. К тому же, когда до неё доходило, что что-то пошло не так, и из доминирующей над всё и вся бизнес-вумен она как-то незаметно для себя превратилась в обычную смешливую старшеклассницу, она жутко смущалась и начинала злиться на саму себя, а потому замыкалась и какое-то время дулась на весь окружающий свет.

Пусть даже она и была очень сильным Ауктором, такую растяпу вряд

ли послали бы куда-нибудь в одиночку. И уж тем более следить, чтобы такой субчик, как я, не свалил по своим делам, забив на любые договорённости с главой рода Федосеевых. Да и вообще по большому счёту именно мне следовало бы следить, чтобы Марина Сергеевна по невнимательности не превратилась в «потеряшку обыкновенную», и Александру Павловичу не пришлось бы устраивать грандиозную спасательную экспедицию в чулымские болота с целью найти исчезнувшего там ценного сотрудника. Причём я был абсолютно уверен в том, что девицу в итоге конечно бы отыскали. Где-нибудь под руинами Киева в компании с такими же заблудившимися эльфами. Она – может! Это я уже выяснил...

Именно поэтому с нами был ещё один спутник. И вот с этой персоной шутить не стоило даже мне. Настоящий старый вояка. Комиссар, как и Якушев, то бишь шестой уровень и гарантированно открытая чакра Анджна – «третий глаз». Он был уже немолод. Я дал бы ему лет шестьдесят, хотя не стал бы этого делать, имея перед глазами пример собственного деда, которому в этом году должно было исполниться сто двадцать пять лет.

Так вот этот монстр, себя он попросил называть «Куратор», собственно и был тем, кто должен посадить нас – «непутёвых детишек», на поезд в Москву, о чём прямо и сообщил мне, отозвав на «покурить» в тамбур. Причём «конвоир» Марина и пикнуть против него не смела. Да и вообще на роль моего опекуна она, похоже, назначила себя сама, а в реальности действительно оказалась молодым преподавателем основ нулевой химии и, как и я, ехала в колледж, но только не учиться, а работать.

Вообще-то она должна была лететь с Катей и Юлей орбитальным экспрессом, однако зная характер своей названной родственницы, Александр Павлович намеренно усложнил девушке жизнь. По словам Куратора, Федосеев решил, что для этого домашнего цыплёнка просто необходим небольшой период «социальной адаптации» в обществе меня, любимого. Перед тем как она встретится один на один со стаями зубастых школяров. Роль же старого волкодава сводилась к контролю за тем, чтобы мы добрались до места в целости и сохранности, и никто нас не обижал.

Вспоминая, какое удивлённое и ошарашенное лицо было у Марины, когда вместо привычного ей кортежа в роскошный двор федосеевского особняка въехал потрёпанный, выдавший виды «Москвич-Святогор», и выглянувший из опущенного окна немного прифигевший от подобной чести водила спросил: «Девушка это вы такси на два сорок к вокзалу заказывали?», я невольно улыбнулся.

Все-таки, наверное, прав был в чём-то Валера. Наша новая элита очень быстро привыкла к тому, что роскошь это не нечто особенное, а норма их существования. Вот и юная учительница никак не могла поверить, что её, всю такую из себя красивую, везут на какой-то там общественный вокзал. Чуть было не потерялась в зале ожидания и всё никак не могла понять – зачем, собственно, нам нужно покупать билеты на поезд.

До абсурда у кассы дело, конечно, не дошло. Марина вовсе не бедствовала и, когда кассирша назвала цену, протянула ей свою алмазную банковскую карту. Это уже потом, на перроне, она всё удивлялась тому, что за подобные услуги с людей взимают деньги, приводя при этом разумные, на её взгляд, доводы в пользу того, что перемещение по Империи просто обязаны быть бесплатными.

Именно там, на вокзале, к нам и присоединился «Куратор». Человек самого Императора, в зону особого внимания которого я каким-то образом попал своей выходкой. Хотя чему здесь собственно удивляться – когда практически из ниоткуда появляется вдруг шестнадцатилетний лоб, у которого вроде как в детстве обнаружили дар, затем он пропал, а нынче – «Оп!» И он свободно оперирующий дыханием как минимум чакры Манипуры. Да к тому же – прямой потомок старика Митрофанова – фигуры, породившей множество мифов в околomagических кругах, и воспитанник не менее легендарного Варяга, рассказ о котором мне задолжал Федосеев.

О старом хрыче народная молва сочинила массу сказок, хотя, как по мне, так он был просто бесполезным вздорным старикашкой с давно поехавшей крышей, от которого благодаря его характеру сбежали все сыновья. Но это знал я, а посторонние считали его чуть ли не Великим Волхвом и живой легендой, знающей путь в Беловодье. А каких только слухов ни распространяли в сети про этого «подмосковного отшельника». Поговаривали даже, что именно он и есть таинственный «Призрак Коммунизма», суперсолдат СССР, уничтоживший в начале сорок пятого года прошлого века и «Капитана Демократию», и «Рыцаря Третьего рейха» в битве за Шамбалу.

Но я-то точно знал, что всё это пустой трёп. Да, дед действительно был участником тех событий, упоминания о которых в тот период были тщательно вычеркнуты из реальной истории Второй мировой войны всеми участвовавшими в них сторонами. Тогда ещё не пришло время, когда магия стала играть первую скрипку в судьбе нашего мира. Люди бы просто не поверили в правду, в то, что действительно ходил и бродил по Европе Призрак Коммунизма, как и в существование магов. А упоминание о том,

что некоторые боевые подразделения сходились в схватках с тогдашними союзниками, и вовсе считалось крамолой. Русский и американец были друзьями на век, точнее, на пару лет до Победы над Рейхом, после которой нам не забыли поражение при Шамбале, гибель своего суперсолдата, возродившегося под другим именем, в серии популярных на Западе комиксов, и вообще стал известной франшизой. Нам – ничего не забыли и не простили, искусно сыграв на тщеславии Черчилля, объявили его устами начало холодной войны.

«КО НКВД» – в некоторых документах того времени можно было встретить подобное сокращение. Как её только ни расшифровывали горе-исследователи, и как «карательные отряды», и как «контролирующие органы», хотя на самом деле эта пара букв, словно матрёшка, скрывали в себе другую аббревиатуру, и её следовало читать как «колдовской осназ». В Советском Союзе, как и в других странах того времени, для выполнения особых операций привлекались представители древних традиционных, так называемых «колдовских» родов. Таковым, в частности, и был мой дед.

Вот только в экспедиционном корпусе он служил капитаном. Он это рассказывал мне ещё в те времена, когда относился как к внуку, а не как к сломанной и бесполезной вещи. И по его словам – он был знаком с «Призраком Коммунизма» и очень уважал этого человека. Впрочем, «Капитан Демократия» тоже был неплохим парнем, и ему было искренне жаль, что судьба развела их по разные стороны баррикад. А вот говорить о «Рыцаре» старый хрыч напрочь отказывался.

В общем, в том, что имперская канцелярия прислала своего цепного пса, дабы он наблюдал за внезапно показавшим зубы породистым щенком – не было ничего необычного. А вот возможности Куратора неприятно удивили и означали только то, что мне не удалось убедить власти в том, что я ни рыба ни мясо. В мой третий уровень, может, и ещё и поверили, вроде бы я был вполне убедителен, значит, боялись того, что мог передать мне Наставник. Я мысленно поставил зарубку не слезать живым с Федосеева, пока он не расскажет всё, что знает о личности Варяга.

* * *

Старенький вокзал, с надписью: «Чулымская», даже будучи свежевыкрашенным, выглядел донельзя нереспектабельно и смотрелся натуральным ровесником мамонтов. Для Марины же существование подобного глубокого совка, в который она попала, сделав всего один шаг из

ультрасовременного вагона, оказалось сродни откровению свыше. Судя по её выражению лица, раскинувшийся перед ней «пейзаж» не просто впечатлил, а шокировал ранимую душу элитного цветка, который род Федосеевых бережно взращивал вовсе не для прогулок по полудикой местности с малознакомыми мужчинами.

А на мой взгляд – всё обстояло не настолько плохо. Да, здесь было не особо много новостроя и отсутствовали здания, возведённые именитыми архитекторами, однако городок был чистым и ухоженным. Вот только, похоже, для моей спутницы это не играло ровным счётом никакой роли. Несмотря на то что всё, что она видела до сих пор, ограничивалось перроном и станционными зданиями, на её красивой мордашке читались обречённость и полное непонимание того, как она здесь оказалась.

А ведь за вокзалом, как объектом Имперских Железных Дорог всегда был особый надзор. Правда, это место не проектировалась для того, чтобы поражать воображение гостей Чулыма, а было объектом чисто утилитарным, являясь одним из ключевых узлов Западно-Сибирской железной дороги. Через станцию в обе стороны день и ночь шли сотни поездов, как грузовых, так и пассажирских. На магнитной подушке и колёсных, из пары вагонов и таких, проезда которых приходилось ждать минут по десять.

Здесь же располагалась многочисленная инфраструктура: ремонтные мастерские, склады, пакгаузы и прочее хозяйство. Неудивительно, что на различных предприятиях, обслуживающих дорогу, было занято если не половина, то треть населения города.

По соседнему пути пронёсся старенький «стовагонник», заставив поморщиться от производимого им шума. На восток поезда часто шли порожняком, длинными составами, к тому же не новомодные, бесшумно скользящие над рельсами, а старые, ещё советские, грохочущие колёсами по бесчисленным стыкам рельс. Судя по абсолютно круглым глазам Марины и той силе, с которой она вдруг вцепилась в моё плечо, подобное зрелище также было для неё в новинку. Она словно увидела живого динозавра, ну или дракона из украинской Зоны...

Двадцати с лишним лет, прошедших со дня, когда с конвейеров сошёл первый поезд на маджи-магнитной подушке, оказалось совершенно недостаточно для обновления всего парка техники, особенно с учётом постоянно растущих потребностей Империи. Тем более рентабельность старых, колёсных локомотивов и грузовых вагонов до сих пор оставалась на порядок выше. Так что пока полной замене подверглись только пассажирские составы. Да и то не все. Старые, добрые электрички по-

прежнему оставались основными рабочими лошадками, как минимум в пределах Новосибирской области.

Но это знал я, почти пять лет прожив здесь, возле железной дороги и пообщавшись со многими людьми. А для тепличной магички, привыкшей к роскоши элитарного класса и видевшей окружающий мир лишь из окна дорогой машины, подобное было не то что в новинку, а вызывало когнитивный диссонанс. Ведь вроде как у нас кругом прогресс, на Луне строят базы, готовится экспедиция на Марс, а здесь – словно бы другой мир. По дорогам ездит всякая древность, окружающие – практически не следят за современной модой, и даже расписание на стене вокзала не голограммное, как в том же Новосибе, а старенький светодиодный дисплей.

И это я ещё не стал добивать её рассказом про то, что маневровые, формирующие составы, вообще работают на солярке. Она и слова-то такого, небось, не знала, а если была в курсе, что это такое, то, боюсь, девушку мы бы не откачали. Марина и так более-менее оклемалась, лишь когда мы покинули здание вокзала и направились в сторону моего дома.

Идти было не далеко. Весь городок при желании можно пройти насквозь меньше чем за час. Жили мои родители возле церкви, в самом центре Чулыма, так что пугать мою спутницу самым смаком пригородных окраин мне не пришлось. Однако, как и положено по закону подлости – если может случиться что-то неприятное, то оно обязательно произойдёт.

Единственная дорога с привокзальной площади шла мимо бывшего «ДКЖ» – Дома культуры железнодорожников. В советское время предполагалось, что там они будут отдыхать, смотреть кино и всячески просвещаться, постоянно повышая свой моральный облик. На деле же, конечно, всё вышло по-другому. Старожилы рассказывали, что ещё в конце восьмидесятых, при позднем СССР, культура пошла в каком-то неправильном направлении, однако самый ад начался сразу после августовского путча девяносто первого.

Пусть либеральная плутократия продержалась в России чуть меньше года, ДКЖ за это время успел приватизировать некий олигарх и дом культуры превратился в заурядный кабак, о котором тут же поползли самые нехорошие слухи. С приходом имперской власти злачное заведение немедленно прикрыли и здание вернули прежнему владельцу. Однако хоть там и организовали всевозможные кружки и студии, но основную славу этот центр досуга и отдыха снискал своими дискотеками, с обязательным распитием спиртных напитков за клубом и последующим мордобоем. Естественно, что такое разностороннее место быстро стало основной точкой, на которой тусовалась местная молодёжь.

Вот и теперь на его крыльце уже тёрлись трое молодых лоботрясов, то ли ещё не отошедших после вчерашнего, то ли наоборот, успевших хорошенько поправить здоровье. Самое противное, что всех этих личностей я прекрасно знал, впрочем, и они меня. И как бы мне того ни хотелось, миновать ДЖК без приключений не получилось.

– Эй! Москвич! Эй, аллё! – заводила компании по синусоиде выдвинулся вперёд и попытался изобразить нечто, должное означать залихватский свист, на деле обернувшееся шипением, орошающим окрестности зловонной слюной. – Погодь! Да стой ты – базар есть!

К моему удивлению, пара приятелей пытались задержать своего не в меру бойкого товарища, убеждая, что, дескать: «Сяпа, не надо! Да ну его на... пошли лучше...»

В какие чудесные дали звали его друзья, так и осталось загадкой, ибо Андрей Осипов, в миру известный не по имени, а исключительно как Сяпа, был категорически настроен пообщаться со мной накоротке.

Марина побледнела, быстро оценив общую неадекватность данного персонажа, и вытащила из сумочки ПМК, приготовившись биться с аборигенами насмерть. А вот Куратор, которому до этого момента всё было фиолетово, взирал на происходящее чуть ли не с восторгом. Словно бы впервые за много лет попал в зоопарк, ну или хотя бы в деревенский цирк с унылыми клоунами и дрессированными бурундуками.

Поймав свободную руку девушки, которую она уже направила на пьяных отморозков, я успокаивающе сжал её кисть и немного опустил вниз, показывая, что всё в порядке, а затем шагнул вперёд, спиной прикрывая старых знакомцев от неминуемой смерти. На удивление, будущая учительница всё поняла правильно, послушно убрала МПК и расслабилась.

«М-да, – подумалось мне. – Тяжело ей придётся...»

– Здорово, Москвич! Вернулся, значит. А я-то думаю, чой-та тебя не видно. Может, случилось чего... Да отстань ты! – последнее предназначалось Лысому, другу и соратнику, всё ещё пытавшемуся оттащить Осипова от меня. – Сеструху вот твою спрашивал, говорит, ты в Новосибе уехал учиться.

– Ну, здорово, Сяпа. А с чего вдруг такая трогательная забота? – я внимательно посмотрел на троицу, превратившую мои первые годы жизни в Чулыме в настоящий ад. – Да, сразу предупрежу. На будущее: узнаю, что до моих родных докапываешься – живьём зарюю.

– Ты это... ты чего, Москв... э-э, Кузьма! Я ж это, чисто так. Да я не в жизнь...

– Ага, как же. Прекрасно помню, как вы мне устраивали эту «невжизнь», – ухмыльнулся я, и буквально затылком почувствовав интерес девушки, специально для Марины пояснил: – Мы тогда сюда только переехали, я заниматься начал. Чакры открыл очень быстро, а вот с остальным была беда. Особенно с приложением силы. Вот эти уродцы пару лет и отрывались, в то время как я им даже ответить не мог. Боялся зашибить болезных. Зато, когда с контролем стало получше, вот тогда мы пообщались... правда, Сяпа? Помнишь тот день?

Судя по тому, как троица дружно протрезвела и побледнела, события полуторалетней давности ещё не выветрились алкогольными парами из их дурных голов. Вообще, данных индивидов смело можно было заносить в книгу рекордов Гиннеса, как самых везучих отморозков в мире. Ведь описывая девушке ситуацию, я сильно лукавил.

В те дни из-за издевательств я был близок к самому настоящему срыву и периодически почти подходил к той черте, за которой меня ждал разрушительный шторм сансары. Если бы не мой мудрый Наставник, то вместо одного случайного трупа, в Чулыме могла бы появиться новая «Зона»... не хуже украинской. Так что, думаю, я был вполне справедлив и милостив, когда устроил им день покаяния. Прогнал голышом через весь город, при этом заставляя просить прощения у каждого встречного, в том числе и у офигевшего от подобного зрелища участкового.

Неудивительно, что после этих воспоминаний желание общаться дальше у ребят улетучилось. Однако просто сбежать, да ещё и перед красивой девчонкой, в их понимании было совсем «не по-пацански». Парням обязательно требовалось оставить за собой последнее слово.

– Эх ты... Мы к тебе как к земле, а ты... Мы ж тебя так жизни учили! В одну школу ходили... – Для окончательного образа обиженной невинности Сяпе оставалось только всплакнуть.

Тем не менее он в сердцах махнул рукой, и компания удалились обратно к крыльцу ДКЖ, горестно вздыхая о своей тяжёлой судьбе и людской неблагодарности. Мы же, проводив взглядом троицу закадычных приятелей, отправились дальше, благо идти оставалось немного.

Машинально перекрестившись на храм, я зашагал по засыпанной гравием дороге. Обойдя небольшой садик и огороженные невысокой изгородью огороды, я пару секунд помедлил, а затем решительно зашёл в приветливо распахнутую калитку и оказался перед домом, что со скандалом покинул всего-то год назад. Калиброванный кругляк, из которого было построено здание, за прошедшие пять лет потемнел, и теперь, в ярких лучах августовского солнца, казался грязно-бежевым, а потому сильно

контрастировал с беленькими, свежевыкрашенными наличниками и распахнутыми ставнями, за которыми колыхались нежные тюлевые занавески.

Невысокая двускатная крыша, покрытая красной металлочерепицей, слегка выцвела. Ветер нанёс на неё сору, не похоже было, чтобы после моего отъезда ею кто-нибудь занимался, что, впрочем, неудивительно.

– Ты здесь живёшь? – с лёгким удивлением спросила Марина, осматривая вытоптаный внутренний двор, стоящую под навесом старенькую «Ладу-Калину», развешенное на верёвках стирание белья и разбросанные то тут, то там детские игрушки.

– Я здесь жил, пока не поступил в техникум, – ответил я. – А что?

– Ну, – девушка немного смутилась, – я просто думала, что... А тут...

– Ну да. Тут у нас вот так, – хмыкнул я. – Это вам не роскошная загородная дача тайного олигарха.

– Да я не... – хотела было что-то ответить Марина, однако в этот момент из сарая вынырнула кудрявая девочка лет двенадцати, держа в руках большой металлический таз, и застыла на пороге, увидев незваных гостей.

– Кузя? – словно бы не веря своим глазам, воскликнула она.

– Привет, Мань, – я улыбнулся младшей сестре. – Родители дома?

– Братик! Кузя приехал! – Таз с грохотом полетел на землю, а визжащий от радости ураган сию же секунду оказался у меня на шее.

Потрепав по кудряшкам сестрёнку, я был немедленно атакован ещё двумя выскочившими из дома младшими братьями. И почти сразу же к нам присоединился забавный щенок, похоже, помесь немецкой овчарки и колли, который, пища, словно игрушка, принялся прыгать вокруг, не очень понимая причин всеобщего счастья, но непременно желая присоединиться к веселью. И тут же улыбка сползла с моего лица.

На крыльце появился отец. Невысокий лысеющий мужчина в тяжёлых роговых очках с редкой, неопрятной бородой и кустистыми бровями. Как всегда, он был одет в свою чёрную повседневную рясу, а на груди висело крупное распятие.

Стоило ему увидеть меня, в окружении братьев и сестры, как на лицо его набежала тень. Не удосужившись даже поприветствовать своего блудного сына, он развернулся и скрылся в доме. Разве что дверью не хлопнул. Почувствовав неладное, дети притихли. Аккуратно опустив Маньку на землю, я поморщился. Тяжёлого разговора мне было не избежать, ведь частично из-за отца я и вернулся в Чулым, и мне крайне не хотелось бы, чтобы эта кратковременная встреча закончилась очередным

грандиозным скандалом. Так что, загнав поднимающееся из глубины души раздражение в самый дальний угол, хотел было уже последовать за ним, как на плечо мне опустилась рука Куратора.

– Тебе лучше подождать здесь, – не терпящим возражения голосом произнёс он и, подмигнув в ответ на мой удивлённый взгляд, направился в дом.

– Кузь, – Маша, на правах старшенькой среди собравшейся вокруг детворы, подёрнула меня за рукав. – А кто это?

– Этот-то? – задумчиво произнёс я, глядя как Куратор исчезает в темноте прихожей. – Это, Маня, человек самого Императора.

– А...

– Ой! – раздался за спиной встревоженный голос матери, и я обернулся. – Кузьма! Я так и знала, что что-то случилось!

Она вместе с Аней, ещё одной моей сестрой, которая была на полтора года младше, остановилась перед воротами. Обе держали в каждой руке по пакету из соседнего супермаркета и смотрели на меня, а я на них.

– Здравствуй, мама. Привет, Ань, – я улыбнулся, потрепав маленького Серёжку по волосам. – Всё нормально! Вы сами-то как?

Анька промолчала. Она как обычно смотрела на меня букой, хотя не похоже было, чтобы собиралась немедленно начать ругаться. Как минимум не при посторонних, видимо, рассчитывала на то, что я приехал надолго и ещё успеет отвести душу.

– Да как обычно, – недоверчиво произнесла мама, продолжая вглядываться мне в лицо, и вдруг нахмурилась. – Сынок, зачем ты меня обманываешь?

Да, скрыть от моей матери что-либо было не под силу ни одному человеку. И ведь знал, что так будет, а всё равно соврал, но тут уж ничего не поделаешь. Отвык я за прошедший год от всего этого и совсем забыл, каким непростым человеком была эта миловидная, хрупкая и покладистая женщина.

– Сейчас всё хорошо, – упрямо сказал я.

– А кто твоя гостя? – мама перевела взгляд на девушку, и дипломированный маг четвёртого уровня, покачнувшись, отступила на несколько шагов, удивлённо уставившись на мою родительницу, которая вдруг заулыбалась. – Не слишком ли взрослую невесту ты себе нашёл? А, Кузя?

– Но я не... – начала было Марина и замолчала, всё ещё не в силах справиться с оказываемым на неё воздействием.

– Мам! – одёрнул я её. – Перестань! В конце концов, это просто

неприлично! Позволь тебе представить Марину Сергеевну Федосееву-Луцкую. Мою будущую учительницу. Марина Сергеевна, познакомьтесь. Это Татьяна Андреевна Ефимова – моя мама.

– Вот даже как? – протянула родительница, продолжая улыбаться, но тем не менее отпуская сознание девушки. – Что ж. Очень приятно, Марина Сергеевна! Давайте пройдем в дом, и вы мне всё-всё расскажете...

– Нам лучше подождать здесь... – неопределённо возразил я, покосившись на крыльцо.

– Даже так? – Мама удивлённо посмотрела на окно в общую комнату.

– Кузя! Кузя! – подёргал меня за рукав семилетний Андрейка. – А ты гостинцы привёз?

– Ну а как же! – улыбнулся я и полез в свою спортивную сумку, бросив быстрый взгляд на ошарашенную Марину, которая никак не могла понять, что с ней только что происходило.

* * *

– Василий Иванович? – Куратор, не останавливаясь, пересёк прихожую и без приглашения вошёл в общую комнату. – Или может лучше отец Адриан?

Священник, настоятель местного храма, родной отец поднадзорного юноши, закрыл ящик тумбочки и, недружелюбно посмотрев на гостя, пробасил:

– Кто вы такой, по какому праву вламываетесь в мой дом?

Куратор только улыбнулся и вместо ответа достал красную корочку удостоверения, протянув её святому отцу, а затем небольшой амулет, который снял с шеи. Священник недоверчиво взял документ, мазнул по нему глазами, но стоило ему увидеть украшение, как он тяжело сглотнул и застыл, буквально пожирая побрякушку взглядом. Гость тем временем хозяйски уселся за стол и вполне естественно, словно так оно и было положено, жестом пригласил владельца дома устраиваться напротив.

– Вот оно, значит, как, – пробубнил себе под нос священник, тяжело опускаясь на самодельную табуретку. – Так, значит...

– Да, – слегка улыбнувшись, подтвердил куратор. – Всё именно так.

– А можно... – неуверенно, словно бы не он был хозяином в этом доме, Василий Иванович посмотрел на один из шкафчиков.

– Можно, – согласно кивнул гость, но тут же уточнил: – Только увлекаться не стоит.

– Да я так-то непьющий, – выдавил из себя священник, доставая из-за сложенного и выглаженного белья бутылку с самогоном и гранёный стакан. – По большим праздникам, если что, и...

– Что ж тогда по углам прячете? – изогнул бровь Куратор.

– Так не для меня стоит, – ответил хозяин, щедро, пальца на четыре, прыснув коричневого пойла, тут же выпил всё залпом и крикнул, что заставило гостя усомниться в его словах. – Для дела это. Для мирян, кои без зелёного змия себя не мыслят и слов верных не понимают.

– Ладно, Василий Иванович. Не стоит оправдываться, давайте лучше перейдём к делу.

– Я вас внимательно слушаю, – тяжело вздохнул священник, пряча бутылку и возвращаясь на свою табуретку.

– Нет, это я вас слушаю, – улыбнулся Куратор, – но для начала...

Он положил на стол небольшой серебряный кейс, раскрыл, покопался в нём и достал кожаную папку, украшенную вензелями. На стол перед священником легла гербовая бумага из имперской канцелярии, он даже не стал её читать, выжидающе глядя на гостя. Тот, едва заметно усмехнувшись, положил поверх неё две незаполненные формы для церковных записок, красненькую «За здравие» и зелёную «За упокой», которые Василий Иванович тут же убрал в верхний ящик ближайшей тумбочки.

– Знаете, что с ними делать? – на всякий случай поинтересовался гость.

– Знаю, – утвердительно кивнул его собеседник и нахмурился, взглянув, наконец, на предписание из канцелярии. – Скажите, бра...

– Зовите меня Куратор, – посоветовал ему представитель Императора.

– Скажите Куратор, – повторил отец Адриан. – Я могу ответить – «нет»? Я не хочу, чтобы мой сын хоть как-то был связан с этой проклятой магией! От Сатаны она, а его путь я вижу по моим стопам...

– Василий Иванович, вы же лишены дара? – поинтересовался гость так, словно бы не знал ответа.

– Бог миловал! – священник перекрестился.

– В таком случае вы же должны знать «правила»?

– Раны бесовские у моего сына – наживные! Я имею право...

– Чакры, Василий Иванович. Или по-церковному – «стигмы». Отец Адриан, вы же не хотите, чтобы вас обвинили в нарушении канонов и еретических речах? К тому же, как показали тесты – они врождённые, так что я вам очень рекомендую не усугублять ситуацию.

– Но...

– Василий Иванович, вы меня, кажется, не поняли, – немного расстроенно покачал головой Куратор. – Просто примите к сведению, что о чакрах вашего сына мы осведомлены. Что с ним не так, и почему они работают в неестественном ритме, постепенно выясним, а от вас в первую очередь я хотел бы услышать, по какой причине вы, тогда ещё Юрий Митрофанов, прекрасно зная о его даре, не поставили в известность компетентные органы. Чего вы добивались? Рекомендую отвечать предельно правдиво. Митрополиту Новосибирскому и Бердскому и так пришлось лично вмешаться в это дело, чтобы конкретно с вас сняли обвинение в укрывательстве...

– Значит, отказаться я не могу? – насупился отец Адриан, словно бы не слушая гостя.

– Нет, не можете, – холодно подтвердил Куратор. – Как человек, не имеющий врождённого дара, вы не имеете права распоряжаться судьбой одарённого сына. Его деми-опекуном станет либо его дед – Иван Митрофанов....

– Только не он, – почти взревел священник, поднимаясь и нависая над столом.

– ...либо род Федосеевых, – Куратор, казалось, даже не заметил этой вспышки, – который уже подал соответственно оформленную заявку на деми-опекунство над несовершеннолетним активантом.

– Почему не один из моих одарённых братьев? – сипло спросил Василий Иванович, грузно опускаясь на своё место.

– Основатели новых магических родов не являются более членами старого образования, – просветил его собеседник. – Они, может быть, и кровные родственники, но права распоряжаться судьбой несовершеннолетнего не имеют.

– Так Федосеевы нам вообще никто! – возмутился отец Адриан.

– За ними долг жизни. При других обстоятельства мальчику предложили бы войти в род на правах одного из наследников. Граф Александр Павлович и так на уступки пошёл, – пожал плечами Куратор. – Они действуют в рамках имперских законов. В любом случае остаётся ещё ваш отец.

– Только не он... – устало повторил священник.

– Вот мы и хотим узнать, что между вами произошло и что случилось с Кузьмой?

– Ладно, слушайте...

Глава 5

Поезд плавно поднялся в воздух и пол слегка качнулся. Что-то тихо загудело, и звук, прокатившись от локомотива к последнему вагону, затих. Я уже привычно ощутил, как где-то под ногами толчками пробегают постепенно нарастающие волны силы. Перрон за окном медленно поплыл назад, всё быстрее и быстрее убегая вместе со всеми своими зданиями от погнавшихся за ними складов и хозяйственных построек.

Сетку на окна ещё не опустили, поезд начнёт набирать скорость, только отъехав километров на десять от города, а потому я без опаски высунулся в приоткрытую верхнюю секцию и, облокотившись на раму, думал о своём. С отцом я так и не пообщался. Поговорив с Куратором, он сел в старенькую «Ладу» и укатил куда-то, даже не перекинувшись парой слов с проводившей его тяжёлым взглядом матерью.

А вот ей мне пришлось рассказать всё, что произошло не только недавно, но и за весь предыдущий год. От слова совсем. Обычно, когда мама, вместе с младшенькими, приезжала ко мне в общагу, я ещё умудрялся как-то выкрутиться, скармливая заранее подготовленные байки. Сегодня же меня зажали по полной, словно раскалёнными клещами вытягивая правду. Тут уж не спасали никакие техники НЛП и прочих аутотренингов, с помощью которых я заставлял себя поверить в реальность своих слов, ведь иначе урождённая телепатка в секунду раскалывала любую ложь.

Мама, не стесняясь, плакала, выслушивая то, как я на самом деле жил в Новосибирске. Что присылаемые в семью деньги были не повышенной стипендией, а зарабатывались честным трудом на подсобных работах и в качестве мальчика для битья. Когда же речь пошла о событиях последних дней, она, смертельно побледнев, молча встала, подошла ко мне и обняла с такой силой, что казалось, ещё чуть-чуть и затрещали бы кости. А потом резко отпустила и почти бегом скрылась в доме.

Из динамиков раздалось предупреждение о закрытии защитной сетки. Вынырнув из воспоминаний, я, тяжело вздохнув, отошёл от окна и, прислонившись спиной к стене, закрыл глаза, чувствуя, как тёплый ветерок, проникая внутрь вагона, мягко касается моего лица. Стоило лишь отрешиться от прошлого, как тут же навалились размышления о неопределённости, что ждала впереди. Магнитка везла меня к зыбкому, неясному будущему и вместе с тем возвращала в места, казалось,

оставленные навеки позади. Хотел ли я становиться юристом? Изучать применение особых разделов гражданского и уголовного права? Ответ на этот вопрос был сложным.

С одной стороны, не лежала у меня душа к подобному, какие бы грандиозные перспективы передо мною ни открывались. Кем бы я мог стать, покорно приняв путь, выбранный посторонним человеком? Адвокатом для аристократии? А может быть, спецпрокурором или вообще грандсудьёй? Весьма возможно, всё же я был не настолько глуп, чтобы поверить в безвозмездную помощь со стороны Федосеева. А ведь он подсуетился и из своего кармана оплатил моё обучение, и не где-нибудь, а в Ильинском, в колледже, входящем в «золотую десятку» – элитном заведении для детей аристократов и дворян, да ещё и назначил пенсию моей семье. С такой поддержкой карьера мне была бы обеспечена. Если, конечно, что именно его суд определит моим деми-опекуном.

Хотя почему «если»? Уверен, промышленник действовал наверняка, ведь решение обязана принимать инстанция по месту проживания, и если старый хрен не впишется в это дело, то других кандидатур попросту не было. К тому же наверняка все риски были минимизированы. Подобные расходы для Федосеевых сущий пустяк, да и дело не в деньгах. В общем-то этот проклятый аристократ всё просчитал верно... цепи долга, особенно если он не материальный, крепко-накрепко привяжут меня к его роду, а уж он постарается сделать так, чтобы расплатиться я смог очень и очень нескоро. А там как говорится: либо ишак помрёт, либо султан...

С другой стороны – мог ли я отказаться? Нет – не мог, если, конечно, не хотел, чтобы меня взяла в оборот Имперская Канцелярия. Так оставались хоть какие-то шансы на нормальную и, возможно, интересную жизнь, а после совершеннолетия можно было даже и попробовать избавиться от навязанной опеки. Альтернативой же маячил «Особый корпус для одарённых», о чём мне непрозрачно намекнули и Якушев и Куратор. Об этом государственном военизированном воспитательном учреждении для особо трудных подростков, наделённых даром, ходило много слухов. И в основной своей массе они были плохими. Обычно туда попадала молодёжь, успевшая за свою короткую жизнь не просто набедокурить, а совершить особо тяжкое преступление. Да и «дикари», признанные недостаточно адекватными, частенько оказывались в этом «весёлом» заведении.

В вопросе одарённых, с точки зрения Империи, не существовало каких бы то ни было смягчающих обстоятельств, вроде «самозащиты». Ребёнок, однажды при помощи своего дара убивший человека, пусть даже

преступника, помечался как социально опасный, ведь если сегодня он не смог вовремя остановиться и заслуженно покарал негодяя, то кто может дать гарантии, что завтра он не лишит жизни невинного? Тем более что за ним не стоит сильный род, который может проконтролировать, воспитать или, если нужно, остановить и наказать.

А вот с этим было сложно, если ты не родился в клане. Аристократы давно уже не хватают всех одарённых подряд. Это лет тридцать назад, сразу после Реставрации, родиться с открытой Муладхарой означало заведомо обеспечить себе блестящее будущее, а сейчас... воины первого и второго уровня «господам» просто не нужны. Своих хватает с избытком. Даже неофитов – магов с одной чакрой, рассматривают чуть ли не под микроскопом, так, словно бы желают найти хоть какой-нибудь изъян, чтобы дать немедленный отказ. Собственно, именно из-за этого я и постарался прикинуться Есаулом, правда, благополучно забыв о грозящем мне Корпусе.

Так что Федосеев припёр меня к стенке, ненавязчиво предложив отправиться в Ильинский колледж, якобы присмотреть за его девочками, коль я уже один раз выступил их рыцарем на белом коне. Ну и конечно, деми-опекунство, которое он, вроде как от чистого сердца, предложил оформить, будто бы в благодарность и чтобы спасти от незавидной участи. Мне же пришлось сделать вид, что я поверил в благородство аристократа, потому как гнить в исправительном учреждении, с клеймом на всю оставшуюся жизнь – совершенно не хотелось.

С шуршанием отворилась дверь купе, и я открыл глаза. На пороге стояла задумчивая Марина, как-то обеспокоенно смотревшая на меня.

– Ты чего? – мне стало немного интересно, что на этот раз удивило «оранжерейный цветок» Федосеевых.

– За тебя переживаю, – девушка старалась выглядеть серьёзной леди. – Ведь как учитель, я обязана следить за подопечными, а тут видишь, как получилось...

– Да что произошло-то?

– Понимаешь, – она растерянно обернулась и посмотрела в отведённое нам купе, роскошное, с отдельным санузлом и мягкими диванчиками, трансформирующимися в настоящие полутораспальные кровати. – Видимо, произошёл какой-то технический сбой в автомате. Я билеты брала на двоих, а номер нам почему-то дали один, да и тот какой-то неказистый. Вот я и пытаюсь придумать, где же тебя спать-то положить.

– Марин, ты чего? – я даже удивился. – Это же двухместный СВ! Выбери себе любую кровать, а я на другой...

– Как на другой! – она аж побелела, а затем покраснела, словно спелая помидорка. – Я... Я не могу так! Кузя! Я же твоя учительница! И нам нельзя! И у меня... это... Жених есть! Да, жених! Так что вот, это вот всё – нехорошо. И к тому же я знаю тебя всего один день.

– Ты чего там себе уже надумала? – я прилагал титанические усилия, чтобы не заржать, глядя на всё сильнее смущающуюся «грозную» магиню.

– Ну, это... – девушка потупилась, теребя подрагивающими пальчиками пуговку, и забормотала всё тише и тише: – Я в одном кино видела и читала много. И везде, понимаешь, везде было, если мальчик с девочкой остаются одни в комнате...

Что она там ещё говорила, я уже не слышал, потому что, отвернувшись, упёрся лбом в оконное стекло и содрогался от беззвучного смеха. Вот только наивная учительница восприняла всё по-своему, и я почувствовал, как на плечо легла её лёгкая ладошка.

– Ну что ты, Кузь! Ну не плачь! – заворковала она. – В твоём возрасте это нормально... но ты пойми, даже если бы я не была твоей учительницей, у нас бы всё равно ничего не получилось! Тебе ведь всего лишь шестнадцать, а мне уже двадцать два! Так что выше нос, поверь мне как более опытной, у тебя ещё всё впереди! Да пойми, глупый! Ведь это ненормально, когда юноша и девушка не женаты, а спят в одной комнате! Сам посуди, вот родится у нас маленький, и как мы будем потом смотреть в глаза твоей маме? Так что не волнуйся, я сейчас пойду к начальнику поезда и прикажу ему выделить для тебя самый лучший номер!

– Спасибо! – задыхаясь, выдавил из себя я. – Но давайте, Марина Сергеевна, я лучше сам! Не думаю, что смогу выбить отдельное купе, даже у начальника поезда... Блин... но скажите, вы согласны, если вместо себя я найду вам попутчицу? СВ-то двухместные... правила такие...

– Ну вот, – грустно вздохнула она. – Обиделся! Какой же ты, Кузя, ещё ребёнок! Ну, ладно, давай так. Если бы не будешь больше плакать, то я согласна! Договорились?

– Да... – кое-как прохрипел я и, не поворачиваясь к девушке, зашагал по коридору в сторону вагона-ресторана.

В случайном отражении одного из зеркальных элементов интерьера я разглядел, как Марина тяжело вздохнула, покачала головой и вошла обратно в купе. Зажимая рот рукой, я добежал до соседнего вагона, пулей пролетев открытый тамбур, и, ворвавшись в общественный сортир, заржал аки конь, без сил повиснув на белоснежной раковине рукомойника.

В себя я пришёл минут через пять. Вытер кулаком выступившие от безудержного смеха слёзы, умылся холодной водой, стараясь не думать о

том, как Маринка, что-то лопоча, смущённо крутит пуговку на своём пиджачке. Пару раз сказал сам себе, что нет – хоть это и было прелестно и умирительно, но сия картина не проймёт мое железобетонное сердце, и я ни в коем случае не влюблюсь в наивную училку, как бы она ни старалась. Затем вытер одноразовым тряпичным полотенцем свою лыбящуюся рожу и вышел в коридор.

Путь мой лежал в стандартные купейные вагоны. Во-первых, я совершенно не верил, что в СВ найдётся ещё одна такая «душевная» простота. Всё-таки люди здесь ездят обычно серьёзные и комнаты «на двоих» снимают не как некоторые, почти не глядя, по привычке, ткнув в иконку «Люкс», а с вполне определёнными, часто действительно интимными целями. Ну а завсегдатаи плацкарта... дамы оттуда, конечно, с удовольствием поменяют свою койку на моё роскошное место, вот только, боюсь, не переживёт Марина химической атаки какой-нибудь жареной курочкой и прочей домашне-путевой снедью, от которой уже, наверное, ломаются прикроватные столики этого класса.

Ведь путешествие в плацкарте – это целый ритуал, который наш народ уже почти век беззаветно блюдёт, холит и лелеет, несмотря даже на то, что поезда теперь не гремят колёсами по стыкам рельс, а с огромной скоростью скользят по воздуху. И он непременно начинается с того, что ещё только-только отъехав от станции, следует в соответствии с негласными правилами вкусить взятых с собой в дорогу блюд. Да и мужички, небось, уже разливают по третьей в пластиковые стаканчики, пряча под столами бутылки и ежесекундно оглядываясь – не идёт ли по вагону суровая проводница. И как мне кажется, подобное сохранится даже в рейсовых космолётах с Марса на Юпитер. Любит наш народ это дело.

А вот к грозе выпивох, но работающей в купейном вагоне, мне и следовало заглянуть. Кому как не им знать, не хотела ли какая-нибудь пассажирка поменяться местами, причём желательно по той же причине, что и у меня. Подобное частенько случалось, когда путешествующим в одиночку девушкам, позарившимся на удобство купе, не везло оказаться в чисто мужской компании. Попадались, конечно, среди подобных «глупые», как, впрочем, и «храбрые», бывали и откровенные шлюхи, но чаще всего женщины всё-таки пытались с кем-нибудь поменяться, только бы оказаться не единственной дамой среди незнакомцев.

Мне повезло на пятой проводнице. Выслушав мой вопрос и посетовав, правда негромко, на непутёвых детишек, она провела меня к одному из купе. Вежливо постучав и выждав пару секунд, зашла внутрь и тут же вернулась вместе с невысокой некрасивой, слегка горбящейся девушкой в

крупных роговых очках, мешковатом вязаном свитере и ярких лосинах цвета морской волны. В руках она словно спасательный круг сжимала потрепанный томик стихов Иосифа Бродского и, слегка щурясь, осмотрела меня так, будто бы внезапно увидела нечто донельзя мерзкое.

Хипстерша, да ещё с именем Агнель... На мой взгляд, это был не лучший кандидат на переселение к Марине, но выбирать не приходилось. Предложение она приняла с радостью и, забрав вещи из купе, покинула своих попутчиков, даже не попрощавшись, гордо вскинув свой немалых размеров горбатый нос, а вот то, как засверкали её глаза, когда я представлял её учительнице, мне откровенно не понравилось. Поэтому я, не обращая внимания на протестующие вопли и удивлённый взгляд моей сопровождающей, оттащил девушку в сторону и, не стесняясь в выражениях, предупредил, что я буду их навещать, и если мне что-то не понравится в её поведении или я услышу от Марины, что она позволяла себе какие-либо вольности, то она может пенять на себя. Руки вырву с корнем.

Любительница Бродского попыталась было что-то визгливо возразить на тему «давления на личность», однако под моим взглядом быстро сдулась и заверила, что не доставит проблем попутнице. Признаться, я не особо поверил, но деваться мне было некуда. Договорившись с уткнувшейся в свой ПМК училкой встретиться через пару часов в вагоне-ресторане и подхватив из вазочки зелёное яблоко, я удалился.

На новое место перебазировался быстро. Что, впрочем, было неудивительно: «Голому собраться – только подпоясаться». Поздоровавшись с новыми попутчиками, я, закинув свою сумку на отведённую мне верхнюю полку, раскатал матрас и застелил бельё, благо пакет с ним хипстерша даже не распаковывала. Сразу же улёгся, достав из кармана свой старенький смартфон, на котором всё ещё оставалась пара скачанных с пиратского сайта и до сих пор непрочитанных книг, и пересланный мне устав колледжа. Ехать нам предстояло около полутора суток, так что я намеревался добить за это время всю имевшуюся у меня фантастику, а заодно ознакомиться с правилами, по которым в Ильинском проживали элитные студиозусы.

Можно было, конечно, достать очередной подарок Федосеева «Sega Saturn A5» – нынешний флагман в линейке японских МК – так сказать, «гражданской» версии магических компиляторов, работающих от нуль-батарей, не позволяющих колдовать, но дающие возможность использовать полноценный маджи-интеллект, и зарубиться в какую-нибудь игрушку. Тем более беспроводная связь в поезде работала исправно, и доступ в Интернет

был стабильным и с приличной скоростью. Вот только что-то меня останавливало, словно взяв в руки, пусть и куцый, но инструмент мага, я сам на шаг приближусь к этой братии. А мне подобного никак не хотелось.

Так что время до оговорённого срока я провёл в мире, далёком от нашего, и оторваться смог с большим трудом. Благо додумался завести будильник. Встретившись с Мариной, я первым делом поинтересовался, как там у них дела. Всё вроде бы было нормально, хипстерша, оккупировав так и не доставшуюся мне койку, уткнулась в свою книгу и не беспокоила девушку. Впрочем, той было не до неё, она что-то проектировала на своем ПМК и практически выпала из реальности. А вот что она там ваяла, так и осталось для меня секретом. Не то чтобы учительница что-то скрывала. Наоборот. Она взахлёб рассказывала о каких-то очень важных «пунктинах», «префиксах», которые не стоит забывать, и обходных алгоритмах, кои следует предусмотреть. Вот только я не понимал ни слова.

Ужин моя спутница заказывала сама, не доверив «ребёнку» столь ответственную процедуру. Из поднесённого официантом меню Марина придирчиво выбрала кучу каких-то несусветных деликатесов, завалив ими весь стол, хотя лично мне для счастья хватило бы обычных котлет с пюре и стакана чая. Ну, или в качестве праздничного блюда – стейка с кровью и картошкой-фри на гарнир, кои с аппетитом трескал толстяк за соседним столиком.

Однако девушка в категоричной форме отказала мне в моих хотелках, заявив, что не позволит своему ученику портить желудок подобной грубой пищей. В результате чего передо мной появился жаренный по-хански хрустящий карп, куча разнообразных жульенов, перепела и ещё масса неведомых мне блюд. Сама учительница почти сразу же наелась, поклевав словно птичка то того, то сего, да ещё к тому же осталась жутко недовольна местным шеф-поваром, в то время как по мне – так всё было на удивление вкусно. Да что уж там, я подобных деликатесов не ел даже в поместье деда, а потому глядя на всё это изобилие, чувствовал, как ворочается в душе жадная и очень зелёная жаба, проснувшаяся от того простого факта, что уничтожить всё заказанное Мариной было выше моих скромных возможностей.

– Скажи, Кузь, – заговорила вдруг девушка, до этого с загадочной улыбкой наблюдающая, как я уплетаю разложенные передо мной вкусности. – А вы давно живёте в той аномальной зоне.

– Фово? – быстро прожевав и проглотив то, что было во рту, я переспросил. – Чего?

– Ну, ваш дом, в этом... Чулыме. Он же вроде стоит на аномальной

зоне? – спросила она и сделала маленький глоток вина из пузатого бокала. – Разве ты не заметил? Когда мы заходили к тебе домой и ждали Куратора, я почувствовала себя как-то странно... не могу описать ощущение.

– А-а... – я криво усмехнулся и посмотрел в окно, за которым на фоне только-только появлявшихся звёзд проносились, сливаясь в единую тёмную ленту деревья, растущие вдоль путей.

Сегодня было полнолуние, и спутник Земли был прекрасно виден, как и огромное тёмное, вытянутое пятно Кратера Глазенапа или, как его ещё называли японцы – «Ухо Лунного Кролика». Массивный след, оставшийся после того как в самом конце девятнадцатого века знаменитая комета Менделеева, непонятно откуда появившаяся в Солнечной системе, зацепила по касательной траектории Луну и бесследно исчезла, оставив эту длинную борозду.

– Это, Марина Сергеевна, не аномальная зона, – произнёс, наконец, я. – Это моя аномальная мама.

– То есть? – девушка вздёрнула бровки домиком.

– Она телепат, – пояснил я, и молодая учительница прыснула в кулачок.

– Кузь! Ну, право слово! Ну, нельзя же так смешить! Предупреждать же надо!

– Да я, в общем-то, и не старался вас...

– «Тебя»!

– ...не старался тебя рассмешить, – хмыкнул я, глядя на развеселившуюся Марину. – Она действительно телепат.

– Кузя. Запомни! Телепатии, – с трудом взяв себя в руки, наставительно заговорила девушка, – не существует! Этот факт доказан уже множество раз! Называющие себя телепатами люди либо являются магами, а чаще всего колдунами, и пользуются невежеством обывателей и заклятиями формы «духа». Либо вовсе шарлатаны. У твоей мамы, насколько я знаю, совершенно нет дара, да и я не почувствовала применения магии. И очень сомневаюсь, что такая серьёзная и солидная женщина будет обманывать окружающих. Так что я на сто процентов уверена – вы просто живёте в аномальной зоне. Вообще-то, это не полезно для организма.

– Ну, может быть, – никого убеждать я не собирался, тем более с самого начала знал, что мне не поверят.

Посидев ещё немного, я со вздохом был вынужден констатировать тот факт, что еды в меня больше просто не лезет. Выпив по чашечке

вкуснейшего чая под разговор ни о чём, я проводил Марину до её двери и вернулся в своё купе. Мои попутчики, в отличие от меня, рестораны не посещали и хоть до моего ухода занимались своими делами, сейчас скооперировались. Разложив на столике нехитрую снедь, под неспешные беседы они выпивали, разливая из большой бутылки нечто, распространяющее запах таёжных трав.

– О! Парень, с нами будешь? – увидев меня, радостно спросил крепкий мужичок с пышными усами на красном, мясистом лице и большими мозолистыми руками.

– Не, мужики, спасибо, но – я пас, – отбрехался я и, улыбнувшись, полез наверх.

– Чего? Маленький ещё? Мамка не разрешает? – усач хохотнул своей глупой шутке. – Или спортсмен?

– И то, и другое, – не стал скрывать я и уже лёжа на матрасе соврал: – Да не хочу с вином в дорогу мешать, а то мало ли что?

– Ну да... – тут же согласно прогудел он. – Это правильно! А то прихватит ещё.

На самом деле я не то чтобы был ярым противником алкоголя. Наёмники, у которых я подрабатывал боксёрской грушей, как-то угощали меня привезённым из Крыма кагором, но не сказал бы, чтобы он мне понравился. Хотя, возможно, виной здесь действительно было правильное воспитание, которое мне дал Наставник, дополненное наглядными примерами вроде приснопамятного Сяпы.

– И всё равно – не было при СССР такого бардака! – видимо, продолжая разговор, начало которого я не застал, выдал ещё один мой попутчик, интеллигентного вида высокий ладный мужчина с ёжиком седых волос.

– А при СССР – вообще ничего не было! – тут же возразил заметно поддатый голосом третий, лощёный молодой человек лет двадцати, одетый в явно импортные шмотки.

– Да тебя даже в проекте у мамы с папой не было, а ты мне тут будешь рассказывать, как мы жили, – возмутился интеллигент. – Я тогда гражданином был! Меня уважали, и мой голос хоть чего-то да значил, а сейчас я кто? Вшивый подданный?

– Ага, и учитывали этот твой «голос» в графе с одним-единственным именем, – хохотнул усач, – ты, Василич, говори-говори, да не заговаривайся. Если поначалу ещё было нормально, под конец Союза, при Горбаче и его перестройке – жили впроголодь, от зарплаты до зарплаты крохи подбирали, а если случалось денюжку на халтурке срубить, так и

потратить её было не на что. Напомнить тебе пустые полки в магазинах?

– Вот! – воскликнул молодой. – При коммунистах хоть видимость выборов была, а сейчас что? Царь да бояре, а нам холопам никто права голоса давать не собирается.

– В девяносто первом уже навывирали... – пробасил усач. – Хватит – сыты по горло. Стране порядок нужен, и Император его нам дал!

– В девяносто первом у этой страны был шанс сделать шаг вперёд! – убеждённо возразил ему пьяненьким голосом лощёный. – Мы могли бы стать настоящей прогрессивной западной державой. Жить как в Европе! Войти в семью развитых народов и стать страной первого мира! Сейчас бы уже к другим звёздам летали, а не на Луне как кроты ковырялись.

– Ну да! Нужны были эти «Звёзды» Ельцину и его клике! – фыркнул интеллигент, и я услышал, как горлышко бутылки застучало по краям стаканов. – Эти держи-морды великую страну развалили своим Беловежским сговором! А как Союза не стало, так и понеслось. Всё сволочи под себя тащили! Россию за год разворовали со своей приватизацией! Каждый хапнуть побольше норовил, а вместо них по кремлёвским кабинетам американские советники табунами бегали!

– А почему ты думаешь, что американцы – это плохо? Если сами не умели, так почему бы у умных людей не поучиться? – возмутился молодой. – Ты мне скажи, кому нужны были все эти убыточные предприятия? Стране – нет? Зашуганному нищему народу? Да не сдались они никому, а тут хозяева настоящие пришли! Они бы и заводы, и само государство с колен подняли, людям бы зарплату платили! Всего-то потерпеть пару лет надо было, жили бы как в шоколаде! Так нет! Всё хунта в девяносто втором кирзовым сапогом растоптала!

– Да мочи у народа на этих клоунов смотреть уже не осталось! Ты вот говоришь – нищие были... да ведь это твои демократы людей за год до скотского состояния опустили, – фыркнул усатый. – Думаешь, Император и его сподвижники решились бы на бунт, если бы хоть какая-нибудь надежда у страны была? Держи карман шире!

– Они присягу два раза нарушили! – глухо ответил ему интеллигент. – Первый раз, когда за Советы не вступились, а второй раз, когда против охлократов выступили и свою «Реставрацию» затеяли. Чтобы им пусто было!

– Во-во. Весь мир в шоке был, когда наши бояре Ельцина с Руцким на Красной площади, на лобном месте расстреляли прилюдно...

– Правильно они с ними поступили, молодой! За Беловежский сговор их на кол посадить надо было! А уж за то, что они войска подняли и

московскую бойню учинили...

– Демократия обязана защищать себя, а также права и свободы своих граждан! – возразил ему тот.

– Ага, а когда против Союза выступали, кто верещал, чтобы армия не вмешивалась? Это что получается – вашим можно, а нашим нельзя? Не... так не пойдёт. Шайка Ельцина по заслугам получила, а вот Ленина я властям никогда не прощу!

– Да тыщу раз уже было сказано. Демоном он стал. Нежитью, личем! Ульянов же при жизни слабеньким колдуном был, куча свидетельств тому сохранилось, вот после смерти, как в мавзолей положили – насосался со всей страны силушки. Помнишь, как он по Красной площади галопом носился, когда его подожгли? Море народу тогда мертвяк положил и, между прочим, в основном из ваших – коммунистов упёртых, которые защищать его припёрлись.

– Помню... – буркнул интеллигент. – Уж лучше бы он Императору бошку свернул, да сам на трон сел!

– Тьфу на тебя... Свят-свят! – охнул усатый и торопливо перекрестился. – Да не дай-то боже! Ты чего – хочешь, чтобы как в Египте было? Ну, когда в девяносто девятом мумия этого... Тутанхамона из музея в Луксоре выбралась и править пошла? До сих пор всем миром этот рассадник нежити успокоить не могут! Арабов-то как грязи в Каире было. Не, Василич! Тут ты загнул... не нужно нам в России государство мёртвых!

– Но мавзолей-то зачем снесли? – никак не унимался интеллигент.

– Так проклятое место же! – немного удивлённо ответил ему молодой. – Да и сама архитектура южноамериканского ритуального архетипа. Не знаю, специально ли Щусев его так построил, только получилось, что работал он как нагнетатель. Этакая воронка, затягивавшая в Ильича всякую бяку. Там и так загрязнение уже было, а как того вынесли, и он пылесосить отрицалку перестал, так всё в землю уходить стало. Это я точно знаю, всё-таки на дизайнера-ритуалиста учился.

– Дизайнера... – немного язвительно протянул усатый. – Дизайнер – это серьёзно...

– А то! – не заметив подколки, молодой заулыбался, поднося к губам электронную сигарету и делая глубокую затяжку.

Я прекрасно видел его лицо с верхней полки, так как хоть сам не лез в разговор, с интересом вслушивался в то, о чём говорят в купе. Собеседники молодого, попросив его не вонять в помещении, встали, усатый достал пачку «Беломор премиум-люкс» с восьмиступенчатым фильтром очистки, передал одну сигарету интеллигенту, и они вышли из купе.

Товарища, который топил за демократию, данный факт ничуть не смутил. Он в одну харю долил себе из бутылки и, проглотив выпивку, вновь затянулся своей вонючкой.

– Если хочешь курить – выйди! – попросил я. – Нам здесь ещё спать, а окно не откроешь.

– Законом не запрещено, – фыркнул парень.

– Мало того, что я тебя попросил? – я слегка вздёрнул бровь.

– Имею право! – язык у него уже совсем заплетался.

– Ну ладно...

Он даже не успел поднести ещё раз свою вонючку ко рту, как я уже оказался перед ним и аккуратно ткнул его указательным пальцем в переносицу, выпустив слабую силовую волну. Глаза любителя демократии и электронных сигарет закатились, и он отвалился на подушку. Не знаю уж, дорогая она или нет, но его курительную игрушку я аккуратно переломил, вложив в безвольную руку, и только после этого забрался обратно на своё место.

– ...да не выстоял бы СССР в Третьей мировой! – вернувшись, усач первым вошёл в купе и, бросив быстрый взгляд на развалившегося на своей кровати демократа, усмехнулся. – Не смогли бы мы мобилизоваться.

– Не согласен, – интеллигент как всегда возражал. – Я могу что угодно говорить про Императора и его соратников, – но я не верю, что они не вступились бы за советских граждан!

– Да ты пойми, не они бы рулили, а генералы продажные. Как раз те, кто за Советы войска и не вывел в девяносто первом, зато Борьку-алкаша облизывали за новые ордена да звания. Мы ядерного ада хлебнули бы, поверь! Сволочи продажные специально бы народ положили, лишь бы им местечко в Штатах дали...

– Вань, а может быть, и не было бы никакой войны? – устало спросил коммунист. – Всё-таки началась она из-за свержения Ельцина.

– Так это официально! Думаешь, там никто не готовился? А ты вспомни – сколько раз на наших магов при Горбатом покушений было? А скольких по надуманным обвинениям посадили? И кстати, именно тех – кто за Союз был! Почти весь антиядерный зонтик!

– Да... жаль, что мы это только после Реставрации узнали. Снесли бы весь тогдашний КПСС...

– Да ни хрена бы вы не сделали! – взорвался усач. – Пискнуть боялись! Рабочая интеллигенция, мать его...

– Тише, – шуганул его собеседник. – Детишек побудишь. Ты, кстати, на фига мелкому бухло предлагал? Совсем сбрендил, морда монархическая.

– Да я так... по привычке, – замялся усатый. – Вспомнилось, как мы в окопах под Челябинском таким же наливали и ничего...

– Так-то на войне, – вздохнул интеллигент. – Я вот не поверишь, когда на молодых смотрю, сердце щемит. Уж сколько мы таких пареньков, пошедших тогда в ополчение, потеряли. Баи их вырезали без жалости... а мы...

– Угу... Именно такие пареньки вернули нам Казахстан. Слышь, Василич! Пошли-ка спать... Ещё на завтра бухла оставить надо.

Глава 6

Говорят, раньше в поездах под перестук колёс отлично спалось. Не знаю, может, так оно и есть. Мой осознанный опыт путешествий начинался и заканчивался редкими вояжами домой на выходных. А до электричек научно-магический прогресс ещё не добрался, и громыхали они так, что даже покемарить не получалось. Хотя возможно, это была лично моя особенность, поскольку и сегодня, в практически беззвучно скользящим над рельсами составе, я подскочил ни свет ни заря и никак не смог заснуть вновь.

А вот у моих соседей таких проблем не было. Купе буквально содрогалось от двойного богатырского храпа, перемежаемого подсвистом от самого молодого из выпивох. Тот, так и не очнулся после моего вчерашнего удара, точнее лёгкий обморок перешёл в крепкий и здоровый сон очень пьяного человека. Звуковая какофония дополнялась убойной смесью перегара и ароматизатора пара, за короткий срок сумевшей провонять всё помещение. Правильно всё-таки я вчера вырубил этого наглого типа. А то ночью дышать вообще было бы нечем, и так вентиляция не справлялась.

Кстати, до того как проснуться, я совершенно не замечал ни шума ни запаха. Всё же жизнь в большой семье приучает к тому, что настоящей, глубокой тишины не бывает никогда. Обязательно кто-то ходит, скрипит, кашляет или ещё что-то. Да и в общежитии, в маленькой комнате с четырьмя живущими в ней молодыми парнями, из которых так и прёт шальная энергия, покой только снился. Так что я уже давно привык засыпать независимо от обстановки. Но именно в поезде эта способность мне изменила.

Возможно, из-за волнения, всё же моя жизнь вновь делала резкий поворот, и куда он приведёт меня, было совершенно непонятно. Прошлый едва не закончился инвалидностью или вообще смертью, а при самом неблагоприятном, но наиболее вероятном развитии событий ещё и образованием Чулымской Зоны. Спасибо Наставнику, не допустившему ни того, ни другого. И прежде всего за то, что он не стал решать проблему радикально.

Ведь по большому счёту достаточно было или прибить меня самому, а уж для Воеводы – высшего воинского ранга, это не сложнее чем щёлкнуть пальцами, или, если нет желания мारаться – просто поставить в

известность компетентные органы. А уж как любое государство умеет ликвидировать угрозу себе, все мы знаем из истории. Недаром говорят: нет человека – нет проблемы.

Однако вместо этого Варягу принялся возиться с полупарализованным сопливым пацаном, которого первые полгода пришлось заново учить ходить. И это при том, что в любую секунду я мог попросту не выдержать всё возрастающего давления энергии, прущей через открывающиеся одна за другой чакры. М-да... сейчас, зная истинный уровень моего учителя, я понимал, насколько мне повезло. Вопрос в том, что подобное бывает раз в жизни и то не у всех. Так что ныне, направляясь в рассадник для детишек аристократов, я могу рассчитывать только на себя.

Та же Марина сдаст меня не задумываясь. А хотя... может быть, и нет! Уж этот комнатный цветочек взращён на почве из рыцарских и дамских романов и обильно полит сладким сиропом мелодрам. Она вполне может и наплевать на все инструкции и законы, просто потому, что «так ей велело сердце».

Впрочем, наверное, стоит прекратить себя накручивать и строить предположения на пустом месте. Предвидеть будущее не могли даже «Аватары» – маги типа меня, с полным набором целиком открытых чакр, а для банального анализа было слишком мало данных. Поэтому сейчас самым оптимальным решением, на мой взгляд, являлось плыть по течению, решая проблемы по мере их поступления.

Чем я и занялся, прежде всего, оградив себя от храпа соседей. Потёртые, но всё ещё исправно служащие вакуумные наушники, подключённые к смартфону, с этим справились на отлично. Ткнув в первую попавшуюся композицию и поставив режим случайного воспроизведения, я открыл начатую вчера книгу, кивая в такт басам старого доброго русского рока, ударившего по барабанным перепонкам. Перемен, значит, требуют наши сердца! А песенка-то – в тему. Вот и будем поглядеть, что там нас ждут за перемены.

Литературные сражения в космосе и виртуальной реальности затянули настолько, что я даже не заметил, как проснулись мои соседи. Отвлёкся, лишь получив сообщение от Марины, звавшей меня завтракать. Не без сожаления закрыв книгу, так и не узнав, чем закончились приключения экипажа суперлайнера «Волга», попавшего в Тёмную Зону нашей галактики, и пришёл ли в себя главный герой, я пулей метнулся в санузел. Следовало привести себя в порядок, хорошо ещё нашествие основного потока голодных пассажиров мы благополучно пропустили, и я рассчитывал быстренько перекусить и вернуться к заинтересовавшему

меня чтиву. Несмотря на то что ехать нам предстояло ещё почти целые сутки, не хотелось терять лишнего времени.

И всего через каких-то пятнадцать минут, умытый и довольный жизнью, я поглощал свой завтрак, всё так же заказанный Мариной самостоятельно. Правда, на этот раз даже она не морщила свой носик при виде местной готовки, а уж я такой вкусный и пышный омлет с грибами вообще ел впервые в жизни. Хотя уж что-что, а в Чулыме свежайшие яйца и их производные были у нас на столе каждое утро.

Девушка сегодня не пыталась строить из себя серьёзную даму, а наоборот, выглядела скорее подростком, засидевшимся ночью в глобальной сети. Эдакой заспанной «няшкой», подвисяющей над каждым кусочком вкусняшки и невпопад отвечающей на вопросы. Даже чашка кофе её не взбодрила, а заказать себе больше не дал ей уже я, заставив выпить стакан апельсинового сока. И, несмотря на слабое сопротивление, отвёл Марину в её купе, с приказом ложиться и раньше обеда с койки не слезать. А на попытку возразить, дескать, ей надо работать – пообещал вообще забрать у неё ПМК и отдать только по прибытии в Москву.

Уж не знаю, подействовали ли угрозы или вид кровати – такой мягкой и удобной, но не прошло и пяти минут, как девушка сопела носом в две дырки, нырнув под одеяло прямо в дорожном спортивном костюме, который надела для похода на завтрак. Правда, повозившись, курточку она всё же сняла, но на что-то большее её уже не хватило.

Немного посмотрев на спящую Марину, по-детски подложившую ладошки под щеку, и от этого показавшись ещё милее и беззащитнее, я обратил внимание на хипстершу, в своём вытянутом свитере и с растрёпанными волосами выглядевшую, словно гигантская галка. Особенно сейчас, когда она с ногами забралась на постель, подобрав их под себя, и обмотала бёдра одеялом. Получилось точное подобие птицы, из гнезда наблюдающей за неожиданным гостем, словно за дворовым котом, позарившимся на её кладку.

На меня подобное давно не действовало. Ещё в родительском доме получил первую прививку от сестрички Анны, именно так, с неодобрением наблюдавшей, как я собираюсь на очередную тренировку к Наставнику. Она искренне считала, что я обязан помогать ей и матери возиться с мелкими, и была в этом абсолютна права, но... иногда, особенно когда на отца накатывал приступ ностальгии по прошлой жизни, и он в очередной раз прикладывался к бутылке, находиться рядом для меня становилось попросту невозможно.

Было бы подло сказать, что он нас бил. Ни разу в жизни батя не поднял

руку на родных, даже когда мы действительно того заслуживали. Вопросами экзекуций за шалости заведовала мама, и за проделки от неё могло прилететь так, что потом долго было больно сидеть. Даже мне однажды перепало, как раз за Сяпино «хождение по мукам», хоть к тому времени удар ремнём для меня уже был не страшнее лёгкого ветерка. Однако пришлось с понурым видом терпеть, пока мне не отвесят положенную долю «воспитания». И ойкать при каждом ударе, «чтобы не создавалось впечатления бесполезной работы» – это я её дословно процитировал.

Нет, отец, выпив, принимался вздыхать и сверлить меня взглядом, словно это я был не жертвой, а источником всех бед, свалившихся на нашу семью. Естественно, в определённой мере именно так оно и было, вот только я хоть и являлся первопричиной, права голоса в происходящем не имел от слова «совсем». В отличие от бати, сознательно промолчавшего в те страшные для меня дни. Так что постепенно, с осознанием того, что вины за мной нет, я научился игнорировать и его взгляды, и тихое бормотание, но тем не менее в такие моменты всегда старался быстренько куда-нибудь исчезнуть.

Поэтому надутая Агнель была последним, что могло меня смутить или испугать. Наоборот, я сам пообещал сделать из неё ощипанную курицу, если посмеет разбудить соседку. И убедившись, что девушка прониклась серьёзностью момента, отправился к себе, дочитывать книжку.

И за перипетиями сюжета едва не прозевал обед. Старичок-смартфон словил очередной глюк, начисто отрубивший входящую связь, а на время я, увлечённый повествованием, внимания не обращал. Благо выпавшаяся, бодрая и розовощёкая Марина лично пришла за мной, вызвав бурю восторга среди мужского коллектива купе, и увела, чтобы насытить растущий организм важными белками, жирами и углеводами. А также обязательной дозой витаминов в виде паровой стручковой фасоли на гарнир к бифштексу. Это в дополнение ко всему остальному, занявшему весь стол мисочками, пиалочками и соусницами. Сама же девушка поначалу заказала ролы, но, получив требуемое, скривилась так, будто ей принеслидохлых тараканов, вместо симпатичных рисовых цилиндриков, обёрнутых сырой красной рыбой. Хотя, если вспомнить, что жена у главы рода Федосеевых чистокровная японка, как и чуть ли не половина вассальных семей в клане, становится понятно, что в этом вопросе Марина будет очень и очень привередлива. Интересно другое. Она действительно надеялась получить в поезде нечто сопоставимое с тем, что готовит их домашний шеф-повар, двадцать с лишним лет совершенствующийся в

искусстве лепки рисовых шариков?

Как бы то ни было, разомлевшего после сытного обеда меня не отпустили дальше следить за приключениями «Князя-Защитника» из гипотетической «Российской Звёздной Империи» будущего, а потащили с собой в СВ для русской дорожной забавы – игры в подкидного дурака на щелбаны. Хипстерша, ещё больше нахохлившаяся в своём гнезде, от предложения гордо отказалась, молча окатив нас презрительным взглядом, и демонстративно уткнулась в своего Бродского. Разборки из-за подобного хамства Марина затевать не стала, присмотрелась повнимательнее к имени автора на обложке книги, высокомерно и очень по-аристократически фыркнула. Ну да, всё правильно, была бы честь предложена! К тому же я не сомневался, что уж кто-кто, а моя учительница должна прекрасно разбираться в поэзии. Так что мы вдвоём устроили эпичнейшую зарубу за звания короля или королевы дураков, чем довели Агнель до натурального белого каления.

Надо сказать, играла девушка из рук вон плохо, но уж очень азартно. Даже повизгивая от восторга, когда ей удавалось завалить меня картами. Складывалось впечатление, что вот такие простые житейские радости, например, посидеть с кем-то за настольными играми, ей переппадают не часто. И у меня рука не поднялась огорчить превратившуюся в озорную девчонку учительницу частыми проигрышами. Поэтому пришлось подыгрывать, но так, чтобы она не заметила, иногда выкручиваться за двоих. А то и вовсе откровенно жульничая и пользуясь своими возможностями, подсовывая ей нужные масти. Пару раз я даже подкладывал стащенные из отбоя козыри прямо ей в руку, благо с моей скоростью сделать это оказывалось предельно просто. Но как забавно было наблюдать, как на симпатичной мордашке отображалась титаническая работа мысли... когда она вдруг обнаруживала, что у неё откуда-то ни с того ни с сего появился валет пик.

Время до ужина пролетело незаметно. А вот после него я категорически отказался от посиделок у Марины и потребовал немедленно лечь спать. Поезд прибывал утром, и сонный зомби вместо человека, который по идее должен за мной надзирать, мне был не нужен. Та поворчала, но прониклась и послушалась. Спрятав ПМК и пожелав «Спокойной ночи», она скрылась в своём купе. У нас мужики уже тоже утомонились, успев слегка, но без особого фанатизма, поправить своё расшатавшееся долгой поездкой здоровье. Всё же завтра нас ждала бывшая столица, и все хотели встретить её в наилучшей форме. И я тоже – так что книга была отложена на потом, а я погрузился в сон.

Стоя на перроне Ярославского вокзала возле грузового отсека нашего вагона, я с изумлением смотрел на воздвигающуюся гору из чемоданов, коробок, сумок и ещё каких-то чисто женских ридикюлей, причём одинаковой расцветки, грозящую вскоре обогнать меня по высоте. Как-то из головы вылетело, что Марина – совсем не простая девушка, и вряд ли она отправилась бы в дальнюю поездку исключительно с тем маленьким клатчем, который всегда держала при себе. Точнее, ещё при посадке на поезд я спросил о багаже, на что она отмахнулась, дескать, вопрос решён, вот и не заморачивался на этот счёт.

Сейчас же, глядя на эту шмоточную пирамиду Хеопса, стремительно превращающуюся в настоящий Эверест, хотелось то ли плакать, то ли смеяться. Да, это не моя спортивная сумка, веса у которой практически не было. Здесь подошли к вопросам переезда в кампус основательно. И становилось ясно, зачем взяли билеты от самого Новосибирска, а не в Чулыме, где мы, собственно, и сели на поезд.

Для Федосеевых разница в цене не имела значения, зато это позволило заранее загрузить весь Маринин багаж. Вот только как теперь его прикажете тащить? Поднять-то для меня всю эту гору – не проблема, а вот где взять столько рук, чтобы всё уместилось? Хотя, может быть, у юной учительницы имеется какое-нибудь специфическое заклинание, вроде воздушной платформы...

– Кузя! Ты где?! Ой, а моё уже всё выгрузили? Замечательно! – занятый мыслями я не заметил появления девушки, куда-то отлучившейся и велевшей ждать её тут. – Я уже всё организовала. Наш багаж доставят прямо до машины.

Она остановилась передо мной, осмотрелась и, нахмутив брови, упёрла кулачки в свои аппетитные бёдра.

– Кузьма! Ну, нельзя же быть таким копушей! Вот чего ты ждёшь? Почему ещё не распорядился выгрузить и твои вещи?

Я уставился на учительницу, силясь понять, о чём собственно она говорит. И лишь через пару секунд до меня наконец-то дошло, что молодой аристократке и в голову не могло прийти, что человек может путешествовать с одной-единственной сумкой. Причём весьма скромных размеров. Хотя лично мне всегда её хватало. Кеды, джинсы, футболку и лёгкую куртку я надел на себя сразу. Они же и сойдут за комплект «гражданской» одежды, в случае если во время обучения нас будут

выпускать в город. В сумку легли «мыльно-рыльные» принадлежности, приобретённая недавно простенькая китайская электробритва, пара смен белья, запасные носки, ещё одна чистая футболка и кое-что ещё в небольшом, собственноручно сделанном потайном кармашке, расположенном в днище сумки. А других вещей я с собой и не брал.

Был, правда, ещё старенький нетбук, которым я пользовался для учёбы в технаре, игр и серфинга по Интернету, но его я оставил мелким, после того как Марина меня заверила, что в колледже я получу полный комплект вещей и даже личный компьютер. Причём не абы какой, а на маджигинтеллекте. К последнему её заверению я отнёсся весьма скептически, хотя вслух высказывать недоверие не стал. Всё же там была обитель детишек «аристо», и вряд ли на них сэкономили.

– Марин, голому собраться – только подпоясаться! – выдал я прочитанную в какой-то из книг замысловатую поговорку. – Всё при мне, так что можем выдвигаться.

В доказательство я похлопал по дряблему боку своей сумки и вновь задумчиво посмотрел на гору чемоданов, которая в финальном варианте стала напоминать пирамиду Майя с единственным вызывающе розовым саквояжем-контейнером на вершине.

– Вот только надо придумать, как всё это оттаранить на стоянку, – задумчиво добавил я.

– Кузя, ну ты чем слушаешь-то? – девушка надула губки, опять выпадая из образа строгой учительницы. – Уж совсем меня за дурочку-то не держи! Я же говорю, всё решено и организовано. Вот эти господа нам помогут.

Я оглядел «господ», которых притащила с собой училка, и мысленно скривился. За Федосеевой, опираясь на тележку для багажа, стояла пара мужичков с не самой располагающей внешностью. И дело даже не в спецовках не первой свежести, которые странно было видеть на рабочих в таком месте. Всё же Москва хоть и потеряла статус столицы, оставалась крупнейшим и богатейшим городом в стране. Да и железнодорожное начальство, особенно в последние годы, старалось следить за внешним видом своих подчинённых.

Скорее всего, дело было в презрительно-сально-жадных взглядах, которые эта парочка бросала на нас. Точнее, мне доставалось только первое, а вот Марина и груда её вещей явно вызывали у этих типов совершенно другие эмоции. Особенно Федосеева. И хотя я это понимал, всё же учительница была дамой видной, да и я сам зачастую тайком любовался ею, но тут было другое. В их глазах читалось откровенное и

неприкрытое желание разложить девушку прямо здесь на перроне и воспользоваться ею не отходя от кассы.

– А ты уверена? Может...

Она опять нахмурилась и ревниво перебила меня, так что я был вынужден заткнуться.

– Кузьма! Ты явно забываешь, кто из нас тут взрослый человек, имеющий право принимать решения, а кто – несносный подросток, всюду сующий свой нос! – Марина снова нацепила на себя маску властной бизнес-леди, при этом явно считая, что подобные типажи никогда не прислушиваются к чужому мнению. – В конце концов! Это я несу за тебя ответственность, так что давай! Отойди и не мешай этим милым людям работать.

Чего там она нашла милого, я не понимал. Однако, пожав плечами, шагнул в сторону, пропуская вперёд тележку, столь же замызганную и помятую, как и надетые на носильщиках спецовки. В конце концов, действительно – пусть сама разбирается! Обождётся разок – будет ей наука, я же в свою очередь, лучше понаблюдаю, чтобы эти товарищи не шпионили чего-нибудь под шумок.

Один из носильщиков, невысокий мужичок лет сорока, с острым лицом, больше всего напоминающим крысину морду, дотолкал наконец дребезжащую и подпрыгивающую на кривых колёсиках платформу до кучи чемоданов. Проходя мимо, он смерил меня презрительным взглядом. Скривив тонкие губы, цыкнул слюной сквозь передние зубы, вроде бы как случайно, едва не попав мне на кеды, после чего пробормотал себе под нос что-то типа: «Понаехала лимита поганая, хрен ли вы из своего Задрищенска все сюда лезете!»

Захотелось резко, без замаха, съездить ногой по его мерзкой роже, да так, чтобы башка отвалилась к чертям собачьим! В голове тут же привычно забубнил голос Наставника, зачитывая древнеиндийскую мантру успокоения. В годы моего обучения он часто использовал её в те дни, когда Сяпа доводил меня до белого каления, и, похоже, что я настолько привык к тому, как он монотонно зачитывал слова на санскрите, что и после его смерти постоянно слышал их, стоило только начать раздражаться. Она срабатывала всегда, а единственным исключением стал случай с теми тварями, которые устроили бойню в Новосибе. Я сейчас даже не мог вспомнить, слышал её тогда или нет, но совершенно не жалел о содеянном.

Сегодня же она спасла крысомордого как минимум от сломанной челюсти, меня же отвлекла от других мыслей и заставила задуматься, а не часто ли я последнее время применяю насилие там, где можно обойтись без

этого? Например, с тем же вейпером в купе. Понятно, что спорить с ним было бесполезно, такие товарищи, упёртые как бараны, до последнего будут доказывать именно свою точку зрения. Типа: «Законом не запрещено!», намеренно забывая о том, что его права заканчиваются там, где начинаются мои.

И хоть с подобной метафорой многие могли бы не согласиться, как по мне, она совершенно правильно отображала картину современной реальности. Собрался сделать то, что другим может не понравиться – будь готов за это ответить. Ведь того же Сяпу я всё же не тронул, хотя упоминание сестры, вылетевшее из его поганого рта, меня немного задело. Ей было всего пятнадцать и, несмотря на всю напускную серьёзность, она всё равно оставалась обычной девчонкой. И не дай-то бог, чтобы какой-нибудь подобный урод смог бы вскружить ей голову! Одной сломанной челюстью он точно не отделается!

Я мысленно прокручивал самые страшные кары обидчикам Аньки, отрешённо посматривая за крысомордым и его напарником, высоким, тощим мужиком с сальными волосами, который скорее не работал, а капал слюной на Марину, снова уткнувшуюся носом в свой ПМК. Закончив грузить чемоданы, они уверенно потолкали свою, как мне показалось, ещё сильнее задребезжавшую телегу по перрону, в сторону вокзального здания.

Пришлось подхватить девушку под руку и вести её за ними на прицепе. Правда, то, где нас ждёт машина, я не знал даже в теории. Последний раз на площади трёх вокзалов я бывал лет в шесть и практически ничего не помнил. И совершенно не был уверен, моя учительница в курсе того, где здесь останавливаются автомобили. Так что пришлось довериться местным носильщикам, потому как заплутать мне совсем не хотелось, а разбираться самому, что да как – было откровенно лень.

Да и вообще, меня в данный момент беспокоило нечто иное. Постоянное, навязчивое ощущение чьего-то чужого, изучающего взгляда, одновременно и морозившего и обжигающего спину. Так что я скорее пытался понять, кто же это привязался к нам такой любопытный, нежели следил за тем, куда нас ведут.

Идти пришлось недалеко, но как-то странно. Мы миновали памятник «Нулевому километру Транссибирской магистрали», я даже не знал, что таковой существует, затем сразу свернули налево. Тележка подкатилась к закрытым массивным воротам. Носильщики перебросились парой слов со служащим, и мы покинули территорию вокзала, после чего пересекли улицу и направились в какой-то дворик.

Собственно, это мне уже совсем не понравилось. Естественно, я ни на секунду не допускал, что машину для аристократки могли подать сюда, прямо под окна жилого дома. Впрочем, Марина не подавала признаков беспокойства, она вообще не обращала на окружающее ровным счётом никакого внимания, так что я решил лишний раз не лезть со «своим мнением».

Коль она у нас «взрослая» и «способная принимать решения», да ещё и учитель к тому же, который за меня несёт ответственность... Она всё это устроила – вот пусть сама и разбирается. А я что? Я «несносный подросток»! В обиду дурочку, конечно, не дам, однако подобный урок реальной жизни ей будет полезен.

Тележка остановилась возле побитой судьбой и дорогами «Тойоты Калдины», которая, казалось, застала ещё времена до начала Реставрации. Из неё тут же выскочил плотно сбитый усатый мужик, чем-то неуловимо напоминающий моего краснолицего попутчика. Скорее всего, деловитым видом, с которым он принялся осматривать наш багаж, явно прикидывая, как его сподручнее загрузить в свою «ласточку». Но это я отметил проходя, внутренне улыбаясь, потому как был занят разглядыванием вытянувшейся мордашки Марины.

Грозный Ауктор, принятая в род воспитанница одного из богатейших кланов страны, выросшая в роскоши, никак не ожидала, что её может ждать увлекательная поездка на автомобиле старше, чем она сама. С явно неработающим кондиционером, судя по всем открытым настежь окнам, и мытой последний раз в лучшем случае пару месяцев назад.

От осознания открывающихся перспектив девушка просто впала в ступор, бессмысленно хлопая ресницами, в надежде, что «тыква» сейчас превратится в «карету». Это выглядело настолько забавно, что я с трудом удержался от того, чтобы не заржать аки конь. Подобного делать не следовало, потому как обижать Маринку мне совсем не хотелось.

– Это что такое? – даже в голосе вроде бы отошедшей от первого шока девушки слышалось беспомощное изумление. – Но это же не может быть нашей машиной. Нет, нет! Здесь какая-то ошибка. Я сейчас позвоню и...

– Чего понитшь, цыпа? Ты просила тачку? Мы подогнали, – крысиномордый сплюнул, развязной походкой подходя к Федосеевой, однако остановился, потому как я словно бы невзначай заступил ему дорогу.

Зло зыркнув на меня и, видимо, решив, что в бутылку лезть ещё рано, он процедил:

– Не нравится? Вызывай другую. Только нам бабосики за работу

отстегни.

– Да, да, конечно, – Марина судорожно полезла в клатч, не зная за что хвататься, то ли за ПМК, звонить в колледж, а то и вовсе вызывать такси, то ли за пухленький кошелек. – Сколько там мы вам должны?

– Ну-у, погрузка, доставка, разгрузка. Я ещё спину потянул... – носильщик переглянулся с напарником. – Штук на девять встанет. Не, даже скорее на девять с половиной!

А вот от такого опешил даже я. Зарплата в десять тысяч имперских рублей считалась очень и очень хорошей. Столько получали квалифицированные рабочие, которые вкалывали за двоих и дорожили своим местом. Месяц прожить можно было и на одну десятую от этой суммы, продукты питания стоили совсем не много, благодаря развитию магии форм «травы» и «твари». Поэтому заявление этих индивидуумов было уже не просто попыткой развести лохов, на что я надеялся, а банальным грабежом среди бела дня. Вот только комнатный цветочек Марина осознать подобного с ходу не могла.

– Штук чего, простите? – девушка хлопала наивными глазами, пытаясь понять, что от неё хотят. – Я думала, вы деньгами оплату принимаете.

– Мы всяко можем, хошь налом, хошь натурой, – длинный глумливо заржал. – Ты, чикса, как расплатиться желаешь?

Глава 7

По фене учительница не ботала, а потому пассаж про «натуру», слава богу, прошёл мимо её сознания.

– Мужики, вы... – начал было я, понимая, что веселье заканчивается, вот только девушка пусть и была удивлена, из своей роли ещё не вывалилась.

– Кузя, помолчи! Не лезь, когда старшие разговаривают! – нахмурилась она.

– Да, пацан, не открывай лишний раз хлебoreзку, и ты, Шпала, завались! Боцману ты с натуры по-петушину долю отдавать будешь? – крысомордый снова сплюнул. – Короче, уважаемые, вы нам на девять с половиной тысяч рублей торчите. Так что давайте, дамочка, не будем играть в нервы и рассчитаемся без истерик.

– П-подождите! Но как же так? – Марина, хоть и была привыкшей к значительным тратам, поняв, чего от неё хотят, оказалась оглушена озвученной суммой. – Мы договаривались на триста рублей! Откуда взялось остальное?

Мне оставалось только хлопнуть себя ладонью по лбу, чего я делать не стал. Подобная услуга и трёх рублей не стоила, а Марина на триста договорилась! Причём я подозревал, что это была её инициатива. Спросили: «Сколько дашь!», вот она и ляпнула, после чего её взяли в оборот.

– Цыпа, триста это за десять метров, – носильщик ещё раз попытался подойти к девушке, но я опять оказался между ними. – А мы вас аж вон куда отвезли! Так что всё по-честному. Слышь, не лезь, малой, не с тобой пока базарим!

– Получите ровно столько, на сколько договаривались, – пора было заканчивать балаган. – Лох, конечно, не мамонт, сам не вымрет, но вы сегодня в пролёте. Марина, дай три сотни.

– Ну, смотри, пацан. Думаешь, деловой такой? Кинуть нас хочешь, – крысомордый оскалился, многообещающе глядя на меня, а затем покосился в сторону. – Значит, ещё и братве отстегнёшь, или сестрёнка твоя отработает. Станок у неё ништяк!

Отследив направление взгляда разводилы, я медленно обернулся, не теряя его при этом из поля зрения. К нам подходили двое мужчин, явно «воинов», весь вид которых прямо-таки кричал о криминальном прошлом,

настоящем и будущем. И, к сожалению, в этом не было ничего странного. После того как магия укоренилась в обществе, «Зона» быстро стала кузницей кадров для всевозможных бандитских группировок, регулярно пополняя ряды братков разнообразными самоучками. Немало людей из вставших на преступную стезю выходили оттуда одарёнными. Правда, на высокие уровни никто из бывших сидельцев не замахивался.

Основную массу составляли Юнкера, с редким вкраплением Корнетов. А вот Есаулами становились совсем уж единицы, причём такие товарищи чаще всего назначались «смотрящими» и в откровенный криминал не лезли. Всё потому, что занимались ими уже не обычные менты, а «инквизиторы» из одиннадцатого отдела, которые могли позволить себе закрывать глаза на всякую мелкую шушеру, но с замазавшимися третьими уровнями расправлялись без жалости. Естественно, с молчаливого одобрения Императора.

Так что новым персонажам этой трагикомедии я ничуть не удивился. Всё же нас решили опрокинуть на довольно серьёзные бабки... Да и вряд ли носильщики отважились бы действовать так нагло без должного прикрытия.

– Марина, держись за мной, никуда не лезь, – я завёл её рукой к себе за спину, отступая на несколько шагов назад, так чтобы новоприбывшие и разводилы оставались передо мной, а сзади была только девушка. – И ради бога – молчи. Взрослый, ответственный человек... блин.

На удивление, шатенка не стала спорить, а послушно притихла и, дрожа, буквально вжалась мне в спину. Уж не знаю, что могло так напугать могущественного Ауктора в приближающихся парнях. Возможно, то разыграли женские инстинкты, и у учительницы просто вылетело из головы, что она маг. А может, быть сработал стереотип, вбитый книгами и фильмами – мафия бессмертна, и честному человеку с бандитом не справиться. Вот она и напугалась, впервые в жизни повстречавшись с миром криминала.

У меня же кое-какой опыт имелся. Те же «Медведи» частенько работали именно против групп одарённых бандитов. И от них я знал много подробностей, так сказать, из первых рук. Да и в общаге технаря хватало всяческих индивидов. Так что волей-неволей приходилось сталкиваться и контактировать с самыми разными людьми. И никакого пиетета перед московскими или новосибирскими братками я не испытывал.

– Шпала, Крыс, что за кипеж? – левый, на полшага опережавший спутника, демонстративно не замечая нас с Мариной, обратился к носильщикам. – Бабло приготовили?

– Боцман, тут фраера нас подрядили, а платить не хотят. Говорят, мол, мы жулики и пахнет от нас стрёмно, – в голосе крысомордого появились заискивающие нотки. – А пацанёнок вообще по матушке послал. Вон Шпала даже моральную травму получил, аж работать не может. Ты бы заступился за пролетариев, а?

Вот теперь главарь словно увидел нас. Пробежавшись взглядом, особенное внимание уделил фигуре девушки и, видимо, остался доволен. По крайней мере, в его глазах вспыхнуло нескрываемое пламя похоти. И если раньше я ещё рассчитывал решить вопрос без рукоприкладства, то теперь желание набить наглую морду стало почти нестерпимым. Даже занывшая в голове мантра Наставника была сметена этим чувством и мгновенно заткнулась.

– Значит, приехали в столицу, и сразу решили кинуть местных работяг на бабки? Нехорошо, – братки немного разошлись, беря нас в клещи. – Значит так. Мужикам за работу и простой вы должны пятнашку. Ну и нам за беспокойство ещё столько же.

– Уверен? – я очень нехорошо улыбнулся, и Боцман нахмурился, явно не ожидая подобного от заезжих лохов. – Ты всё ещё можешь уйти отсюда целым и невредимым.

– Слышь, пацан, а ты чё дерзкий такой? – в разговор встрял тот, которого называли Шпала. – Боцман, да тут тебя, кажется, не уважают.

В его руке сухо щёлкнуло, раскрываясь, лезвие выкидного ножа, и он тут же зазвенел по мостовой, выпав из ослабевших пальцев неестественно болтающейся в локтевом суставе руки. Никто из бандитов даже не успел понять, как я оказался возле их подельника и что сделал, в то время как сами они продолжали смотреть на Марину, всё ещё не понимающую, куда собственно девалась моя спина и почему она держится не за мою куртку, а сжимает в руках мою сумку.

Кто-то достал оружие, а это означало, что игры кончились. Конечно, в меня этот придурок мог своим пером хоть утыкаться, всё закончилось бы тем, что он его просто сломал бы, но я был не один и рисковать девчонкой не мог.

Шпала открыл было рот, чтобы заорать, но получил хлёсткий удар ребром ладони под челюсть, заткнулся, ословел и начал оседать. Поспит пару часиков под рауш-наркозом, очухается, тогда уже будет верещать.

Пришедший с Боцманом браток дёрнулся было в мою сторону, но я не стал его утруждать. Взившись в прыжке, взметнувшим за мной шлейф пыли и листьев, я почти мгновенно преодолел разделяющие нас три метра и отоварил его лёгким ударом стопы по челюсти, отправляя в глубокий

нокаут, затем поймал второй ногой слабенькую опору на его всё ещё продолжающем движение вперёд теле.

Для обычного человека, не наделённого даром, так называемый «воздушный бой» был чем-то из разряда ненаучной фантастики. Однако для одарённого воина подобная акробатика не являлась таким уж выдающимся достижением. Хорошо обученные двоечки летали за милую душу и были способны ещё не на такое, главное, чтобы ноги не скользили. Впрочем, я мог проделать то же самое на любом льду, а на дворе стоял конец лета, да и дождей в Москве вроде как не было уже вторую неделю.

Оттолкнувшись от пойманной опоры, я по высокой дуге взмыл вверх, раскинув руки в разные стороны, прямым телом переворачиваясь через голову, и приземлился прямо перед охреневшим от подобных выкрутасов Боцманом, которому как раз что-то понадобилось от моей Марины. В то же время приголубленный мною браток, находившийся уже в бессознательном состоянии, получив сильнейший толчок в грудь, покатился по земле, сбивая с ног зазевавшегося усатого водилу и не успевшего уклониться крысомордого, который до этого, в отличие от глуповатого Шпалы, видимо почуяв неладное, спрятался за его спиной.

Мужик дёрнулся назад и тут же закрылся в некой невнятной улично-боксёрской стойке. И попытался меня ударить. Правда, даже не поднимая собственную скорость выше уровня честного Есаула, для меня он двигался слишком уж медленно и все его удары я отводил в стороны лёгкими движениями кисти. Разве что не позёвывая при этом.

Ну а когда он полез зачем-то в карман, от души засветил ему в грудь самым что ни на есть обычным кулаком без каких бы то ни было изысков. Правда, в последний момент понял, что перестарался, и от парня сейчас даже так, без приложения силы мало чего останется, а потому успел раскрыть ладонь, да ещё и установить между нами щит из силы, в который собственно и прилетел мой удар.

Местный мафиози, скорее всего, был Корнетом. Она даже успел среагировать и выставил собственный кривенький блок, вот только это помогло не сильно. Защита мужика с хлопком разорвалась, ну невозможно мне было самому отразить свой же удар, так и получилось, что Боцмана по полной программе приложило сдвигаемым мною щитом. Компенсировать он там ничего уже не мог, нечем было, а потому просто улетел спиной вперёд в витрину дворового магазинчика, огласив окрестности звоном бьющегося стекла, грохотом мебели и визгом перепуганной продавщицы.

С бандюгами, конечно, можно было разобраться по-простому, не прибегая к особым изыскам. Не по их душу существовали подобные

техники. Каждому бы хватило по одному аккуратному удару из базового арсенала любого боевого искусства, и вряд ли бы они смогли хоть что-то противопоставить мне, даже изображающему из себя троечку. Но уж больно хотелось дать им осознать, особенно Боцману, на кого они имели несчастье наехать. Да и Марине стоило преподать заключительный урок на тему «несносных подростков»!

На автомате развернувшись к последним оставшимся разводидам, я увидел только спины удирающих во все лопатки жуликов. Отпускать я их не собирался, особенно того похотливого крысёныша. Бегать за ними мне тоже особо не улыбалось, а потому я просто топнул ногой по земле, выбивая из дороги при помощи внутренней энергии в воздух куски асфальта, и словно футболист, отправил один из них в спину драпающего крысомордого. Без фанатизма. Так чтобы не убить. Глядя, как тот кувыркается по тротуару, я вознамерился повторить фокус с водилой, но не мне не дали этого сделать.

Очнувшись, наконец, Марина, которая только-только поняла, что собственно сейчас произошло, не дала мне закончить начатое. В полном соответствии с загадочной женской логикой, она тут же повисла на мне и зачем-то принялась тянуть назад. Впрочем, это меня особо не удивило, многие законопослушные отечественные девушки почему-то считают своим долгом в драке как можно старательнее мешать собственному защитнику, всячески хватая его за руки в то время, как противник, не отягощённый подобными нагрузками, лупит его почём зря. И ведь они на полном серьёзе считают, что этими действиями заботятся о своём спутнике.

– Кузя! Кузя! Что же ты натворил! – девушка продолжала тянуть меня куда-то, в ужасе глядя на учинённое мной побоище. – Я бы всё решила, а ты... а ты!

– Марина! Очнись! – я освободился и взял шатенку за плечи и как следует, правда, нежно, встряхнул её. – Нас пытались ограбить, а тебя изнасиловать! Понимаешь? Очнись! Это были бандиты!

Щадить её нежные чувства я более не собирался. Ситуация уже давно перестала быть хоть немного забавной, а если наш цветочек не могла сама дотумкать до простейших вещей, то в реальность её следовало макнуть, потому как в следующий раз рыцаря на белом коне рядом может и не оказаться!

– К... Как изнасиловать? – ахнула она и побледнела как мел.

– По-разному, – буркнул я, понимая, что переборщил. – Успокойся. Всё уже прошло. И не смотри на меня так – я бы в любом случае не дал им ничего с тобой сделать!

– Но... но... но, Кузя, всё равно. Это же не повод их убивать! Даже если так! То... можно было бы просто уйти и... вызвать полицию, в конце концов. У нас же правовое государство! Мы защищены...

– Они все живы. А про полицию – вот ты это сейчас сама им и объяснишь, что они тебе должны, а что нет, – я указал на пару сержантов, бегущих к нам от того поворота, за которым скрылся усатый шофёр. – Хотела – получи! Потом только не жалуйся...

Достав свой телефон, я быстро нажал на несколько иконок и убрал его обратно в карман, искоса следя за учительницей. А она, немного покраснев и надувшись после несправедливой, по её мнению, отповеди, отвернулась от меня, украдкой осматривая своё отражение в ПМК. Как любая женщина она хотела выглядеть хорошо, причём в любой ситуации. Так что представители закона успели добраться до нас прежде, чем Марина признала свою внешность удовлетворительной.

– Старший сержант Гаврохин! Что здесь происходит? – полицейский с ходу взял быка за рога. – Предъявите документы!

– Добрый день. Дело в том, что...

– Сидорчук, посмотри, как там Боцман. И заткни уже эту бабу, и так в ушах звенит, – похоже, Маринины объяснения не сильно интересовали Гаврохина, поскольку слушать её он даже не стал, почти сразу перебив. – Документы где? Оказываем сопротивление представителю власти? В нулёвку захотелось?

– Но позвольте... – ахнула от такой наглости учительница.

– Сидорчук! Вызови наряд. Тут пассажиры непонятливые. А ты, парень, – полицейский посмотрел на меня. – Ты и так попал по полной программе. Лучше не усугубляй!

– Ведь это нас пытались обмануть, – Марина не оставляла попыток решить вопрос, но по всей видимости, это никого не интересовало. – А меня... а меня... а меня хотели изнасиловать!

– Разберёмся. – Старший сержант отмахнулся от девушки, словно от мухи, едва не задев её лапицей по носу, и крикнул напарнику: – Ну что там?

– Живой! Везучий чертяка! Только поцарапался, а так цел.

– Давай в опорку его, пусть заявление пишет! – и, повернувшись ко мне, снял с пояса наручники. – Парень – руки перед собой!

– Позвольте, что вы хотите от моего ученика? – девушка нахмурилась. – Что значит, пишет заявление?! Этот Боцман ваш у нас деньги вымогал! Он...

– Дамочка, вас что? Заткнуть? Мы ещё проверим, чем вы здесь

занимались. Уж не проституцией ли? Во всем разберёмся. А сейчас закройте рот. Я сказал – руки!

Вздыхнув, я улыбнулся, однако вместо того, чтобы выполнить требования полицейского, достал из кармана свой старенький смартфончик и повернул к нему экраном, на котором было включено звукозаписывающее приложение, и демонстративно нажал на иконку «стоп». Мужик сразу всё понял, побледнел и потянулся рукой к кобуре.

Просто этот подонок действовал по привычке, нахраписто и нагло, стремясь запугать настоящих потерпевших авторитетом облечённого властью сотрудника внутренних органов. По всем правилам он должен был, оценив ситуацию и не давая личных суждений, а тем более не принимая чью-либо сторону, задержать всех лиц, учувствовавших в инциденте, или сразу вызвать на место происшествия компетентных специалистов. Например, тот же пресловутый одиннадцатый отдел.

Вместо этого, парень свалил дурака, да ещё и втопил по полной программе за своих поделщиков, к тому же попытался надеть наручники на несовершеннолетнего. «Медведи», которые, естественно, быстро поняли, что я один из одарённых, в своё время научили меня, как следует поступать с такими вот субъектами, и как можно наказать их по полной программе, не подставляясь под зачистую не такое уж и «слепое» имперское правосудие.

– Давай, Гаврохин, дай мне повод! Я ведь не дам тебе даже достать его, – подмигнул я ему. – Буду защищать себя и свою спутницу от бандитов, а случись вам остаться в живых – вы всё равно пойдёте по этапу. Ни один адвокат не отмажет. Знаешь, что на зоне с ментами делают? Тем более с продажными.

– Я тебя понял, парень. Может, договоримся? – он напряжённо, не мигая, смотрел на меня, словно кролик на удава.

Из магазина выскочил его приятель Сидорчук, видимо, по-своему оценивший ситуацию, и бросив Боцмана, спешивший теперь на помощь старшему сержанту, на ходу расстёгивая кобуру.

– Сидорчук, отставить! – срываясь на хрип, заорал Гаврохин.

– Это кто здесь проститутка! – внезапно раздался за спиной тихий голос Марины, звеневший неподдельной яростью. – Да как вы смеее!

Оп-па. Кажется, тут я недоглядел! Взбешённая учительница, видимо, пришла наконец в себя, вспомнила, что она аристократка, да к тому же квалифицированный Ауктор, что значило куда как немало, и с ней вообще-то нельзя так разговаривать, тем более охранникам правопорядка. И пока мы мило беседовали, она схватилась за ПМК.

Не знаю уж, что она там активировала, но штуковина была из неизвестных мне заклинаний. Что-то комплексное, сделанное специально для самозащиты. Мир потемнел, на долю секунды я ощутил лёгкое давление на плечи, а затем сверху навалилась дикая тяжесть, заставив меня открыть одну дополнительную чакру. А вот ошалевшие от страха менты с криками боли рухнули на землю.

В центре же локального гравитационного коллапса, словно древнегреческая богиня, в снопах молний стояла Марина с развевающимися на несуществующем ветру волосами. Придавленные силой магии люди не могли даже пошевелиться, а вокруг с диким скрежетом начали сминаться в блин автомобили. Крайней сдалась старушка «Победа», до последнего пытавшаяся сохранить свои гладкие формы.

Не знаю, почему я не попытался отнять ПМК у девушки. Может быть, оттого, что как противника я её совершенно не воспринимал. Да и закончилось всё довольно быстро. Стоило только пяти-шести машинам из трёхмерных превратиться в двумерные, давление тут же прекратилось. А вот люди, как мне показалось, особо не пострадали, и уже через пару секунд менты затрепыхались на земле, пытаясь подняться.

Марина в свою очередь, похоже, испугалась того, что только натворила. Она беспомощно вертела головой, хотела что-то сказать, и всё никак не могла произнести ни слова. На красивые глаза начали наворачиваться слёзы. Плюнув на всё, я подошёл к ней и крепко обнял, прижимая к себе. Учительницу начала колотить крупная дрожь, и она, доверчиво уткнувшись мне лбом в плечо, проникновенно заревела.

«М-да... переборщил я с воспитательными работами, – подумалось мне. – Ну да ладно – авось, всё, что ни делается – всё к лучшему».

Прошло минут пять, прежде чем девушка смогла взять себя в руки. И если бы за это время какая-нибудь зараза попробовала бы нас побеспокоить – я бы его убил. Старший сержант Гаврохин с абсолютно белым от пережитого ужаса лицом и выпученными глазами перестал дёргаться в тщетных попытках встать и, постанывая жалостливо, косился на нас. Его напарник? Я посмотрел в сторону Сидорчука, которого Маринка своим заклятьем всё-таки, похоже, поломала. Однако парень был жив.

Хлюпнув последний раз носом, Марина отстранилась и отошла в сторону, достав из кармашка упаковку одноразовых платков и вытерев глаза, высморкалась. Повернулась ко мне, открыла было ротик, чтобы что-то сказать, однако в этот момент из-за угла дома, откуда до этого прибежали менты, выглянул импозантный пожилой мужчина, и, прищурившись,

осмотрел двор и место происхождения, а затем зашагал к нам пружинистой походкой.

– Марина Сергеевна? Это вы? – спросил он, останавливаясь метров за пять от нас.

– Да... – немного удивлённо ответила девушка.

– Слава богу! Наконец-то я вас нашёл! Боже, что тут произошло, я почувствовал сильные арканские эманации... Вы в порядке?

– Простите? – подпускать кого попало к ещё окончательно не пришедшей в себя девушке я не собирался. – Вы кто такой будете?

– Прошу прощения, молодой человек. Где же мои манеры! – немного натянуто улыбнулся он. – Анатолий Борисович, барон Стоцкий. Проректор по научной работе Пятого Императорского магического колледжа. А вы, юноша, видимо, и есть тот самый «найдёныш», с которым Марина Сергеевна должна была прибыть к нам. Потрудитесь объяснить, что здесь произошло. Этим людям нужна помощь!

– Небольшой конфликт с местным криминалитетом и покрывающей их деятельность полицией, – я ещё раз окинул взглядом разбросанные тела. – Сначала нам пытались угрожать оружием, вон нож валяется. А когда получили отпор – в дело вступили оборотни в погонах. Хотели выставить «братву» потерпевшими...

Я всё ещё держал смартфон в руках и очень надеялся, что моя сила защитила приборчик. Экранчик треснул, но сам телефон тем не менее работал, и я проиграл барону запись общения с полицейскими.

– Это возмутительно! – проректор даже ахнул, услышав, как Гаврохин позволял себе общаться с Мариной. – Молодой человек, как вы могли подобное допустить! Я вами очень разочарован!

– Анатолий Борисович, не стоит ругать Кузьму. Он всё сделал правильно! Это я потребовала от него, чтобы он не лез во взрослые разговоры! – выдала вдруг Марина и, почти копируя меня до этого, грудью заслонила от пышущего негодованием аристократа. – Подумайте сами! Что он мог сделать? Избить и этих наглецов? А вы бы позволили своему ученику подобные действия по отношению к органам правопорядка? Бедному мальчику и так пришлось защищать меня от насильников. Я очень испугалась.

– Понимаю, – согласно кивнул проректор. – Что ж, Кузьма...

– Можно просто Кузьма.

– Так вот, Кузьма, приношу свои извинения за мои необдуманные слова и прошу принять мою благодарность! – мужчина вежливо склонил седую голову. – Надеюсь, что вы поймёте, я руководствовался эмоциями!

– Да... ничего страшного, – замялся я, отчего-то смутившись. – Я за Марину Сергеевну всегда...

Лёгкий тычок острым локоточком под рёбра подсказал мне, что не следует болтать лишнего.

– Нет, юноша, так не пойдёт! – покачал головой проректор. – Меня познакомили с вашим прошлым. Поймите, вы уже не сын неизвестного священника из глубинки, а подающий надежды кандидат на имперское дворянство, с огромными шансами в будущем войти в аристократическую среду...

«Ни хрена-то тебя не “ознакомили” с моим прошлым, дядя!» – подумал я, изображая, тем не менее лицом что-то типа особого внимания к его поучениям.

– ...а потому, молодой человек, привыкайте к тому, что люди обязаны отвечать за свои слова делами, – продолжал тем временем он. – Поэтому сделаем так. Во время вашего обучения я буду должен вам одну просьбу. Естественно, в рамках здравого смысла и дозволенного правилами.

– Договорились, – кивнул я. – А с этими что делать? – я указал на валяющиеся тела.

– А ничего. Совсем бандиты, я смотрю, страх потеряли, – мужчина достал ПМК, активировал какую-то пиктограмму, отчего окрестности на секунду залило розовым светом, а народ, уже прильнувший к окнам своих квартир и с интересом наблюдавший бесплатное шоу, брызнул в разные стороны.

Затем он набрал какой-то номер и произнёс в трубку:

– Катенька, я тебе там «об-ил» отправил. Перешли в одиннадцать и пусть пришлют машину, подобрать клиентов во дворе Краснопрудной один. Нет, не сильные... да пусть сами: что, как и кого куда. Угу, по полной программе. И с ними тоже.

Он выключил ПМК, аккуратно убрал его и спросил уже нас:

– На тележке весь ваш багаж?

Я только сейчас обратил внимание на гору совершенно не повреждённых чемоданов Марины, преспокойно переживших магический удар. Стало как-то обидно за свой телефончик.

Мы с Мариной синхронно кивнули.

– Отлично. Тогда, Кузьма, берите телегу, я помогу Марине Сергеевне, – Стоцкий аккуратно подцепил шатенку под локоток, увлекая за собой. – Идите за мной, буквально в ста метрах моя машина. Вот как знал, что надо лично ехать встречать. А с полицией, Марина Сергеевна, – разберутся, не волнуйтесь. Это больше не ваша проблема.

Из тени в проезде между домами медленно вышел старик, на ходу отряхивая запачкавшийся в извёстке рукав. Справившись с пятном, тяжело вздохнул и проводил взглядом спины трёх людей, до тех пор, пока те не скрылись за углом, и более не прячась вышел во двор, совершенно не обращая внимания на только-только начавшую приходить в себя братву и продажных ментов.

«Вот же шакальё распоясалось, – подумал он. – Совсем уже по беспределу работают! Да... при Кобе такого не было!»

Спускать подобного он не собирался, да и за верную старушку «Победу», превращённую в блин нервной девчонкой, кто-то должен был ответить. Из внутреннего кармана потёртого пиджака, казалось заставшего ещё самого «Никиту-Кукурузника», дед выудил вполне современный магофункциональный коммуникатор и, на секунду задумавшись, по памяти набрал чей-то номер.

– Здравствуй Резо. Узнал? Ну, значит, богатым буду под старость лет! Откуда знаю номер? Като, ты б не задавал лишних вопросов, – старик хрипло рассмеялся. – А! Вот так-то лучше. Теперь слышу – узнал, значит, точно буду! Ну, ты мои денюжки-то не считай, всё, что есть – и так моё. Скажи лучше, это ты же Ярославский держишь? Значит, некто Боцман под тобой ходит?

Смартфончик у старика был громким, и было прекрасно слышно, как на той стороне, захлёбываясь воздухом, что-то испуганно лепетал один из самых авторитетных воров в законе, крепко державший в своих руках весь организованный криминалитет в этом районе Москвы. Так что всё ещё лежавший на земле рядом с пожилым человеком полицейский, до этого момента тихо постанывающий, предпочёл притвориться потерявшим сознание.

Выждав пару десятков секунд, старик решительно прервал своего собеседника:

– Резо, да мне всё равно, кто у него бригадир – твои это люди или нет? Вот и ладненько! Что случилось? Да набедокурили тут ребятки... Что? Можешь считать, что да – мальчики твои меня обидели! Нет, что ты – все живы. Резо, я понимаю, тебе за них очень стыдно, но ты же не хочешь, чтобы мы поссорились? Вот и славно! Значит так – ты должен мне машину. Нет, что здесь произошло, они расскажут тебе сами, а я даю ровно час на то, чтобы подогнать мне к Ярославскому новую тачку. Это хорошо, что ты

всё понял.

– Ах да! – старик уже было положил трубку, но вспомнил кое-что важное. – Резо, в зад себе засунь эти все твои лексусы-херексусы и бентли с мерсами! Ты мне «Победу» новую найдёшь. Второй или третьей серии – привык я к ней. Договорились, жду.

И убрав МК, пожилой человек в потёртой, словно сошедшей со страниц хроники о передовиках производства, одежде поковылял в сторону Краснопрудной к ближайшему кафе. Вопросы утрясены, Резо всегда был понятливым старым грузином, так что теперь можно и перекусить.

Глава 8

Привычно проигнорировав лифт и поднявшись на пятый этаж по лестнице, я оказался в небольшом холле с кожаными диванами по периметру и с установленным в центре голограммным проектором, над мягко мерцающей поверхностью которого в воздухе плескались полупрозрачные рыбки. Отсюда в разные стороны расходилось два коридора с одинаковыми массивными дубовыми дверьми, стены между которыми были богато отделаны дорогим тёмно-бежевым бархатом и светло-коричневым деревом.

Следуя объяснениям девицы из администрации, я повернул направо и довольно быстро нашёл выделенную мне пятьсот тридцать седьмую комнату. Возле двери, на небольшом экранчике, забранном в золочёную рамку, светились имена и фамилии жильцов, глянув на которые, я убедился, что не ошибся. А вот будущий сосед вызывал неподдельный интерес, ибо жить с ним мне предстояло целых пять лет. Звали его Андре Ле Жак, и, кажется, я даже где-то слышал об этом роде. Вроде так назывался натурализованный у нас французский магический клан, бежавший в Россию ещё в две тысячи десятом году после поражения сторонников реставрации королевства в трёхсторонней гражданской войне, разыгравшейся на их родине.

Во Франции тогда победили так называемые «бонапартисты». Однако, вместо национального примирения и шага навстречу проигравшим, имперцы решили вопрос кардинально и, во избежание возможных революций и прочего брожения, применили своё излюбленное средство – гильотину. Так что сторонники «Шестой республики» вынуждены были бежать в Северную Америку, паладины Карла Великого или «карлианцы» в основном осели в Землях Германской Нации, а небольшая часть кланов, отколовшаяся от тех и других, просила российского подданства.

В принципе, меня мало волновало происхождение соседа. Национализмом я не страдал, как, впрочем, и чинопочитанием, и прочими извращениями, предпочитая судить других по делам, а не месту рождения, цвету кожи или политическим взглядам. К тому же по жизни я был одиночкой, всё же не с моими залежами скелетов в шкафу заводить приятелей, так что постучался в дверь, прежде чем войти, я скорее от нежелания портить отношения с самого начала, чем от реальной вежливости.

– Да! Положите одежду в приёмник! Я потом заберу, – раздался из комнаты молодой и какой-то бесполой голос, в котором не было и намёка на иностранный акцент.

На пару секунд повисла тишина, видимо, сосед прислушивался к ответу, а затем раздражённо крикнул:

– А если вы не из прачечной – то пойдите прочь! Я же велел меня не беспокоить!

Я скосил глаза на откидную крышку контейнера, вмонтированного в стену справа от двери, и, хмыкнув, провёл карточкой идентификатора личности по прорези считывателя. Замок мелодично тренькнул, громко щёлкнул и на нём загорелся зелёный индикатор.

«Пойдите прочь, значит?» – подумал я, входя в комнату.

Не успел переступить порог, как что-то рыжее метнулось в дверном проёме за коротким тамбуром, в который выходили туалет и душевая. Надо сказать, что если коридор общежития выглядел именно «богато», то сам номер не особо впечатлял. В общем-то простенькая спартанская обстановка с закосом под хай-тек. Этаким дизайнерский выкидыш недавнего выпускника профильного вуза, который после недолгой попойки особо не заморачивался, выполняя первый в своей жизни заказ.

Что удивительно, оформление холла здания, ресепшена, да и коридоров совершенно не сочеталось с отведённой мне комнатой. Если «там» вполне можно было представить себе вальяжно прогуливающих дам и господ из аристократии века этак девятнадцатого с Александром «Наше Всё» Сергеевичем Пушкиным во главе. То «здесь» я мог наблюдать, конечно, не мою каморку в общежитии техникума, но и не императорский люкс. Так, обычный гостиничный номер уровня этак «две звезды», которые видел пару раз на различных профильных сайтах.

Чисто, аккуратно и без излишеств, как говорится, глазу зацепиться не за что. И вот это был ощутимый щелчок мне по носу, чтоб не зазнавался. Почему-то во время поездки я решил, что Федосеев, дабы покрепче привязать к себе, окунёт меня в какую-то неведомую роскошь... и как оказалось, зря. Видимо, Александр Павлович всё-таки знал чувство меры, либо, как вариант, оценивал именно меня не шибко-то высоко.

Я прошёл в комнату. На ближайшие пять лет это был мой дом, а чего-то стесняться я не привык. Скорее наоборот, уже ощущал себя хозяином, пусть и придётся подчиняться многостраничному списку правил. Но как раз это было не страшно. В общежитии техникума тоже имелся строгий устав, и какое-то время я, по наивности, даже пытался ему следовать, пока более опытные товарищи не просветили меня в том, что реально тут действует

всего одно-единственное правило: «Не пойман – не вор!» И вряд ли местное заведение чем-то отличается.

– Кто вы такой! И по какому праву позволяете себе вламываться в мою комнату! – окликнул меня возмущённый голос. Как говорится, занятый осмотром, слона я-то и не приметил. У боковых стен, оставляя середину свободной, были расположены абсолютно идентичные комплекты мебели, состоящие из кровати, тумбочки, шкафа и рабочего стола с интегрированным компьютером, судя по всему, с маджи-интеллектом. И вот у правой нашёлся мой сосед.

Возле не застеленной кровати, поверх которой валялось мокрое полотенце, стоял паренёк примерно моего возраста, в тёмно-синем банном халате, надетом явно на голое тело. У него была необычайно белая кожа, правильные, довольно женственные черты покрытого россыпью веснушек лица и ярко оранжевые, почти алые, топорщащиеся в разные стороны, непослушные волосы. Сухие, что характерно, значит, я застал его перед походом в душ. По крайней мере, только это могло объяснить его вид. Думать, что мне предстоит жить с эксгибиционистом, не хотелось.

Большие, миндалевидные, зелёные, как и у многих рыжих, глаза смотрели на меня со смесью страха, раздражения и ярости. В левой руке он побелевшими пальцами сжимал активированный ПМК с выведенной на экран россыпью иконок.

– Вежливые люди, прежде чем спрашивать чужое имя, представляются сами, – меланхолично ответил я, в то время как сам пытался вспомнить кое-какие правила из устава.

А в частности: что мне грозит, если я сейчас раскатаю этого товарища тонким слоем по полу комнаты, если он вдруг на меня нападёт? Вроде бы выходило, что ничего. Самозащита и всё такое. Вообще дуэли и прочие безобразия в стенах общежития запрещались, для этого была предусмотрена отдельная арена, так что если нападёт, можно бить не задумываясь.

– Вежливые люди не вламываются в чужой дом без приглашения! – слегка визгливо возразил мне парень. – Немедленно выметайтесь отсюда, или я заставлю... я... я позову охрану!

– Вот ещё! Уважаемый, – сбросив сумку на свободную, а потому явно мою кровать, я надвинулся на тут же побледневшего и сделавшего шаг назад «соседа» и остановился за метр от него. – Лично я здесь живу. А вот вас я вижу в первый раз, имени вашего не знаю, а потому могу сделать вывод, что это вы пробрались в «мой» номер, да ещё и в таком виде. Возможно, чтобы скомпрометировать и опозорить меня в глазах

общественности. Поэтому предупреждаю, попытаетесь приблизиться – я вынужден буду вас ударить.

– Но позвольте! О чём вы говорите! – глаза парня округлились. – Это глупо и бессмысленно. Да и быть такого не может. Меня зовут Андре Ле Жак, и это мой, и только мой, номер!

Он быстро отвернулся, подошёл к тумбочке и взял с неё идентификационную карту, демонстрируя её мне. На пластике действительно было выдавлено его имя, номер пятьсот тридцать семь и красовался портрет насупившегося рыжего.

– Ну... приятно познакомиться, – ответил я, показывая свой идентификатор. – Ефимов Кузьма.

– Но этого же не может быть, – словно попугай повторил Андре, тупо пялясь на мою карту, а затем, запахнув поглубже халат и бормоча на ходу, зашагал к выходу из номера. – Но мне же железно обещали, что я буду один! Да что ж такое-то! Это наверняка какая-то ошибка!

Он подошёл к двери, аккуратно приоткрыл её и робко выглянул в коридор. Посмотрел направо, налево и, только убедившись, видимо, что там никого нет, выскользнул из номера, чтобы взглянуть на экран с нашими именами.

«Да какой на хрен “Он”! – понял я, всё это время внимательно наблюдая за движениями соседа. – Это ж баба!»

Ситуация была примерно та же, что и в недавней дуэли с Якушевым. Только в точности до наоборот, потому как «экспертом» в данном случае выступал именно я. Можно обмануть технику, психологические тесты, подделать документы и наврать администрации. А вот моторику, как движения, так и мелкую – от опытного взгляда, да к тому же «воина», не скроешь. Особенно если вообще не умеешь этого делать.

Она – не умела от слова «совсем». Зад французенки так и вилял при ходьбе, причём вполне естественно и произвольно, а не так, как оно бывает, когда представители нетрадиционной ориентации пытаются подражать женской походке, считая, что таким образом те просто соблазняют мужчин. В то время как это вполне нормально для девушек, из-за строения их тазового отдела и более низкого центра тяжести тела, мужчина так двигаться не мог, так как ему постоянно приходилось утрировать покачивание, а потому – скрывай не скрывай, только полный профан в боевых искусствах не заметит разницы.

Да и сторона комнаты рыжей выглядела уже вполне обжитой и мало чем отличалась от комнаты моей сестры Ани. Сейчас все эти мелочи прямо бросились в глаза. Какой-то бесформенный медвежонок на кровати, стол

весь заставлен различными гелями, мазями и прочими баночками с девчачьими снадобьями. На тумбочке – сложенное, но не убранное зеркальце, в выдвинутом ящичке видна косметичка, а книжные полки пестрят корешками любовных фэнтезийных романов. Да – хреновая из неё конспираторша.

Вернулась она хмурой и недовольной.

– Это явно какая-то ошибка, – в который раз повторила рыжая, хмуро глядя на меня.

– В чём же? – в притворном изумлении я изогнул бровь. – Номер двухместный, вот к вам, господин Ле Жак, и подселили меня.

– Вы не понимаете, – она очень стереотипно закусил нижнюю губу. – Я заранее договаривался на то, что буду жить здесь один. Я... я социофоб! С детства не могу долго находиться в одной комнате с чужим человеком! Я просто не смогу заснуть!

В общем-то для девушки рыжая не была такой уж красавицей. Ей было далеко и до той же Марины, и федосеевской дочки с её подругой. С другой стороны, и уродиной назвать её было трудно, просто лицо у неё казалось каким-то угловатым, да нос немного грубоват, что выдавало французские корни. Так что без макияжа я мог назвать её миловидной – не более.

– Так, – решил я заканчивать цирк и посерьёзnel. – Андре, давайте начистоту.

– Что? – она уставилась на меня.

– Корнет, вы, женщина?

– Я не «корнет»! – автоматически ответила она. – Я маг, Аколит.

– Ай-яй-яй, – покачал я головой. – Стыдно жить в России и не знать классику! Итак, я жду ответа на свой вопрос. Андре, вы – женщина?

До неё дошло. Она слегка отшатнулась, покраснела и дрожащим голосом пропищала:

– Да нет же! Как вы могли такое подумать! Я мужик! Хотите я... я покажу вам свой... свой ч... чле... член! – последнее слово деваха выдавила из себя через силу, едва прошептав целиком, и тут же отвернулась, скрывая наливающееся краснотой лицо.

Ну, так не ответит ни один нормальный парень. Так что всё было предельно понятно, за исключением того: что делает девица из аристократического рода в мужском общежитии. Это же, как мне казалось, тот ещё позор для семьи. И вопроса номер два: что мне с ней делать?

– Сдался мне ваш перец! – ответил я и увидел, как она с облегчением выдохнула. – Предлагаю вот что. Если уж у вас такие проблемы, то давайте

сходим в администрацию и уладим этот вопрос. Я вовсе не против, если меня куда-нибудь переселят.

Да, я решил поработать джентльменом на полставки. Во-первых – на фигу мне была такая радость, ведь с девчонкой даже не поговоришь по душам, а во-вторых – мы уже взрослые люди, и как у неё, так и у меня могли внезапно organizоваться определённые потребности... Да и мало ли ещё что. В общем, мне тупо не хотелось усложнять себе жизнь и делить комнату с рыжей.

– Я сейчас не могу... – как-то совсем уж безрадостно ответила она. – У меня форма в чистке.

– Оденьтесь в гражданское, – посоветовал я.

– Ну... повседневная одежда там же.

– Как же так получилось? – я удивлённо посмотрел на неё.

– Упал. Да, я упал, – заметив зеркало на тумбочке и выглядывающую из ящика косметичку, она метнулась к изголовью кровати и принялась суетливо прятать улики.

– Что? Задирают? – выдвинув стул, я развернул его спинкой вперёд и плюхнулся, сложив руки на спинке. – Расскажите... мне же всё-таки здесь учиться.

– А? – она быстро глянула на меня и, вновь вздохнув, сама аккуратно опустилась на кровать, сведя колени, затем посмотрела, как я сижу, и постаралась скопировать мою позу, но так чтобы не раздвигать ноги и не распахивать полы.

Получилась странная раскоряка, потому девушка, потупившись и покраснев, вернулась в исходное положение. Она, похоже, прекрасно понимала, что меня ей обмануть не удалось, а я, продолжая играть «джентльмена», старательно делая вид, что совершенно не интересуется, что там у неё под халатиком.

– Да ничего такого, – ответила она, наконец. – Обычные мужские тёрки. Я сам разберусь!

«Ну да, – подумалось мне, – ты сильная и независимая!»

– А поконкретнее, – совершенно серьёзно, стараясь не улыбаться, спросил я. – Ты же понимаешь, я здесь новичок, порядков местных не знаю. А ведь мне ещё учиться...

– Да там всё сложно, – девушка вздохнула с какой-то глубинной тоской. – Понимаете, большинство учеников первого курса находятся здесь с начала лета. Сдавали экзамены, проходили тестирование и прочее. А я приехал только пару недель назад, поступив заочно. Но компании уже сложились, вот я и не вписался.

– Так что? Даже в этом супераристократическом колледже есть свои хулиганы? Мне казалось, что элита должна на цыпочках друг перед другом ходить и постоянно расшаркиваться, боясь уронить честь рода.

– А вы что? Из простонародья? – она заинтересованно посмотрела на меня.

– С определённой стороны можно и так сказать, – я откинулся, задумавшись над тем, стоит ли скрывать то, кем мне приходится старый хрыч, или всё же не стоит светить подобное сомнительное родство. С одной стороны, старик всё же мог принести мне определённые преференции. А с другой – так не хотелось связывать себя с его именем, пусть даже когда-нибудь правда всё равно всплывёт на поверхность. Так что я решил эту информации пока придержать, а дальше посмотрим.

– Из религиозного сословия, а официально от рода Федосеевых. Слышали о таком?

– Конечно, слышал, – утвердительно кивнула рыжая и как-то погрузтелась. – Здесь всякого народа хватает. Кто-то следует правилам, а кто-то нет. Честь рода стараются не задевать, но вы же, наверное, знаете, что то, что происходит в колледжах, не принято переносить в большую жизнь.

– В смысле? – вот этого я уже не понимал. – То есть, если здесь кого-то постоянно чмырить, то в будущем это никак не скажется?

– Фактически да, – обрусевшая француженка вздохнула и, уперев руки в край кровати, протащила свою попу по одеялу, так, чтобы откинуться спиной на стену. – Огромный позор в большой политике мстить за то, что происходило в юности. Вы, кстати, знаете, что нынешний канцлер и его старший советник во время учёбы были как кошка с собакой? Но когда Леонид Матвеевич вошёл в должность, он первым делом приблизил к себе того, кто не давал ему жизни в колледже. И так чуть ли не повсеместно.

– А может быть, тут работает принцип: «Держи друзей близко, а врагов ещё ближе?»

– Нет... – улыбнулась она. – Деловые качества и ничего больше. Они, кстати, уже сосватали друг за друга своих наследников. Просто для высшей среды колледжи это... это как... ну как орёл, выталкивает своего птенца из гнезда, чтобы тот научился летать. Есть те, кто ломается в этой среде, а есть и те, кто, взлетев – парит.

– Странно как-то, – удивился я, – неужели какой-нибудь отец, да ещё с такими возможностями, будет терпеть, что его ребёнка обижают хулиганы? Я бы...

– А что вы бы? – рыжая удивлённо вскинула бровь. – Устроили

родовую войну? Ну да, бывали такие случаи, ничем хорошим для инициаторов они не заканчивались. Имперская Канцелярия не дремлет. Если бы вы хотели вырастить своего ребёнка в тепличной среде, так чтобы его никто не обижал – зачем отдавали в Имперский колледж?

– Всё равно не понимаю, – я действительно путался в этой логике, потому как привык к тому, что публично аристократия ведёт себя не так лояльно.

– Это в вас говорит отсутствие опыта. Позже вам всё станет ясно, – девушка соскользнула со своей кровати и подошла к окну. – А вам, кстати, говорили, что на время обучения мы все равны и в равной мере дети самого Императора. И только он несёт за нас всю полноту ответственности.

– Нет.

– Слава Деве Марии. Не верьте в это. Есть куда как ровнее нас, но по принятым тут правилам всё довольно просто. Мы, – она подчеркнула это слово, – мужчины, должны помнить только, что нельзя убивать без очень веских причин вне дуэли, а также насиловать. Вот и всё. В остальном мы свободны падать из гнезда так, как нам нравится.

– А не «мы»? – задал я очередной вопрос, и «сосед» на какое-то время зависла, глядя в окно на какую-то точку во дворе.

– У девушек свои, куда как более жёсткие, правила, – ответила наконец она, словно бы и не мне.

– Понятно, – я встал и, подойдя к рыжей, проследил за ее взглядом.

Там рядом с фонтаном, установленным между женским и мужским общежитиями, тусовалась группа парней и несколько девчонок, среди которых я узнал и дочь Федосеева. Они что-то пили и весело смеялись, а моя соседка смотрела на эту компанию, словно хомяк на поймавшего его удава.

– Они? – спросил я, видя, как высокий плечистый парень положил руку на задницу Федосеевой-младшей, а та, взвизгнув, в свою очередь засандалила ему пощёчину.

Парня это ничуть не смутило, и он продолжил своей лапищей мацать нижнее полушарие девушки. Она попыталась вырваться, что-то возмущённо ему говоря, а её подруга достала ПМК, но её запястье тут же перехватила какая-то блондинка и что-то зашептала на ухо.

– Ну да. А что это меняет, – грустно сказала рыжая, которая, похоже, не знала моих поднадзорных в лицо. – Там заправляет четвёрка. Фактически они местные неофициальные короли. А пойдёшь жаловаться – так и на дуэль вызвать могут. А там и убить, на вполне законных основаниях, якобы отстаивая свою честь.

– А кто он? – я открыл окно.
– Сын барона Ромушева...
– Лаборатория Ромушева? Эм-ай – технологии?
– Его самого. Против него у... Эй, вы что делаете! – закричала она, но я уже выпрыгнул в окно.

Странные здесь правила, странный маленький, замкнутый мир странных маленьких аристократов. А я ведь действительно думал, что здесь школа чуть ли не балльных танцев. С поклонами и книксенами по поводу и без. Получается, что не зря Федосеев просил «присмотреть» за его девочками. Да и соседка хоть и со своими тараканами, а всё равно обижать её не стоило.

Подойдя к фонтану, я грубо оттолкнул преграждающего мне дорогу парня и, не миндальничая, снял руку Ромушева с задницы Федосеевой. Светленькая, Юля, кажется, уставилась на меня, словно на привидение, а потом, видимо узнав, взвизгнув, вырвала руку у держащей её девушки и спряталась у меня за спиной.

– Что за? – воскликнул парень, силясь вырваться из моего захвата. – Ты ещё кто такой?

– Пойдём-ка поговорим, – отпустив руку, я перехватил его за шиворот и потянул прочь от фонтана, за женское общежитие.

Возможно, парень ещё мог бы немного побрыкаться, но я сегодня был не в настроении. Все эти приключения, начиная с вокзала, потом непонятный сосед и, как вишенка на торте, урод, нагло лапающий моих подопечных на глазах у всех, довели меня до точки, так что церемониться я не собирался. А потому быстрым движением ткнул его под печень большим пальцем, а после выхватил из мгновенно ослабевшей руки ПМК, который успел достать охальник. После этого обмякшего сынка Ромушева можно было тягать как мешок картошки.

Его компания потянулась за нами, оставив федосеевскую дочку с подругой около фонтана, словно позабытые игрушки. Кое-кто достал ПМК, видимо, на всякий случай, остальные не посчитали нужным, однако и те, и другие пока что только с интересом наблюдали за происходящим.

Тягать парня на окраину кампуса я не стал. Далековато, да и бесполезно. Если внушение не пройдёт здесь, то и лишние пару километров, которые я протащу его до окраины студенческого городка – дела не сделают. Так что ограничился задником девчачьей общаги, об который и приложил спиной парня, нисколько не переживая за последствия. Если уж у этих аристократов заведено, что всё, что здесь творится, не выходит за пределы Ильинского, то сдерживаться следовало

только от непосредственно убийства молодого дегенерата.

К тому же если он действительно Ауктор, ничего с ним не случится, даже несмотря на то, что маги гораздо хлипче воинов. Строение ощутило содрогнулось, но Ромушев оказался крепким парнем, да и подтвердил своё четвёртый уровень, быстро оправившись от слабости, вызванной моим ударом, и даже сумел без ПМК скастовать что-то из защитной вязи.

– Парни, вы побыстрее, а то после такого Дарья Иванна в гости пожаловать может, – прокомментировал кто-то из группы поддержки, оглядываясь на общежитие и на неглубокую вмятину, которую я оставил телом молодого графа.

Судя по медному цвету галстуков, все присутствующие были первогодками. Похоже, то ли Ромушев на самом деле не был авторитетом в этой компании, то ли в среде аристократов вообще всем было на всех плевать. Из разряда, пришёл крутой парень, наваял бывшему крутому – ну, да и ладно.

Я ещё раз приложил юного баронета о стену, так что на этот раз он охнул, а из окон начали выглядывать заинтересованные и немного встревоженные мордашки первокурсниц.

– Ты кто... су.... – прохрипел он.

– Кузьма Ефимов. Запомни.

– Уж поверь... – он что-то ещё хотел сказать, но я перебил его:

– Девчонку, которую ты лапал, – забудь. Даже не смотри в её сторону.

Понял?

– Пшёл ты... – Здание содрогнулось в третий раз.

– Дарьяновна идёт! – крикнул кто-то.

– И её подругу – тоже не трогай, – я всё ещё не отпускал парня, хотя народ вокруг нас брызнул в разные стороны.

– И последнее. У меня есть сосед по комнате. Француз. Зовут Андре. Ле Жак. Так вот, если я ещё раз узнаю, что ты педр... картонная к пареньку домогался...

– Пусти, скотина!

– Ты меня понял?

– Да! – выкрикнул он, извиваясь всем телом, не в силах вырваться из моего захвата.

Вокруг нас уже давно никого не было. Народ разбежался, в общем-то, следовало уходить и нам, вот только я не был уверен, что парень понял меня правильно, однако времени на выяснение данного факта уже не оставалось.

Схватив свою жертву покрепче, я чуть подсел и подпрыгнул, успев,

пролетая мимо одного из окон на седьмом этаже, подмигнуть столпившимся там девчонкам. Не знаю – увидели они меня или нет, но настроение слегка поднялось. Не монах же я всё-таки. Надо будет провентилировать вопрос о «погулять под луной», раз уж тут позволяют себе различные вольности.

Залетев на плоскую крышу, я сразу же отшвырнул от себя вырывающегося парня и аккуратно выглянул за бортик. Тяжёлое, разъярённое сипение за спиной подсказало, что тот довольно быстро поднялся на ноги и приближается ко мне. Однако, на удивление, атаковать баронский сын не стал. Я даже удивился, когда он, хрипло дыша, упал на колени рядом со мной и выглянул за ограждение.

– Ты напал неожиданно, – тихо прохрипел он, в то время как мы наблюдали за фигуркой толстой пожилой женщины, вперевалочку неспешно огибавшей угол. – Я был не готов к атаке со спины.

– Добро пожаловать в реальный мир, – безразлично ответил я, глядя, как она всплеснула руками, увидев след в стене от спины Ромушева. – Разбитые розовые очки и детские мечты к возврату и обмену не принимаются.

– Если бы не подлый удар в печень, я бы тебе навалил! – к баронету возвращалась уверенность в себе. – Отдай мой компилятор!

– Если бы да кабы, во рту росли грибы, – я проигнорировал требование, продолжая разглядывать женщину. – И почему все так боятся эту Дарью Ивановну? Обычная бабка, вон по деревьям их тысячи.

– Да не боятся её, – отмахнулся парень. – Попадаться не хотят. Расстраивать жалко, человек хороший, а главное пугало тут это Ольга Васильевна – её начальница.

– Даже так, – меньше всего у детишек аристократов я ожидал подобной щепетильности по отношению к не одарённой пожилой женщине.

– Эй, ты слышал, что я сказал? Верни...

– Да мне по... – я выдохнул, повернувшись и глядя прямо в глаза. – До тебя-то самого месседж дошёл? Или повторить?

– Борзый ты не по статусу, – фыркнул наследник информационно-магической империи. – Короче, так, Ефимов. Не знаю, кто ты и откуда, но я тебя на дуэль вызываю. На официалочку, по крайним правилам. И поверь мне – живым ты с арены не уйдёшь.

– Слушай, вот скажи, и что мне помешает прямо сейчас тебя грохнуть?

– Я!

Мы обернулись и уставились на разъярённую и красивую в своём

гневе Марину, которая стояла у нас за спинами, расставив ноги на ширину плеч и уперев кулачки в бёдра.

И как подкралась только!

– Марин... ты здесь откуда? – удивлённо спросил я. – А мы вот плюшками балуемся...

– Я тебе дам плюшки! Я тебе, Кузьма, такие плюшки устрою! В первый же день меня позоришь!

– Это что ещё за цыпа... – баронет, похоже, так и не понял полученного урока.

– А ты, я так понимаю, Ромушев? – глаза девушки вдруг блеснули золотом, чего раньше я за ней не замечал. – Значит так! Ты свой вызов кинул – я его подтверждаю. Дуэль состоится завтра. А сейчас, чтобы через пол секунды тебя на этой крыше не было! Кузьма, отдай ему ПМК.

– Понял, госпожа учительница! – рявкнул парень, разом вытянувшись в струнку. – Благодарю! Уже ушёл.

– И не через общагу, – предупредила его Маринка, сверля меня сердитым взглядом золотых глаз. – У тебя атрибут воздух, так что прыгай с крыши. И не перед Дарьей Ивановной, а то совсем замучаете бедную женщину.

– Будет сделано, госпожа воспитательница! – Ромушев поклонился и, взяв быстрый разбег, сиганул в сторону мужского общежития, на лету нажимая на какую-то пиктограмму на экране возвращённого мной устройства.

И вместо того, чтобы стремительным домкратом рухнуть на землю, вдруг, раскинув руки, лёг на воздух, начав планировать, словно какой-нибудь орёл.

– А ты... ты! – подождав пока воздухоплаватель скроется за зданием, девушка посмотрела на меня, а затем вдруг села рядом и разревелась. – Дурак. Какой же ты дурак, Кузя.

– Марин, ты чего?

Какое-то время она не могла говорить, только плакала, а затем и вовсе уткнулась лицом мне в плечо, всхлипывая и заливая слезами футболку. Прошло пару минут, пока она глубоко вздохнула и отстранилась. Глаза у девушки уже были обычного серого цвета.

– Что случилось-то? – переспросил я, не понимая причины подобных эмоций.

– Я ж тебя, дурака, спасти бросилась. Как увидела, что ты из окна выпрыгнул и к этой компании направился... – она снова всхлипнула. – Ты с кем, идиота кусок, связался? Это же сын барона Ромушева! Мало того что

он тебя в бараний рог свернёт! Он ещё и жених Катин. Думаешь, почему я сама не вмешалась? А этим засранкам я всё же устрою сладкую жизнь. Дуры малолетние, всё мало им приключений!

– Тише, тише, – я похлопал её по плечу. – Ты чего? Невеста не жена. Это не повод её за задницу при всём честном народе лапать.

– Дурак, – ещё раз расстроено выдохнула она. – Он же тебе дуэль объявил. Официальную и по крайним правилам. Он Ауктор и очень сильный маг, понимаешь, а ты всего Есаул, да и то «дикарь»!

– Слажу как-нибудь! – я успокаивающе погладил её по плечу. – А то, что я воин «тройка», так это не повод бегать от всяких уродов.

– Ты – мой первый ученик, голова твоя дубовая. Да к тому же к нашему роду отношение имеешь...

– Есть такое дело.

– Да что ты заладил! – взорвалась она. – Я же видела, что ты сделал! Ты хороший, честный мальчик, я не хочу, чтобы ты просто так погиб на глупой дуэли! Это даже не дуэль, а убийство будет!

– Марин. Ты лучше скажи, как вдруг на крыше оказалась? – видя состояние девушки, я постарался перевести тему.

– Слевитировала, – ответила она, вставая и отряхивая юбку. – Я же теперь официально учительница в этом колледже. Пока я нахожусь на его территории, я много чего могу.

– И светящиеся глаза это...

– Это побочный эффект, – отмахнулась девушка, вытирая дорожки слёз и доставая из кармана маленькую косметичку. – Это же не моя сила, а ректора, я её просто заимствую, как и остальные учителя. Ведь с вами, лоботрясами, по-другому нельзя. Вы по-иному не понимаете.

– А кто тут главный?

– Герцог Сафронов. Аватара аспекта Метамагии. Правда, он здесь редко появляется, но позволяет нам пользоваться частичкой его силы.

– И что, вы все как седьмой уровень? – удивился я.

– Нет. Ну что ты такое говоришь? Учителя колледжей всего лишь имеют некоторые дополнительные возможности, даруемые на время их работы. Да и вообще – о чём ты думаешь! Нам нужно срочно извиниться. Я немедленно свяжусь с Александром Павловичем, и мы постараемся уладить этот инцидент.

– Да с чего бы это вдруг, – нахмурился я. – И разве дела студентов не остаются в пределах колледжа?

– Кузя, – Марина снова была готова расплакаться, – да кто ж тебе такую романтическую чушь рассказал? Нет, конечно! Да и какая разница –

если завтра тебя просто убьют!

– Так, стоп, – мне всё это откровенно надоело. – Извиняться мы не будем.

Юная учительница застыла столбом, выронив косметичку. Та, ударившись об плитку, которой была покрыта крыша, хрустнула и развалилась, рассыпав содержимое.

– Марина, – встав на ноги, я взял её за плечи. – Да послушай ты меня. Вот скажи, этот Ромушев имел право лапать Катю, словно девицу с пониженной социальной ответственностью?

– Нет, – всхлипнула она. – Он, конечно, Катенькин жених, но договора ещё не было, пока всё в стадии обсуждения. Да и даже если бы был, это просто хамство.

– Вот. А Александр Павлович просил меня присматривать за дочкой, – я как мог ободряюще улыбнулся. – Значит, всё будет хорошо.

– Ох, Кузя, Кузя. Ничего-то ты ещё в этой жизни не понимаешь, – выдохнула Марина, отстраняясь, посмотрела на свою разбитую косметичку и, отвернувшись, пошла, медленно переставляя ноги к надстройке с лестницей.

Я же остался стоять на крыше, чувствуя, как у меня начинает болеть голова от всего происходящего. Никогда бы не подумал, что у меня вдруг возникнет навязчивое желание послать всех на три буквы и заявить – что я вот такой красивый, не кто иной, как наследник самого старого хрыча. Показать, какой я сильный, и тем самым встряхнуть всё это аристократическое болото. Может быть, завтра просто взять и аннигилировать на хрен этого дуэлянта-любителя. А если за него встрянет папочка – и его тоже?

Глава 9

В номер я вернулся нормально. Своими ножками, не выпендриваясь, как Ромушев, и не сигая с крыши на крышу. Просто спрыгнул в кусты под окнами бокового фасада, отряхнулся, вышел на дорожку, ведущую к центральной площади с фонтаном, и зашагал в свою общагу. Вахтёр на входе, жилистый старичок в форме, встретил меня широкой улыбкой и подмигнул, кивнув в сторону женского корпуса, когда я прошёл сквозь вращающиеся двери.

– А ты молоток! – он показал сжатый кулак, подняв его вверх. – Не бойсь, если чего, я тебя прикрою.

– А что так? – поинтересовался я, подходя к его окошку.

– Мы, охрана, правильных пацанов не бросаем, – ответил он и посерьёзnel. – Ты доказал, что нормальный, вступился за девчонку. Но если мой объект повредишь – получишь по полной программе.

– Понял, – смысла отмазываться я не видел.

Из окошка вахтёрской был прекрасный вид на фонтан, и он не мог не заметить того, как я волок Ромушева за девичью общагу. А для чего, догадаться было не сложно.

Когда я вернулся, рыжей в комнате не оказалось. Однако в ванной шумела вода, а на замке горел красный индикатор. Присев на стул, я какое-то время бездумно пялился в стену, а затем, встряхнувшись, прикоснулся к нанесённой прямо на поверхность столешницы метке активатора маджи-компа. Тот мелодично тренькнул, и передо мной появился объёмный куб экрана. Технологическая голограмма вроде рыбок в холле этажа, функционирующая при помощи стандартного заклятия. Однако у меня было маловато опыта работы с таким экраном, ведь для этого нужно было быть магом или использовать особый контролёр, поэтому я, не колеблясь, ткнул в пиктограмму, меняя тот на плоскую проекцию на стене.

На машинке была установлена оперативная система «Каскад-35», самая последняя в этом популярном даже за пределами страны, отечественном клоне американской линейки Windows. Ей можно было управлять мыслекомандами, положив руку на специальный сенсор и выпуская в него «лепесток» силы, однако это было доступно только магам, а я сторонился всего связанного с ними. Хотя вряд ли администрация не позаботилась о других студентах, и недолгие поиски увенчались найденной пассивной четырёхкнопочной мышью и тридэ-падом для объёмного

экрана. Уверенно взяв первую, я ткнул курсором в иконку входа в систему.

«Для активации, следуя инструкциям, поместите удостоверение ученика на соответствующую позицию».

Картинки ниже показывали, куда именно следует положить выданный мне идентификатор. Найдя нужную разметку, я оставил там карту, и она тут же заглубилась в столешницу.

«Здравствуйте, Кузьма Ефимов. У вас четыре новых письма!»

Первое было от мамы, а второе от Аньки. Третье оказалось стандартной рассылкой-приветствием от администрации колледжа, в котором сообщалось, какие административные здания мне нужно ещё посетить. Последнее уведомляло меня об официально зарегистрированном вызове на дуэль от баронета Ромушева, сообщало о разнице в наших классах, статусах и предлагало на выбор несколько кнопок с окончательным вариантом ответа.

Чуть ниже ответственный юрист кампуса, назначенный мне, как принявшему вызов, составил подробную справку о том, как я могу отказаться от поединка без потери лица. Приводился детальный и положительный для меня разбор произошедшего с камер наружного наблюдения, установленных на фасадах общаг, и заверения в том, что с вероятностью в семьдесят шесть процентов студенческий суд чести признает меня потерпевшим, а вызов на дуэль – нарушением со стороны подавшего.

Пробежавшись по диагонали по довольно объёмному тексту и подивившись скорости, с которой отреагировала на произошедшее администрация колледжа, я кликнул на «Принять вызов». Наставник всегда говорил, что наглых людей – нужно наказывать. И тем более перед самой смертью велел мне никогда не отворачиваться от трудностей. Вот пусть Федосеев, который знал, что я ученик Варяга, потом кусает себе локти из-за того, что попросил «присмотреть» за девочками и не предупредил о наличии такого «выгодного» женишка у дочурки.

В своём письме мама спрашивала, нормально ли я доехал, как устроился и не обижает ли кто меня. Если так волнуется, могла бы и позвонить. Занятий ещё нет, так что сразу взял трубку. Быстро накатав ответ, в котором уверил родительницу, что у меня всё замечательно, отправил его на мамину электронную почту.

Анино письмо пусть и было огромным, сводилось к одному: «Хоть мы друг друга не любим, но я тоже одарённая и твоя сестра, и тоже хочу учиться! Так что постарайся, чтобы и я поступила туда же. И да – я теперь знаю, что ты для нас делал, прости меня, пожалуйста!»

Кое в чём она была не права – я любил свою сестрёнку, и даже неделю назад, когда сам не мечтал попасть в элитный колледж, готов был сделать ради неё всё что угодно. А значит, пусть готовится, о чём ей тут же и написал, всё же уровень образования тут будет повыше, чем в сибирском райцентре. Не хотелось, чтобы Аня ударила в грязь лицом. А я в лепёшку расшибусь, но она сюда поступит.

Оставалось приветствие от администрации, и только я начал его читать, как из ванной вышла рыжая, уже одетая в мужскую форму колледжа.

– Кто ты такой?! – с ходу набросилась она на меня, совсем забыв про вежливое обращение на «вы».

– Твой сосед!

– Ранг?!

– Есаул...

– Не ври! – Зелёные глаза, глядя на меня, горели почти безумным огнём.

– Корнет, вы...

– Да! Я женщина! А ты!

– А я – нет, – честно ответил я, но она не отстала, наоборот, схватила меня за плечи и начала трясти.

– Я... хочу... знать! Какой твой настоящий ранг!

– Хоти! – лёгким движением руки я усадил её себе на колени, и Андре, взвизгнув, сжалась, словно испуганный хомячок. – Значит так. Сейчас мы вместе пойдём в администрацию общежития и попросим переселить меня. Я всё забуду – обещаю. Поняла?

– Пусти!

– Вот ещё!

– Ответь мне!

– Я уже сказал – Есаул.

– Я не верю! – рыжая забарахталась, но вырваться из моих объятий она не могла.

– По вопросам «веры» следует обращаться к моему папеньке. Я тут не помощник.

– Значит, ты самоубийца! – констатировала она, переставая барахтаться, а как только я её отпустил, вскочила, и я тут же схлопотал звонкую пощёчину. – У-й-й-й-й! Зараза!

Девушка затрясла отбитой ладошкой и хмуро посмотрела на меня.

– Ты это специально?

– Прости, – абсолютно искренне извинился я, потому как не хотел

делать ей больно, правда, и сам не горел особым желанием ходить со следом ладони на морде. – Это я инстинктивно...

– А говоришь третий уровень! – слегка надувшись, рыжая подошла к своему столу и, выдвинув стул, села на него. – Ха! Более нелепого вранья я в жизни не слышала.

– А мне вот тут рассказывали об одной рыжей девице, которая оккупировала комнату в мужском общежитии...

– Ладно, ладно: один-один, – остановила она меня. – Не хочешь говорить – не надо. Здесь у всех есть свои маленькие тайны, вот только я в упор не понимаю, зачем кому-то может понадобиться занижать свой реальный уровень.

– Да почему ты решила, что я его занижаю? – мне действительно стало интересно.

Воином девчонка не была, так что раскусить меня по моторике движений явно не могла. А больше ничего эдакого я не показывал. Ну, потрясли мы немного соседнее здание – что тут такого? На это вполне способна и троечка, если, конечно, как следует поднатужиться. А спрыгнуть с пятого этажа и не свернуть себе шею даже двойка вполне в состоянии. А вот сигануть с земли на крышу девятиэтажки, а потом и оттуда – это вряд ли, вот только не могла рыжая видеть, как я проделал подобные фокусы.

– Я же тебе прямым языком сказала, что Ромушев – Ауктор! Четвёртый ранг, в его-то возрасте! Пусть ещё и не квалифицированный. Даже полные идиоты в самом дальнем медвежьем углу знают, что связываться с магами такого уровня – не особо изощрённый способ самоубийства. А ты не просто на него попёр, словно кабан, и за шкуру как котёнка оттащил прямо при куче народа, а ещё и вернулся невредимым. И что я должна была подумать? Что ты мне говоришь правду, и ты действительно Есаул? Да не в жизнь!

– А может быть, я везучий?

– Ага, – презрительно фыркнула Андре. – Да он бы тебя за подобное прилюдное унижение тонким слоем по кампусу раскатал. Потом собрал бы и повторил ещё пару раз.

– Если бы мог, – усмехнулся я, доставая из кармана ПМК рыжей и вертя его в пальцах, покосился на ахнувшую и принявшуюся охлопывать свой пиджак себя девушку. – То обязательно, и два раза.

А компиляторик-то у Андре был самый что ни на есть обычный. Ровненькая Sony Gela, старенькая, дешёвая, но надёжная машинка японского производства. Такой вполне можно было легко представить в

руках безродного неопита, но никак не у наследницы не бедствующего магического рода.

– Отдай, – девушка вскочила на ноги и, сурово сверкая своими зелёными глазищами, требовательно протянула ко мне руку.

– Ты наклейку-то отдери, – посоветовал я, возвращая ей девайс. – А то палишься по мелочам.

– А что не так-то? – буркнула она, выхватывая у меня приборчик.

– Ну, ты головой-то подумай, – вздохнул я. – Какой парень будет клеить на свой ПМК наклейки с Hello Kitty? То, что он розовый, это ещё ладно... всякие у людей вкусы встречаются. Но вот кошачьи мордочки....

– А... Ой, – она уставилась на крышечку и как-то жалостливо посмотрела на меня. – Но ведь жалко же...

– Жалко у пчёлки в...! Хотя тебе не стоит это знать. Купи себе глухой чёрный чехольчик и надень на девайс. На розовую лицевую окантовку никто внимания не обратит. А ремешок поменять не проблема.

– Хорошо. Спасибо... – проговорила она, убирая ПМК обратно в карман, а затем, подумав, открыла шкаф и, порывшись в большой спортивной сумке с лицом анимешного персонажа на боку, вытащила белый поясной футляр. – Отвернись...

Пожав плечами, я выполнил её просьбу.

– То есть ты у него компиль украл? – спросила она, убирая свой ПМК. – И он тебе ничего не смог сделать?

– Не «украл», а «конфисковал». Этот Ромушев ни разу не ведун, чтобы без него кастовать. А я – предохранялся. Я за безопасный се... – не договорив, я вовремя прикусил язык.

Просто вспомнил, что разговариваю не с парнем, а с девушкой, и не ясно, как она отнесётся к шуточкам на подобную тему. Вполне может неправильно понять или вообще подумать, дескать, я на что-то намекаю. А мне лишних недоразумений не нужно.

– И он так это стерпел? – казалось, рыжая не заметила моей оговорки. – Просто проглотил и никак не отреагировал?

– Ну, почему «никак»? Он вызвал меня на дуэль, по каким-то там крайним правилам, – я кивнул в сторону монитора и открыл соответствующее письмо. – Я согласился.

– Ты! Ты что сделал? – ахнула она и, подойдя к моему рабочему столу, вчиталась в текст сообщения. – Ты подтвердил согласие на вызов? И отказался от помощи юриста? Тебе же такой шанс предлагали... Ты точно самоубийца! Нет, я, конечно, всё понимаю, честь там и всё такое, но нельзя же так вот... О чём ты только думал?

– Прорвусь как-нибудь, – отмахнулся я. – Ладно, ты готова? Тогда пошли в администрацию с комнатами разбираться?

– Вот ещё. Зачем? – она посмотрела на меня как на идиота. – Тебя, дурака, если ты действительно всего лишь Есаул, завтра на дуэли убьют, и комната опять станет моей и только моей. Так зачем лишний раз ноги топтать?

– Ага – раскатала губу. Будет день и будет пища, – фыркнул я. – Не спеши меня хоронить. И вообще – с делами следует разбираться по мере поступления!

– Как знаешь, – ответила она и поплелась в сторону двери, нарочито медленно двигая ногами. – Но это – откровенное насилие над логикой и организмом. Я бы лучше погулять сходила.

«Вот же ленивая задница!» – подумалось мне, в то время как, вышагивая следом, наблюдал за тем, как покачивается её соответствующая нижняя часть тела.

* * *

В администрации нас ждал облом. Сидевшая за столом девушка, хмыкнув, выслушала сбивчивые объяснения Андре и, улыбнувшись, вежливо послала нас куда подальше. Свободных номеров в общежитии не оказалось, все либо уже имели постояльцев, либо были зарезервированы на господ аристократов, которые по каким-либо причинам не смогли приехать к церемонии открытия. Оказалось, что меня, благодаря личной просьбе проректора по научной части, можно сказать, запихнули, как дополнительную селёдку в и так уже переполненную бочку.

Кто-то там по какой-то причине куда-то не поехал, чего-то не смог и как-то не так поступил, и в результате в первый семестр обучения вынужден был заниматься факультативно на дому, но тем не менее значился во всех документах. Именно его место, видимо, и выделили по просьбе «социофобной» Андре для её успокоения в «соседи», когда она заселялась. А так как подобные пожелания в документы занести невозможно, когда встал вопрос о месте моего проживания – о проблемах рыжего паренька даже не вспомнили. Как-никак, а прошёл уже месяц с тех пор, как девушка проживала в номере пятьсот тридцать семь, и всё понимающие взрослые сотрудники администрации, работавшие здесь в течение лета, успели смениться на третьекурсников.

Последний факт меня удивил, ведь я как-то вначале даже не обратил

внимания на то, что сидящая передо мной девушка подозрительно молодо выглядит. Да ещё и одета в стандартную студенческую форму.

Когда мы с резко побледневшей и спавшей с лица рыжей, от чего её и без того очень светлая кожа стала практически белой, собрались было выйти из зала административного центра общежития, меня окликнул молодой человек, появившийся из комнаты, отгороженной от основного помещения стеклянной перегородкой.

– Простите. А вы случайно не Ефимов, Кузьма Васильевич?

– Да, это я.

– Очень хорошо, а то я собирался уже звонить к вам в номер.

– Простите, а что такое? У меня какие-то проблемы?

– Нет-нет. Что вы. Я просто хотел узнать, получили ли вы уже свою форму, учебные пособия и ваше оружие?

– Нет, – я отрицательно покачал головой. – Форма-то ладно, но оружие? Да я даже не знал, что оно мне положено.

– Вас не ознакомили с уставом колледжа? – нахмурился парень. – Все, что выдаётся студенту, изложено в приложении номер три.

– Не было там никаких «приложений», – ответил я. – У меня была электронная версия, всё одним файлом.

– Значит, вы просто не скачали всё остальное, вот, ознакомьтесь на досуге, – подойдя к одному из шкафов, парень вынул из него две тоненькие брошюры. – Вам следует посетить хозяйственную часть и оружейную. И да, не забывайте носить с собой вашу личную идентификационную карточку. На ближайшие пять лет именно она будет вашим основным документом, как на территории колледжа, так и за его пределами. Кстати, при посещении других стран она автоматически регистрируется как заграничный паспорт с ограниченным количеством уже активных виз. Список вы можете посмотреть в приложении номер два.

Он раскрыл одну из книжонок примерно посередине и протянул мне. Взглянув на разворот, я тихонько присвистнул от удивления.

– Североамериканская Либерократия, Земли Германской Нации и даже Китайская Коллективная Социалистическая Республика! – я перевёл взгляд на стоящего передо мной студента-администратора. – С чего это такая дружба народов? Я слышал, что от них даже туристическую получить нереально, а тут...

– Понимаю скепсис, – улыбнулся он. – Всё довольно просто. Эти страны наравне с нами входят в Высший Совет Магического Конгломерата Наций. Так что они просто вынуждены предоставлять нашим учащимся автоматическую учебную визу, так же как и мы не можем отказать

студентам, например, Гарвард-Маджика или китайского Циньхуа.

– М-да... – только и сказал я, забирая вторую брошюру. – Спасибо за объяснения.

– Не за что, – пожал плечами парень. – Это наша работа. У вас есть какие-нибудь ещё вопросы?

– Да, – я покосился на хмурую Андре. – Объясните, пожалуйста, по поводу этой «работы». Нам вот только что девушка рассказала, что в летнюю смену здесь трудились настоящие сотрудники, а сейчас их сменили студенты. Это что-то типа практики?

– Можно сказать и так, – мой собеседник кивнул, и соседка, до этого погружённая в свои мрачные мысли, наострив ушки, подошла к нам. – На территории Ильинского колледжа, как и в других аналогичных заведениях, в течение учебного года проводится так называемая «Большая Игра». Это специальный адаптивный курс, целью которого является максимальное вовлечение абитуриентов в жизнь социума с повышенной личной ответственностью. Думаю, что не открою вам великой тайны, если скажу, что большинство поступающих к нам юношей и девушек являются выходцами из богатых и благородных семей, а потому зачастую обладают пониженным уровнем общественной значимости при высоких личных запросах.

Говорил он умно, долго и явно повторяя крепко-накрепко вызубренный текст. Но вот если объяснить более простым языком, то всё сводилось к тому, что большинство местных студентов – избалованные бесполезные мажоры. Не приспособленные к самостоятельности и привыкшие к бесцельному существованию, полному пороков, развлечений и удовольствий, они годились только на то, чтобы бездумно прожирать состояния предков. Такие люди не способны ценить чужой труд, да и вообще нередко были необычайно жестоки к тем, кто находился ниже по статусу, а уж наделённые магическими силами и вовсе считали обычных людей чем-то вроде двуногого скота.

Так что Империи они были без надобности. Шумная, вонючая и очень вредная накипь на лице страны. К тому же с возрастом, в первую очередь от безделья и вседозволенности, создающая всё больше и больше проблем, и это при том, что многие из них в будущем должны были стать главами своих родов, кланов и взять в свои руки управление различными корпорациями и производствами.

Поэтому ведущими психологами, воспитателями и специалистами от разных ведомств и министерств лет тридцать назад была разработана так называемая «Большая Игра», опыт которой на данный момент переняли

практически все страны мира. Если кратко, то смысл её сводился к тому, что вся немалая территория колледжа, с прилегающим к нему студенческим городком, объявлялась независимым государством. А мы, абитуриенты – его полноправными гражданами, которых с внешним миром на время обучения практически ничего не связывало.

Здесь было всё «своё»: и криптовалюта, на которую можно было приобретать товары и услуги, и полноценные органы управления, правительство, внешняя и внутренняя политика, различные службы, полиция и даже своя маленькая армия. И всё это управлялось и обслуживалось исключительно учениками, правда, под неустанным контролем педагогического состава, немногочисленных взрослых специалистов и вездесущей Имперской Канцелярии.

Дела внешнего мира нас не касались. Америка, Россия, Китай и их тёрки – всё это минимум на пять лет выпадало из нашей жизни. По правилам «Большой Игры» нашими соперниками-противниками являлись другие учебные заведения, участвующие в этом глобальном проекте. Был то упомянутый ранее Гарвард-Маджика, например, или отечественный Первый Имперский магический колледж, и даже, к моему немалому удивлению, Особый Корпус – не суть важно. Все они являлись другими студенческими государствами, и с ними можно было дружить, заключать союзы, интриговать и даже воевать на специальных полигонах.

И вот здесь меня ждало нехилое такое открытие – как оказалось, каждый ученик в каждой подобной псевдостране начинал обучение в абсолютно равных условиях. Неважно, был ли то нищий балбес, типа меня, или сынок североамериканского президента. Сколько бы ни было денег и возможностей у родителей абитуриента, на территории колледжа это не имело ровным счётом никакого значения, потому как просто что-либо купить за обычные рубли, доллары, юани или марки на территории кампуса было невозможно, как и покинуть её по собственному желанию. На личную идентификационную карточку каждого поступающего зачислялась одинаковая, небольшая стартовая сумма в криптовалюте, и всё – крутись как знаешь.

Можно все пять лет ничего не делать. Учиться, получать свою законную небольшую стипендию и тянуть её до следующего месяца, отказывая себе во всём и перебиваясь бесплатными и безвкусными обедами в общественной столовой. Это не запрещалось, но подобное поведение порицалось. Если же ты не хотел изображать из себя бедняка-лоботряса, то для тебя был только один путь – учиться и параллельно изо всех сил трудиться во славу колледжа. Доступные абитуриенту работы, как и

зарплаты, разнились, в зависимости от выбранной специальности и срока обучения, ну, а в «правительство» студгосударства могли попасть только отучившиеся минимум три года и доказавшие свою верность альма-матер. Впрочем, для того, чтобы стать полотёром или трудиться разнорабочим, не требовалось практически ничего.

Вот так вот здесь было всё сложно и, с другой стороны, просто. Минигосударство в государстве, активно перековывающее избалованных знатных детишек в будущий непоколебимый костяк нашей империи. Да, родовые и клановые отношения, естественно, никуда не исчезали, и студентам приходилось учитывать их, а также помнить, кто они и откуда, но всё же всё внешнее обычно отходило на второй план.

Кстати, на мой вполне логичный вопрос: а почему же, собственно, в таком случае все из кожи вон лезут, лишь бы запихнуть своих детишек в такую глубокую задницу? Не проще ли воспитать своё ненаглядное чадо в тепличных домашних условиях? Мне доходчиво объяснили, что это всё равно, что собственноручно изуродовать ребёнка жизнь.

Это простым подданным Его Величества достаточно было отучиться в обычных школах и институтах, а там ползи себе по карьерной лестнице вверх и, может быть, если повезёт, выбьешься в большие начальники маленького свечного заводика. А у одарённых то здесь, то там Имперской Канцелярией были расставлены разнообразные препоны для тех, кто не доказал своей значимости в «Большой Игре».

Например, на высшие руководящие посты можно было даже не претендовать. Или сам Император мог не признать тебя главой твоего же рода, или запретить тебе основать новый. Да даже принимая на простейшую вакансию во внешнем мире для магов или воинов, работодатели часто сверялись с этим самым проклятым «индексом значимости», который присваивался каждому выпускнику учебных заведений магической направленности.

Вот и носилась элита со своими, ничего не понимающими мажориками как с писаными торбами, запихивая их в колледж покруче да посolidнее. Уговаривали, объясняли, приказывали до тех пор, пока до чада не доходило, что здесь он по сути – как золотая рыбка в аквариуме, и за ним наблюдают, оценивают и даже делают ставки многие сильные мира сего. И именно из правил «Большой Игры», судя по всему, вытекала рассказанная мне Андре пасторальная история о том, что все обиды и прочий негатив, случившийся во время обучения, не принято выносить за стены колледжа. Ведь кто знает, может быть, ради своего блестящего будущего полы в твоей комнате придёт мыть дочь какого-нибудь герцога...

Случались, конечно, исключения из правил, всегда находились те, которым всё было до фонаря и по барабану. Однако таковых было меньшинство, в то время как люди «понимающие» легко впрягались в «Большую Игру» и активно тянули лямку во славу своего «родного» студгосударства. Правда, из всего вышесказанного я так и не понял, с какого же перепугу и, главное, «как» в дворце у Федосеевых вырос неприспособленный к жизни, тепличный цветочек по имени Марина.

Администрацию мы покинули в смешанных чувствах. Я был откровенно шокирован услышанным, потому как даже не догадывался о делах, творящихся в маг-академиях. Нет, я, конечно, слышал и о военных играх, и о различных турнирах, на которых сталкивались лбами команды из разных вузов, однако такой глубокой подоплёки всего этого действа я не знал. Да и сами участники не спешили оповестить общественность о том, что тут происходит. А вот Андре, которую, наверное, с детства просветили о подобных раскладах, шла мрачнее тучи совсем по другой причине. Когда за нами закрылись раздвижные двери приёмного зала, она только буркнула мне что-то и, не оглядываясь, потопала к лестнице.

Я немного постоял, глядя в спину удаляющейся девушке, пожал плечами и отправился искать хозяйственную часть. Федосеев «поступил» меня на юридический факультет, здание которого располагалось в самом центре студенческого городка, а наша общага была выстроена в парковой зоне, на живописном берегу старицы Москвы-реки, напротив бывшего села Архангельское. В далёком девяносто шестом году, когда был заложен первый камень Пятого Императорского магического колледжа, его кампус занимал только полуостров, образуемый старицей и нынешним руслом Москвы-реки, однако со временем студенческий городок разросся и поглотил соседние сёла Ильинское, Глухово, Архангельское и Захарково и коттеджный посёлок Горки-6. Уж не знаю, как там господа договаривались с местными жителями, но нынче здесь жили, работали и учились исключительно абитуриенты разросшегося городка.

Всё это мне рассказал сопровождающий, который подбросил меня от отдела кадров, где я утром расстался с Мариной, до общаги, прокатив на своём мини-каре по каким-то тенистым аллеям. Так что можно сказать, что самого колледжа я ещё в глаза не видел, а следовало бы посмотреть, куда занесла меня нелёгкая.

И всё же я решил не бродить бесцельно, а потому, подойдя к ближайшему информационному столбу, быстро выяснил, где находится хозблок, оказавшийся небольшим особнячком. До него было недалеко, минут пять-десять тихого хода, да и там все необходимые мне дела я

закончил на удивление быстро, став счастливым обладателем новенького комплекта формы Пятого Магического и студенческого планшета, заменявшего нынешним ученикам кипы разнообразных учебников и пособий.

Переоделся здесь же, отдав свою старую одежду в чистку. Услуга оказалась платной, но так как я ещё не был официальным участником «Большой Игры», денег с меня не потребовали, зато обещали доставить всё прямо в номер. Далее мне следовало посетить оружейную, которая находилась почти в самом центре кампуса, кое-что зарегистрировать, а также получить причитающееся мне имущество. А для этого нужно было вернуться в нашу с Андре комнату и забрать это «кое-что» из своей сумки.

И вот здесь я, как говорится, попал. Рыжая отсутствовала, так что некому было предупредить меня о том, что местная студентота – те ещё бюрократы. В общем, я благополучно пропустил как обед, так и едва не опоздал на ужин. Моя соседка в столовую не спустилась, а когда я вернулся к себе, она уже спала, не по погоде плотно закутавшись в одеяло. Быстренько закинув вещички в свой шкаф, я отправил туда же пиджак, а вот с таким трудом добытую в оружейке ременно-плечевую систему скрытого ношения повесил на спинку стула.

Включив комп, просидел за ним до официального отбоя – копался в местной сети, да и в самой машине, пытаюсь понять, что я могу, а что нет, и что мне можно, а чего делать не стоит. Потом, включив надклавиатурный светильник, читал выданную мне для ознакомления литературу, которой значительно прибавилось, и опять сёрфил, но уже во внешнем инете, в поисках всего, что касалось бы магических колледжей, да и вообще «Большой игры». Под конец немного погонял в одну из любимых игрушек, не требовавших скачивания на жёсткий диск клиентской части, наслаждаясь непривычно высоким качеством графики и отзывчивостью контролёров, и со спокойной совестью отправился спать.

* * *

Андре было жарко, душно, очень некомфортно, а также немного страшно. А ещё она была голодна, потому как шоколадный батончик, который умяла вместо ужина, как-то незаметно растворился в желудке. К тому же девушка старалась не шевелиться, а потому уже отлежала правый бок, да и молния от тёплого спортивного костюма ощутимо врезалась ей в кожу.

Она сама уже не понимала, зачем нацепила на себя это мешковатое недоразумение китайского пошива, которое покупалось ещё дома с одной только целью – скрывать её и без того не особо объёмные женские формы во время разнообразных физических тренировок. Кажется, тогда ей показалось, что так будет «надёжнее», вот и потела сейчас в нём, да ещё и под толстым, зимним одеялом. Но здесь уж ничего не поделаешь. Она никак не могла позволить себе лечь спать, как обычно, в лёгонькой маечке и шортиках, под простыней, как весь последний месяц.

Она вообще не могла сейчас спать! Ведь как тут уснёшь, когда сердце бешено колотится и, похоже, готово выпрыгнуть из груди. И ведь непонятно, на что она надеялась, когда, вернувшись, не застала этого Кузьму в своей комнате. Неужели на то, что он ради неё будет спать в холле или вообще на улице. Кстати, было бы неплохо!

Вот только внятного объяснения, почему не пошла на ужин, и зачем, увидев в окно подходящего к зданию соседа, притворилась спящей – она так для себя и не придумала. А уж как испугалась, когда он зашёл в номер и увидел её в кровати. Почему-то Андре решила, что вот сейчас парень накинется на неё и немедленно изнасилует. И тут же поверила в то, что всё так и будет. Даже приготовилась к тому, чтобы дать решительный отпор, активировав под подушкой ПМК и уже держа своё самое смертоносное заклинание на спуске.

Однако Кузьма предпочёл ей компьютер. И от этого девушка не то что не успокоилась, а наоборот, отчего-то почувствовала себя брошенной, а по прошествии пары часов сильно-сильно разозлилась. Захотелось сделать какую-нибудь глупость. Например, вскочить и раздеться при соседе догола, чтобы тот наконец оторвался от монитора и обратил на неё внимание.

Она даже испугалась собственной храбрости и зарылась носом поглубже в подушки, пытаясь выгнать из головы всяческие развратные мыслишки, которые так и лезли в неё непрошеными гостями. От них стало так жарко, что Андре готова была взвыть! И в этот момент, наконец, прозвучал сигнал отбоя.

Девушка затаилась и снова включила ПМК, на котором уже красовался купленный сегодня чёрный чехольчик, чувствуя, как по спине, щекоча кожу, сбегает крупные капли пота, оставляя за собой влажные, чешущиеся от соприкосновения с тканью дорожки. Парень посидел ещё с минут десять, затем встал, и она сжалась, чувствуя, что сейчас просто упадёт в обморок. Что-то скрипнуло, Андре приготовилась завизжать... и ничего не произошло.

Ещё минут через пятнадцать она аккуратно выглянула из-под одеяла и

даже включила экранчик ПМК, который едва-едва осветил погружённую в ночной мрак комнату. Кузьма мирно спал на своей кровати, и его грудь медленно вздымалась в такт ровному, спокойному дыханию.

«Да как он может! – рыжая девчонка аж задохнулась от накатившего на неё возмущения. – Как он может вот так взять и заснуть, когда я... мы... Он что? Не воспринимает меня как женщину?»

Ей очень захотелось взять что-нибудь тяжёлое и приложить бесчувственного болвана по голове. Однако кое-как она сдержала этот праведный порыв, пожалев в первую очередь ни в чём не повинную вещь, которая точно сломается, в отличие от его головы.

Она снова улеглась, закрыла глаза и, полежав минут пять, поняла, что сейчас просто сварится. Да и вообще, как можно спать в таких условиях! Да ещё эти развратные мыслишки, которые никак не получалось выкинуть из головы... Потому она встала, вытащила из тумбочки шортики и футболку и на цыпочках побежала в ванную комнату, где уже через мгновение зашумел включённый душ.

Глава 10

– Кузьма, а у тебя уже были женщины?

Это было первым, что я услышал, когда проснулся этим утром.

– Э-э... Чего? – я не сразу понял, о чём и, главное, «кто» меня спрашивает, а когда увидел свою рыжую соседку, чуть было не поперхнулся.

Девушка по-турецки сидела на своей кровати, а из одежды на ней были только нечто вроде шортиков, почти не скрывающих самое ценное, и топики, едва достигающего до солнечного сплетения. Но выглядела она, словно натуральная сомнамбула, да и под глазами у Андре отчётливо виднелись тёмные круги.

– Почему ты не сделал «это», – обвиняюще спросила она, глядя на меня словно на врага народа. – Я так ждала, вся измучилась, ночь не спала, а ты... а ты...

– Ты вообще о чём? Чего «это»? – я всё ещё никак не мог прийти в себя.

В разнообразных книжках я часто встречал упоминания о героях, которые постоянно были начеку. Спали словно жирафы, в любой момент готовые сорваться в вихрь разящей стали, стоит только на горизонте появиться гипотетическому врагу. Может, и существовали в нашем мире такие уникалы, но мой случай был явно не из их числа. Я, словно русские богатыри древности, Илья Муромец и Добрыня Никитич, всегда имел хороший, здоровый сон и просыпался по расписанию, а не от того, что за километр от меня пробежал таракан. Так что, если что и произошло ночью, я про это не знал и не понимал, чего от меня хотят.

– Почему ты, гад, меня не трахнул? – прошипела, словно разъярённая фурия, рыжая, подаваясь вперёд и сверкая усталыми зелёными зенками. – Что? Не нравлюсь? Пятнистая уродина – да? Не возбуждаю?

– А с хрена ли? – я даже возмутился такой постановке вопроса. – Ты чего там себе нафантазиро...

– Пошляк! Дурак! Извращенец! – мгновенно покраснев, взорвалась на визг девушка, и мне в лицо прилетела подушка.

Я не уклонился. А зачем? В общем-то я ждал проблем, но не так скоро. И немного не таких.

Больше этим утром мы не разговаривали. Моё присутствие просто игнорировали. Андре переделась в ванной, быстро нанесла простенький

макияж на свою мордочку. Взяла из шкафа какой-то чехол и, громко топая, вышла из номера, хлопнув на прощание дверью.

Я остался один. Времени до церемонии было предостаточно, да даже до завтрака у меня имелось ещё как минимум полчаса. А дуэль... она должна был состояться уже после всех официальных мероприятий, и признаться честно, о ней я беспокоился в последнюю очередь. Утренняя выходка соседки никак не повлияла на моё настроение, а потому я, насвистывая приятный мотивчик, начал одеваться, и в этот момент раздалась трель вызова на моём учебном планшете.

* * *

Оставив кортеж на стоянке перед воротами на территорию кампуса, лимузин беспрепятственно въехал в студенческий городок и, вырулив на главный проспект, покатил к возвышающемуся в центре города зданию ректората, чем-то отдалённо напоминающему московские сталинские высотки. Увенчанное высоким шпилем, на котором на лёгком ветру трепетал флаг с гербом Пятого Императорского магического колледжа, это величественное сооружение, как и остальные дома в Ильинском, было выстроено в стиле неоимперского ампира. Их строгие формы, колонны, портики и барельефы, классические статуи и чугунные кованые ограды навевали на пассажира дорогого автомобиля приятные воспоминания.

Впрочем, предаваться им у Виктора Анатольевича Ромушева не было никакого желания. Срочный вызов главы его клана, человека, которого он помнил ещё начинающим учителем альтернативной физики, а сейчас занявшего пост ректора, разорвал плотный рабочий график очень занятого барона, и ему пришлось в срочном порядке, на ночь глядя, вылететь из Аркаима в Москву. Ведь дело касалось его второго сына, а наплеватьски относиться к проблемам членов своего рода, а тем более семьи, не входило в привычки этого сурового человека.

Паршивец, только-только поступивший в колледж, уже успел наворотить таких дел, что чуть было не порушил своё же тщательно выстраиваемое отцом будущее. Так что разгрести всю эту навозную кучу вчера пришлось лично Виктору Анатольевичу, которому Федосеев-старший выдал настоящую отповедь из-за поведения молодого балбеса.

Это же надо было, прилюдно облапать свою будущую невесту, поставив под удар саму ещё даже официально не объявленную помолвку. Не мог выбрать кого попроще, если уж так захотелось погреть руки на

мягеньком! И главное – не на людях же! Даже будь Федосеева его женой, общество такого бы не приняло.

Оно же понятно, дело-то молодое. Гормоны бушуют, да и не головой в его возрасте думают. В шестнадцать лет Виктор Анатольевич и сам был таким же – ни одну юбку просто так не пропускал, а коли кто имел глупость косо посмотреть в его сторону – сразу же ставил наглеца на место. Сыновья такими же уродились. В особенности Олег.

Правда, после разговора с Александром у Ромушева-старшего сложилось впечатление, что тот был прекрасно осведомлён о характере своего будущего родственника. Недаром же он подстраховался и отправил вместе со своей дочкой в колледж этого мальчишку Есаула. Хотя официально основной причиной было вовсе не это, а неудачная попытка похищения Кати. Виктор Анатольевич был в курсе случившегося в Новосибирске и наравне с Федосеевым рыл носом землю, пытаясь найти и наказать виновников.

И тут – на тебе. Столько сил и средств чуть было не улетело в трубу, а уж в какую позу барону пришлось встать, чтобы Александр оставил без внимания поступок Олега и удовлетворился извинениями – Ромушеву и вспоминать не хотелось. И ведь это ещё не всё! Безродный мальчишка Есаул, всего лишь под деми-опекунством рода, напал на его сына, когда тот этого не ожидал, да ещё и со спины, и при всех оттащил его за шкуру, словно провинившегося щенка. Вполне естественно, что тот бросил ему вызов на дуэль, хотя, конечно, выбрав крайние правила, парень погорячился.

В этом вопросе Ромушев был непреклонен, и плевать, что Александр Павлович остался недоволен его отказом воспользоваться правом главы рода и отменить поединок до смерти. Наглец, посмеявшийся оскорбить и избить его сына, должен был понести заслуженное наказание, и если бы этого Есаула на дуэль не вызвал сам Олег, то в любом случае он сделал бы так, чтобы тот заплатил за содеянное. Подобные обиды нельзя оставлять неотмщёнными.

А ведь можно сказать, что им повезло. «Большая Игра» для первых курсов официально начиналась после традиционного «подпольного турнира», и вызов его сына не подпадал под её юрисдикцию. Там крайние правила не работали, и ему не удалось бы смертью соперника отмыть запачканное имя рода Ромушевых. Да и секундантами у его сына сейчас всё ещё могли быть представители их клана, а не такие же студенты, как он. Так что, даже если его балбес вдруг погибнет, это позволит в будущем свершиться заслуженной мести.

К тому же кровь – это не всегда плохо. Победа на такой дуэли хоть немного, но нивелирует ту потерю репутации, которую понесёт его отпрыск после того, как принесёт официальные и публичные извинения Екатерине Александровне. А так как сам Виктор Анатольевич был полностью уверен в победе его сына в честном поединке, появляться на ристалище он не собирался. Вместо него должен был присутствовать его старший брат Владимир, а уж в том, что тот всё сделает правильно, Ромушев был уверен.

Однако Федосеев – это ладно. С ним-то он договорился, хотя так и не понял, почему Александр уговаривал его отозвать вызов и остался недоволен отказом. Чем мог быть так ценен этот даже не входящий в его клан молодой Есаул, пусть даже именно он спас Катю от похитителей? Виктор Анатольевич просто не понимал логики поступков своего будущего свата.

Не увидел он ничего странного и в звонке из Имперской Канцелярии. Власти всегда требовали согласия главы рода на дуэль, тем более смертельную и между несовершеннолетними, и настойчиво рекомендовали выискать возможность пойти спорщикам на мировую. Однако когда позвонил его сюзерен, ректор колледжа, герцог Сафронов, и в ультимативной форме потребовал, чтобы он как глава рода немедленно отозвал вызов сына – Виктор Анатольевич не на шутку разозлился.

Род Ромушевых был сравнительно молодым и малочисленным, даже по меркам новой аристократии Империи. И хоть самому своему появлению он был обязан именно Сафронову, пробиваться им приходилось самостоятельно. Герцог и так поступил своими принципами, буквально за шкуру втащив неквалифицированного адепта в высшее сословие и позволив основать вассальный род. И общество этого не забыло, регулярно проверяя его на крепость.

В таком окружении следовало всегда быть начеку и показывать зубы, не спуская ни единого вольного или невольного оскорбления. Иначе – съедят. Подомнут под себя его с любовью выстраиваемую М.И.Т.-империю, на которую и так с вожделием посматривает слишком много жадных глаз. И далеко не факт, что ректор вмешается, поскольку он хоть и был Аватарой аспекта метамагии, но старался держаться подальше как от политики, так и от великосветских интриг.

И вот ему, Ромушеву, прямым текстом приказывают поступить своими принципами и собственноручно замарать честь родного сына, который твёрдо вознамерился отправить своего обидчика к праотцам. А главное, из-за кого? Из-за безродного, никому не известного мальчишки с

жалким третьим уровнем воина? На это пойти Виктор Анатольевич не мог ни при каких условиях.

Получив твёрдый отказ, ректор явно расстроился. Было больно и немного страшно идти против собственного сюзерена, но Ромушев не мог поступить иначе, потому как слишком многое стояло на кону. Он уже было подумал, что разговор закончен, когда герцог Сафронов, тяжело вздохнув, вдруг приказал ему незамедлительно явиться перед его светлы очи, причём в обязательном порядке до начала этой злополучной дуэли. Барону не оставалось ничего иного, кроме как подчиниться. Отложить все дела и сорваться в Москву.

Естественно, что в таких условиях Виктору Анатольевичу было совсем не до ностальгических воспоминаний. Он еле сдерживал душащую его ярость, потому как, что уж там говорить, в свои сорок с небольшим лет, являясь главой собственного рода, он уже отвык от того, чтобы кто-то оспаривал его решения, а тем более вызывал на ковёр, словно нашкодившего школяра.

Скрипнули тормоза, и лимузин остановился перед широкой лестницей. Водитель открыл дверь, и Ромушев быстрым шагом прошёл сквозь холл ректората в сторону лифтов, поднявшись почти под самый шпиль и оказавшись перед кабинетом Сафронова. В приёмную он вошёл как хозяин, и при том злой словно чёрт, потому как кроме унижения родовой чести, каждую минуту, потраченную им на эти глупые разбирательства, его компания теряла огромные деньги.

Бросив вскочившей секретарше: «Я барон Ромушев. Меня ждут!», не дожидаясь разрешения, толкнул тяжёлую створку знакомой по студенческим годам двери. Ректор ещё с первого курса приметил и принялся привечать слабого по уровню, но очень талантливого теоретика маджи-систем. Сколько раз бывало, что тогда ещё просто Витя врвался в этот кабинет, окрылённый очередной потрясающей идеей. И ни разу не было такого, чтобы его тут не выслушали.

– Входи, Витя... – раздался из кабинета знакомый голос, хотя его обладатель никак не мог ещё видеть гостя. – Жаль, что нам приходится встречаться при подобных обстоятельствах.

– Моё почтение, ваша светлость, – мужчина так и не смог заставить себя убрать из голоса холодок отторжения. – Барон Ромушев по вашему приказанию прибыл.

Ректор Пятого Императорского магического колледжа, высокий и худой мужчина, в чьих когда-то тёмных волосах уже вовсю серебрилась седина, слегка поморщился. Бывший ученик, ставший вассалом, ему

нравился, он был хорошим парнем в юности и вырос неплохим человеком, а потому Сафронову было очень неприятно такое вот формальное обращение от того, кого он считал своим другом.

Видимо почувствовав, что переборщил, барон сделал лицо чуть попроще, однако продолжал излучать непоколебимую решимость следовать своему однажды уже сказанному слову.

– Да не стреляй ты в меня глазами! – не выдержал, наконец, герцог и махнул рукой на одно из кресел. – Садись.

– Постою, ваша светлость, – упрямо качнул головой Ромушев.

– Я сказал – сесть! – от властного, спокойного и громкого голоса ректора зазвенели оконные стёкла, а колени у вмиг побледневшего Виктора Анатольевича откровенно задрожали.

За всеми этими титулами, честью и прочей мишурой он как-то позабыл, что его сюзерен давно уже Аватара аспекта Метамагии, и не ему, едва-едва взявшему троечку и так и застывшему на этом уровне, стоит открывать рот против такого мага. Говорит «сидеть» – нужно сидеть, а скажет бегать кругами и тявкать, как годовалый щенок – следует немедленно выполнить данный приказ. Да ещё и почитать за великое счастье, что тебе доверили подобную, несомненно, важную миссию.

Он же, привыкнув, что дела клана ректора не интересуют, как-то совсем забыл, что только граничащее с дружбой расположение герцога сделало его тем, кто он есть. Конечно, во многом это была заслуга его самого, ведь все эти годы он вертелся, как белка в колесе, но у него ничего не получилось бы, если бы Сафронов не замолвил бы слово перед Императором за двадцатипятилетнего мальчишку и не пробил бы тому дозволение основать свой род.

– Пр-ростите, Андрей Иванович, – промямлил барон, на негнущихся ногах добираясь до стула и опускаясь на него. – Закрутился как-то, вот берега и попутал!

– Да ты всегда чего-то «путал», Витя, – вновь своим обычным бархатным и хорошо поставленным голосом ответил ему ректор и улыбнулся. – Порода у тебя такая, да и мальчишка твой весь в отца пошёл. Ладно, о жизни мы поговорить как-нибудь в другой раз сможем, ты заезжай, а то как-то совсем старика забыл... Но давай о деле.

– Как скажете, Андрей Иванович. – Ромушева слегка отпустило, но голос ещё подрагивал.

– Витя, я тебя позвал сюда, и ты это знаешь, чтобы лично ещё раз попросить – отмени эту дуэль! Не гробь парня! Ты пойми, я сделать это своим решением просто-напросто не могу, а приказывать – не хочу, иначе

бы не стал тебя беспокоить! Ты же обязан...

– Да ничего я никому не обязан! Что вы все за этого Есаула вписываетесь! – Кровь мгновенно ударила в голову Ромушева, оцепенение, вызванное звуками голоса ректора, слетело, снесённое напором праведной ярости. – Чем вам этот... как там его! Ефимов! Так чем вас всех этот Ефимов так подкупил, что вы на меня всем скопом надели...

– погоди! – остановил его удивлённый ректор. – Кузьма? Не о нём речь, да и с какой стати мне за него переживать? Я про твоего сына говорю, голова твоя дубовая! Неужели тебе Олега не жалко!

– Олега? – тупо переспросил совсем сбитый с толку Ромушев, непонимающе уставившись на своего бывшего учителя. – Он-то тут при чём?

– Так-так-так! – ректор предупреждающе поднял обе руки, а затем, глубоко вздохнув, потёр виски кончиками пальцев и повторил: – Так! Витя, мальчик мой, тебе что, никто ничего не сказал? Даже Александр?

– О чём? – не понял Ромушев, а когда он чего-то не понимал, это его очень сильно злило. – Послушайте, Андрей Иванович. Олега очень хорошо учили. Да он этого есаулёнка Кузю одним мизинцем в бараний рог свернёт! Если бы тот не напал на него со спины...

– Витюша. То ли мнится мне, или ты правда веришь, что твой сопляк моего внука заламает? – раздался из-за спины каркающий старческий голос, от знакомых звуков которого барона вновь пробил холодный пот. – Это ты зря-я. Успел я одним глазком глянуть, во что Варяг моего Кузьку перековал! Ему теперь даже мизинцем шевелить не надо, чтобы аннигилировать Олежку к чертям собачьим.

Помещение заполнил кричающий смех древнего старика, а Виктор Анатольевич, чувствуя себя погружённым в плотный кисель, медленно повернулся.

– П-п-п-приз... – попытался выдать он из себя, однако губы отказывались слушаться.

– Витенька, я уже просил однажды так меня не называть, – ласково улыбаясь, от чего становилось ещё страшнее, прокаркал древний, но необычайно подтянутый дед в потёртом пиджачке, который вальяжно раскинулся в глубоком мягком кресле, установленном в «чайном» закутке ректорского кабинета. – А одному особо болтливому выюноше следовало ещё тогда язык с корнем выдрать. Андрейка, ты глазки-то не отводи, не отводи... это я про тебя родимого баю!

– Простите, Мастер, – понуро опустил голову герцог Сафронов. – Я тогда совершил ошибку.

– Пустое, – отмахнулся старик. – Вы, молодые, только языками поменьше трепите, а то даже из этих стен порой растут симпатичные такие ушки. Так и хочется встать и оторвать. Ты поняла меня, девочка?

Из приёмной раздался приглушённый визг, и что-то громко бухнуло.

– Мастер, вы мне Ларису не прибили часом? – взволнованно спросил ректор. – Она...

– Да ничего с твоей секретуткой не станется, – фыркнул дед, – разумение имеем! Но будет в следующий раз головой думать: с кем твои разговоры стоит подслушивать и записывать, а с кем – нет. Конторская, небось?

– Конторская, – со вздохом кивнул Андрей Иванович и изобразил на лице извиняющееся выражение.

– То-то я смотрю, вся из себя такая сахарная, – заулыбался старик. – Прямо как ты любишь!

– М-м-м...

– Не мычи!

– М-мастер... вы ли это? – всё ещё не веря своим глазам, выдавил из себя Ромушев.

– Я, я! Рот-то закрой, а то муха влетит!

– И этот Кузьма – ваш внук?

– А то ж, – с гордостью ответил старик.

– Но я же слышал, что...

– Слышал он! – дед сдвинул брови, и барон с герцогом дружно побледили. – Болтаете вы, молодые, нынче много... При Кобе такого не было! Лавруша всех болтунов быстро учил рот на замке держать.

– Но... – Виктор Леонидович всё ещё никак не мог прийти в себя. – Внук... Господи... так он ваш внук, но вы Варяга упомянули! Он что же, ещё и его ученик?

– Его, его... чтоб его черти в аду жарили, – сплюнул Мастер и бросил извиняющийся взгляд на хозяина кабинета. – То святоши расстарались, чтоб малыш в нужные руки попал. Добились-таки своего, мракобесы проклятые!

– Но он же в хохлятской Зоне сгинул! – в сердцах воскликнул Ромушев, у которого от всего услышанного голова так и шла кругом.

– Больно много вы, молодые, знаете, как погляжу, – посетовал старик, – и как вас только Славка до сих пор терпит!

– С трудом, – ответил ему на риторический вопрос ректор, которому уже становилось стыдно за своего бывшего ученика. – Его Величество всех нас терпит с превеликим трудом!

– Так значит Варяг, действительно, всё ещё жив? – поджал губы барон.
– Помер, курилка, – прокаркал дед. – Чуть больше года назад прибрала его костлявая.

– Ну, Федосеев, – процедил Ромушев, старательно давя в себе подступающую ярость. – Ну, скотина! Ох, я тебе припомню...

– Витька, ты мне не балуй! – грозно одёрнул его дед. – И на Шурку обиду не держи, ты сам бы на его месте так же поступил! За кой ляд ему зять, что пустую голову дикой тигре в пасть суёт! Разумение иметь надобно, а не только гордыню!

– Поступил бы... – горько вздохнул Ромушев, признавая правоту Мастера. – Так ведь молодой ещё, вот вырастет...

– Без башки не вырастают! – фыркнул дед. – А всё вы – аристократы, под хвост дранные! Что за моду взяли молодняк изводить! Дуэли-шмаэли! Ладно бы просто морду друг другу набили, так нет – им до смерти подавай! Честь у них, понимаешь, в заднице свербит, крови им захотелось! А она не водичка. Уж сколько я Славке твердил, чтобы запретили детишек гробить, так нет, они ещё и девок своих к подобному приучают!

– Так что же мне делать-то?.. – как-то жалобно спросил грозный барон, поглядывая то на ректора, то на Мастера. – Ведь правила же...

– Да что вы все ноете-то! – взъярился страшный дед, и Виктор Анатольевич остро пожалел, что не успел сходить в туалет, но ЧП, слава богу, не произошло. – Пулей к своему оболтусу, пока я ещё добрый, и сделай всё что угодно, только бы он послушал тебя и забрал свой чёртов вызов.

– А может...

– Витя, ты голову-то включай уже! – разозлился наконец Андрей Иванович, и его вассала словно бы ветром выдуло из рабочего кабинета начальника Пятого Императорского магического колледжа.

Последнее, что услышал Ромушев, остановившись в приёмной и дрожащими пальцами набирая на ПМК номер своего среднего сына, был голос Мастера. Тот в непринуждённой, свойственной ему манере спрашивал герцога Сафронова о какой-то интересной девице, которая вроде как была знакома с его внуком, да к тому же умудрилась раздолбать его старенькую «Победу». Ответа он не услышал, дверь с гулким стуком закрылась, а из девайса донёсся немного сонный голос его Олега.

До ректората, огромного, похожего на МГУ здания, я добрался на небольшом позвякивающем трамвайчике. Народу на улицах городка было ещё не так чтобы много, а потому со своими немногочисленными случайными попутчиками ехали мы практически без остановок. Что можно было сказать об Ильинском – богато здесь жили, однако даже в холле этого величественного дворца я не заметил показной аляповатой роскоши, столь свойственной новой аристократии.

Быстрый и почти бесшумный лифт, в котором тихо тренькала какая-то ненавязчивая музыка, вознёс меня на нужный этаж. И стоило только дверям со звонким мелодичным звуком разойтись в стороны, как меня чуть было не сбил с ног какой-то растрёпанный мужик в деловом костюме, с бешеными глазами и всклокоченными волосами, который буквально вломился в кабину лифта.

– С дороги, сопляк! – прорычал он на меня и, даже не дождавшись, когда я выйду, быстро ткнул на кнопку первого этажа и яростно застучал на ту, что ускоряла закрытие дверей.

Пожав плечами, я сделал шаг вперёд. Принявшиеся уже было сходиться створки, вновь разъехались в разные стороны, стоило только мне пересечь линию сенсоров.

– Твою за ногу! – взревел он, и мне показалось, что сейчас лопнет от прилившей к его лицу крови. – Муд...

Ну да – видимо, какой-нибудь аристократишка прибежал устраивать своего отпрыска, а ему дали от ворот поворот. Перед ректором, небось, стоял ни жив ни мёртв, а сейчас вон как распетушился. Ему-то что? Небось какой-нибудь барон, важный человек, так почему бы не наорать теперь на первого встречного паренька, которому не посчастливилось попасться под горячую руку. Вот только зря он так – кто я, без роду без племени и заступиться за меня некому, а случись на моём месте... да тот же Ромушев-младший? Такие мажорики оскорбления игнорировать не привыкли – быстренько папёнке нажалуются, и вот тогда я этому мужику не позавидую. Из-под земли достанут.

Выслушивать виртуозный мат мне пришлось совсем недолго. Лифт закрылся, отсекая меня от явно нездорового дядьки, и я, пожав плечами, направился к кабинету ректора. Уж не знаю, что тому понадобилось от моей скромной персоны, но именно к нему мне было приказано явиться в срочном порядке в том пришедшем ранним утром на планшет сообщении.

Подойдя к дверям, я постучал. В приёмной за широким столом буквой «П» сидела миловидная женщина, уставившаяся на меня широко раскрытыми глазами, прикрывая ладонями уши. Видимо, «бешеный»

посещал ректора прямо передо мной, и орали там неслабо. Скорее всего, кто-то применил магию, чтобы доходчивей донести свою позицию до оппонента, вот бедняжку и приложило остаточным акустическим ударом, потому как моих слов секретарша ректора не услышала.

М-да. Не повезло, если там прямо перед моим посещением разбушевались такие страсти. Ректор-то вроде тоже Аватар, вот только я со своими семью чакрами ему совсем не ровня. Он вон силой направо и налево делится, а я... ну в общем, нельзя мне все семь сразу открывать, а то здесь такое начнётся!

Подойдя к её столу, я активировал свой планшет и показал пришедшее мне сообщение, после чего кивнул в сторону кабинета. Она секунд тридцать не могла понять, что я от неё хочу, затем согласно закивала и промычала что-то невнятное. Попыталась встать, но не смогла и плюхнулась на своё место. Сильно девчонку контузило, ей бы в больницу нужно.

Я, нахмурившись, направился к дверям в святая святых колледжа. Пару раз постучал и решительно толкнул покрытые потемневшими от времени узорами створки и, остановившись на пороге, сказал, глядя на поднявшего на меня взгляд седого мужчину:

– Ваше светлость, в приёмную нужно вызвать медиков. Вашей секретарше плохо!

Почему я направился именно сюда, рискуя нарваться на начальственное недовольство, а не стал бегать по этажу, разыскивая кого-нибудь попроще? Да потому, что именно здесь сидел непосредственный руководитель девушки, который отвечал за здоровье собственных сотрудников, а в огромном зале перед грозными ректорским кабинетом я не видел ни единой души, за исключением растрёпанного мужика.

Сам-то я знал только стандартный «03», однако очень сомневался, что по этому номеру мне откликнется медслужба кампуса. Да и с какой радости мне вообще стоило опасаться начальственного гнева? Не детский сад же, право слово!

– Молодой человек, а вы собственно...

– Познакомься, Андрюша, – раздавшийся справа и немного сзади старческий голос заставил меня поморщиться, однако оборачиваться я не стал, продолжая смотреть исключительно на ректора. – Это мой внук, Кузьма.

Я почему-то совершенно не удивился, встретив здесь деда. То, что старый хрыч обязательно где-нибудь выплывет, было понятно и так, другое дело, что меня неприятно поразила его оперативность.

– Меня зовут Ефимов Кузьма Васильевич, студент первого года обучения, прибыл по вашему вызову, – отчеканил я, а затем напомнил: – Секретарша, ваша светлость! Девушка, похоже, пострадала от остаточного...

– Да всё с ней нормально, – прокричал старик, и я услышал шуршание кожаного кресла, с которого он поднялся. – В следующий раз умнее будет и не станет подслушивать кого не след.

– Ваша светлость, чем я могу быть вам полезен? – я продолжал игнорировать деда, в то время как ректор молча переводил взгляд то на меня, то чуть-чуть вправо.

– Да, – наконец заговорил герцог Сафронов и выглядел он при этом очень удивлённым. – Ефимов, я хотел поговорить на тему предстоящей дуэли...

– Я принял вызов, брошенный мне баронетом Ромушевым, и ещё вчера подтвердил это через официальное уведомление, – ответил я.

– Это понятно, молодой человек... – он поморщился. – Могу я вас звать просто Кузьма?

– Как вам будет угодно, ваша светлость, – я изобразил лёгкий поклон.

– Кузьма, ты же понимаешь, что это будет не поединок, а обычное убийство?

– Так точно, ваша светлость, – кивнул я, продолжая смотреть прямо в глаза Аватара аспекта Метамагии.

Взгляда я не отводил, хотя прекрасно понимал, что подобным поведением выдаю себя с головой. Впрочем, скрыть что-то от мага, покорившего седьмую чакру Сахасарару, можно было даже и не пытаться. Думаю, он видел меня насквозь, я же не мог ответить ему взаимностью. Сказывалось множество факторов, и в частности то, что в реальности я хоть и мог, с некоторой натяжкой, считаться Аватарой чёрт его знает какого аспекта, был не совсем «магом» и совсем не «воином».

Видимо, именно этим и было вызвано лёгкое замешательство герцога Сафронова. Подобное можно было скрыть от того же Федосеева или Якушева с Куратором, однако от ректора колледжа ничего утаить было попросту нереально.

«Воины» своим ежедневным трудом и медитациями открывали и поддерживали в таком состоянии свои чакры, давая ручейкам сансары заполнять их внутренние душевные резервуары и делать «выдохи», позволяющие им оперировать энергией, которую китайцы зовут «Ци». «Маги», родившиеся с даром и способностью самим при необходимости вдыхать сансару, управляли внешними потоками энергий аспектов и

обладали возможностью писать вязь заклинаний. А вот я был, с одной стороны, чем-то средним, а с другой – стоящим слегка в стороне от этих двух типов пользователей силы.

Я мог как вдыхать, так и выдыхать сансару, оперировать силами внешними и внутренними. Вот только делал всё это: во-первых, по-своему, не так, как воины или маги, а во-вторых, «антинаучно» и через пень-колоду. «Инстинктивно». То есть, например, пользуясь магией, я пропускал расчётные схемы формирования «вязи», просто не имея какой бы то ни было возможности влиять на блоковое построение и изменение эффектов заклинаний так, как это делали маги.

Для примера, единственным атакующим заклятьем, известным мне на сей день, была простенькая «Магическая пуля», которой научил меня мой Наставник, ведь «воины» высоких уровней также становились способными к некоторой низкоуровневой магии. Так вот, в то время как та же Андре способна по своему желанию при помощи ПМК быстро формировать новые варианты «пули», для меня она всегда оставалась такой, какой я запомнил его «магему».

То есть каждый новый, даже слегка изменённый вид «пули» будет для меня новым заклинанием, который я вынужден буду заучивать отдельно, а для Рыжей всего лишь конструктивной особенностью одного и того же. Как бонус, для колдовства мне не нужен был функциональный ускоритель в виде ПМК, так как я обходил стороной как процесс формирования и заполнения формулы, так и написания самой вязи. Вот только на этом плюшки заканчивались, потому как лично для меня сложно было даже контролировать то, сколько именно энергии я вбухаю в заклинание.

– Вот только я не собирался убивать парня, – добавил я, продолжая бодаться с ректором взглядом. – Мне его смерть и даром не нужна, а насколько я помню, нет запретов на то, чтобы оставлять противника в живых.

– Если только он признает своё поражение, – вдруг улыбнулся ректор, – или не в силах будет продолжать бой, и это подтвердят секунданты.

– Он не сможет, гарантирую, – кивнул я, ибо глупо было отрицать очевидное.

– А если никакой дуэли не будет? – изогнул герцог бровь.

– Меня это вполне устроит.

– Тогда почему бы, например, тебе не принести извинения Олегу и...

– Если бы я чувствовал на себе какую-нибудь вину, то непременно так бы и поступил, – твёрдо ответил я. – А если бы просто хотел избежать

драки, воспользовался бы советами адвоката, переданными мне с письмом.

– То есть ты готов драться, но не хочешь проливать кровь, даже зная, что противник желает твоей смерти?

– Про кровь не скажу. Я её не боюсь... – я замялся и поправил сам себя: – Больше не боюсь. А вот убивать кого-либо просто так – у меня нет никакого желания. Ваша светлость, мой наставник постоянно говорил мне, что можно простить обиду, но самого хама всегда следует наказывать. От этого мир становится чище.

– Сам Варяг так говорил?

– Да.

– А ты интересный человек, Кузьма, – заинтересованно посмотрел на меня ректор и повторил тихо себе под нос: – Интересный... Так вот!

Он встал и вышел из-за стола.

– Дуэли не будет. Только что в моём кабинете был отец Олега, Виктор Анатольевич Ромушев, и он согласился с тем, что его сын принесёт тебе извинения! Ты, кстати, должен был встретиться с ним, когда шёл сюда. Ты рад?

– А-а, это тот, который назвал меня сопляком и обматерил весь мой род до седьмого колена, потому что ему нужен был лифт, на котором я только что приехал? – усмехнулся я. – Даже не знаю, что вам ответить на ваш вопрос, ваша светлость.

– Витя... да чтоб тебя! – в сердцах выдохнул ректор, доставая свой ПМК, и, набрав какой-то номер, отошёл к окну кабинета.

– Значит, и дедушку твоего плохой дяденька обозвал, – ласково так, как обожравшаяся помоями ворона, прокаркал молчавший весь наш разговор старик. – А ты, кстати, не хочешь с дедушкой-то поздороваться? А, внучек?

– С дедушкой? С дедушкой хочу, – ответил я, не поворачиваясь, – очень хочу, да вот беда, он умер три года назад. А вот с не имеющими ко мне никакого отношения старыми хрычами, известными своими садистскими наклонностями и ненавистью к изуродованным ими же детям, желания здороваться или вообще стоять рядом – не имею ровным счётом никакого!

Глава 11

Церемония открытия для учеников первого курса и посвящения в студенты началась ровно в девять часов утра, сразу же после того, как закончилось подобное же мероприятие для учащихся пятого года обучения. Проходила она в огромном концертном зале «Славянский», расположенном неподалёку от парка, в прибрежной зоне, в которой высились корпуса моей общаги.

Вообще, меня уже просветили, что это не единственные учреждения, в которых проживали «духи», как называли нас, первоодок, старшие курсы. Было несколько таких же зданий на западной оконечности кампуса, и ещё парочка ютилась на юге, почти у самой Москвы-реки. И всё же вид огромной толпы, дожидаящейся того момента, когда её запустят внутрь помещения, произвёл на меня впечатление.

Причём собрались здесь в основном новички, это было видно по медного цвета галстуку и такому же узору с римской цифрой один, нашитых на белых рубашках парней и блузках девушек. Хотя, конечно, встречались и другие цвета с цифрами. Больше всего было «бронзовых», второгодок, и в основном они занимались тем, что присматривали за тем, чтобы «духи» вели себя хорошо, не затевали потасовок и не размахивали оружием.

Да – все здесь были вооружены, так как открытое ношение разнообразных опасных игрушек являлось одной из прерогатив как родовой аристократии, так и дворянства. Причём далеко не все из новичков ранее обучались владению болтающимися у них на поясах железкам. Таковым колледж выдал стандартные статусные кортики, если те были воинами, в то время как маги получили короткие шпаги с глухими, полностью закрывающими кисть гардами.

Было видно, что подобное украшение им непривычно, и они непроизвольно то трогали рукояти, то касались пальцами декоративных завитушек, украшающих эфесы, а кое-кто и вовсе извлекал клинки из ножен. К таковым незамедлительно направлялись патрульные и вежливо просили убрать оружие, куда дело не дошло до беды.

Объяснялось подобное поведение ребят вовсе не тем, что в их семьях не уделялось должного внимания личным тренировкам своих отпрысков или склонностью к пацифизму. Были, наверное, и такие, но их было меньшинство, а все остальные, скорее всего, просто-напросто были

стрелками. Нет, не лучниками, ибо среди студенческой массы мелькали различные Робины Гуды, с колчанами и ненатянутыми луками, а владельцами разномастного огнестрела.

Дело в том, что его ношение было запрещено на территории кампуса, и всяческие пистолеты, а также прочие карабины с пулемётами, привезённые своими владельцами, изымались и хранились в оружейке. Ими можно было пользоваться исключительно на стрельбище, вот и приходилось любителям пустить пулю в голову ближнего своего носить непривычные для них острые игрушки, да ещё и в будущем обучаться их использованию.

К «Славянскому» меня подбросили на роскошном лимузине Ромушева мои новые лучшие «друзья» из этой шепутной семейки. Атмосфера в салоне царила мрачная, но мне по большому счёту было на это наплевать. Можно было, конечно, изобразить оскорблённую невинность и, отклонив предложение Виктора Анатольевича, добраться до концертного зала самостоятельно, однако я не стал этого делать. Времени оставалось не так уж и много, ноги топтать не хотелось, как, впрочем, и толкаться в переполненном трамвайчике.

Олег сидел красный как рак и постоянно стрелял в меня ненавидящим взглядом. Его отец переборщил с воспитательными мерами, и под глазом у парня наливался нехилых размеров синяк, к тому же он заставил сына извиняться передо мной, на глазах у ректора с дедом, что было совсем уж лишним. Сам Ромушев-старший сидел понурившись и всю дорогу не поднимал глаз от пола. Мне было даже немного его жалко. Не знаю, что уж там сказал ему старый хрыч, когда при всех, за ухо отволок этого взрослого и перепуганного до смерти мужика в сторонку, но кажется, это заставило его глубоко задуматься над проблемами бренности бытия и дуализма существования.

Кстати, пока мы ждали эту семейку, я получил нехилый такой втык от ректора за то, что скрыл тот факт, что являюсь нестандартным одарённым. Таких было слишком мало, чтобы выделять в отдельную группу, но всё же они иногда встречались. Чаще всего это были выходцы из древних родов, ещё домагической эпохи, когда на Земле была низкая концентрация нуль-элемента. Именно их раньше называли магами, волшебниками, чернокнижниками, оммёдзи, ведунами и прочими прозвищами, пугающими обывателя до мокрых штанов, зато вызывающих неподдельный и очень «горячий» интерес у собратьев-церковников.

Почему у «собратьев»? Да потому, что среди деятелей разных религий всегда хватало одарённых, и надо сказать, преследовали они разнообразных

чародеев не просто так, а вполне заслуженно. Просто до двадцатого века в нашем мире не было тех, кто мог бы подвести под магические практики научное обоснование и объяснить фанатикам с той или с другой стороны, что хорошими или плохими их делают их конкретные дела и поступки, а не противоборствующие силы: добра и зла, света и тьмы, Бога и Дьявола, к которым они якобы обращаются.

В Европе вообще со всем этим было туго. Впервые магию как науку попытались создать в Древнем Египте, но что-то пошло не так, и всё закончилось банальным выделением жречества в отдельную касту. В Древней Греции и в Древнем Китае, в Земле Израилевой и в Древнем Риме, у ацтеков и майя, да даже в нашем медвежьем углу и у соседей в Скандинавии – везде в разное время предпринимались попытки стандартизировать магическую практику.

Ближе всего к современной науке подошли в Индии, что сейчас признавалось повсеместно. Собственно, как в своё время заслуги учёных и философов античной Греции и Рима были отмечены в названиях и терминах в разных областях естественных наук, так и в магии многие значения были заимствованы напрямую из санскрита.

Мы называем чакры «чакрами», а не теми же «сигмами» или «нулевыми точками». Даже сохранили их оригинальные названия и базовое количество лепестков. Море Сансары – не стало «инфополем», да вообще-то много ещё чего именовалось именно так, как называли это в Древней Индии. При этом индуизмом, который был изначально тесно связан с этими значениями, страдали лишь некоторые личности со своими тараканами в голове.

Древние индусы хоть и считались, можно сказать, первооткрывателями магической науки, однако многого не знали, а в чём-то и вовсе заблуждались. Так что мало кто горел желанием напрямую приобщиться именно к индийской культуре и, натянув чалму, облизывать ритуальную скульптуру фаллоса Кришны или приносить жертвы многорукой Шиве.

Так вот, нас – «колдунов», как стали именовать подобных мне одарённых, обычно причисляли к «магам», однако, так как нас было мало, под каждый конкретный случай разрабатывалась специальная программа. А при моих семи открытых чарках и паталогической нелюбви к магии как таковой я становился настоящей головной болью для инструкторов обоих направлений. Потому как у меня всё работало чуть-чуть не так, как у нормальных учеников, и чтобы хоть чему-то научить такого, как я, и при этом не взорвать половину Москвы, им следовало основательно попотеть.

Влетело мне и за то, что я «потряс» домик девочек, а также повредил стену. Уж не знаю, откуда к ректору пришла эта информация, однако ругался он сильно, но как-то так, больше для порядка. Пришлось извиняться и пообещать, что подобного больше не повторится, а я впредь не буду устраивать нашим леди локальные землетрясения. Герцог Сафронов только отмахнулся и пробурчал что-то типа: «Все вы так говорите!»

А вот старый хрыч меня неприятно удивил. Дед всегда был умным и смекалистым гадом, так что он не стал пытаться пробудить во мне родственные чувства и тем более при посторонних людях лезть ко мне с предложениями подбросить внука на своей колыхаге. Знал ведь, что получит твёрдый и решительный отказ, вот и не стал позориться лишний раз. Но складывалось впечатление, что это не последняя наша встреча.

Выбравшись из машины первым, Олег тут же заприметил кого-то из своих приятелей и, поправив на поясе чуть съехавший чехол с нунчаками, молча скрылся в толпе. Я тоже вылез из салона лимузина, вежливо поблагодарив его хозяина и попрощавшись. Первокурсников уже начали запускать в зал, и дежурные вовсю формировали очереди, дабы избежать ненужной давки, так что я пристроился в хвост одной из колонн, совершенно не переживая, в отличие от некоторых ребят, что мне не достанется сидячего места. Нужно будет – постою полчаса. Не развалюсь.

– Привет! – окликнул меня сосед, улыбчивый темноволосый паренёк с карими глазами и простоватым лицом. – Игорь!

Он протянул мне руку, и я почти автоматически пожал её, гадая про себя, что ему от меня нужно.

– Кузьма.

– А я тебя сразу узнал, – сказал он, разглядывая моё лицо и периодически посматривая на медленно втягивающуюся в концертный зал очередь. – Это же ты Волкодава за шкурку оттаскал? Да не удивляйся ты так, меня там не было. Кто-то ролик вчера на ViewTube залил, там уже куча просмотров.

– Волкодава? Ромушева, что ли? – переспросил я, изогнул бровь. – Это у него кличка такая?

– Ну да, – усмехнулся парень. – Он у нас пафосный... Ты совсем новичок, если Волкодава не знаешь?

– Да, вчера днём приехал, – честно ответил я. – А ты здесь всё лето?

– Нет, с середины июля. Я в примоскворечной общаге пока живу.

– Пока?

– Ага, – он кивнул. – Как Большая Игра начнётся, собираюсь поднакопить деньжат и в отдельную хату переехать.

– А так можно?

– Конечно! В городе много квартир сдаётся. Было бы бабло в кармане.

Мы помолчали, медленно приближаясь к входу в здание, а я тем временем рассматривал своего собеседника. Чуть ниже меня и немного шире в плечах. На правой щеке тонкий застарелый шрам, а за пояс в хитрой обвязке из ремней заткнута катана без цубы с красной верёвочной обмоткой ручки и два коротких меча вакидзаси.

– В сети говорят, что Волкодав вызвал тебя на дуэль? – словно бы между делом поинтересовался новый знакомый.

– Не будет никакой дуэли, – я криво усмехнулся.

– Да? – он посмотрел на меня с куда как меньшим интересом, и даже голос его стал слегка холодным. – Значит, ты принёс ему извинения или отказал по адвокату? Правильно в общем-то, но...

– Было бы за что – извинился, – в тон ему ответил я. – Мы не гордые. Но вообще-то это я его милостиво простил. К вящему удовольствию ректора.

– Даже так?! – парень, похоже, серьёзно удивился. – Волкодав пошёл на попятную? Трудно поверить.

– Ну не верь, – безразлично сказал я, пожимая я плечами, – мне как-то...

– Хм! Значит, это правда... – сделал с чего-то такой нелогичный вывод Игорь и, на секунду задумавшись, пояснил: – Большая часть этой толпы немедленно возмутилась бы, если бы кто-то усомнился в их словах. Даже если бы это было ложью. Проверить-то, кто перед кем и как – сейчас ой как непросто. Значит, Кузьма, ты у нас крут? Стоит к тебе присмотреться.

Он улыбнулся и, подмигнув мне, хлопнул по плечу.

– Ладно, приятно было познакомиться! Ещё увидимся! – сказал он и, выйдя из толпы, зашагал вперёд, к самому входу.

Глядя, как Игорь подходит к группе первокурсников и быстро вливается в их компанию, я мысленно хмыкнул. Парень был просто «парламентёром», которого отправили задать парочку вопросов новенькому, дабы не спугнуть его, навалившись всей компашкой. Скорее всего, в ближайшее время следует ожидать новых переговорщиков с очередными вопросами.

– Почему при вас нет оружия? – услышал я справа. – Вы знаете, что это нарушение правил ношения формы!

Подумав, что обращаются ко мне, я повернулся на голос, но как

оказалось, вопрос был задан не мне. Высокая, с аккуратным каре старшекурсница, гордо носившая серый «железный» галстук с римской цифрой три, вышитой нитью того же цвета, но другим стежком, нависала над невысокой, хрупкой на вид девушкой, с тонкими чертами лица и светлыми золотистыми волосами, затянутыми в два длинных хвостика. Этакая «Сейлор Мун» отечественного разлива с красивым кукольным личиком и огромными серо-голубыми глазами. В руках она держала небольшой пузатый солнечный зонтик чёрного цвета, отделанный пышными кружевами, и непонимающе смотрела на грозную третьегодку.

– Молодой человек! И вы тоже! – а вот это уже было ко мне. – Где ваше оружие! По какой причине вы нарушаете правила колледжа?

– А вы, простите, кто? – я подошёл к ним, внимательно глядя на строгую девушку.

Сама она носила за спиной на перевязи нечто неудобоваримо большое, с длинной рукоятью, украшенной красной кисточкой на шнуре, которая торчала у неё из-за правого плеча. Какой-то странный и очень широкий... меч, что ли, но непохоже, чтобы это был двуручник или что-то подобное, потому как его лезвие было полностью скрыто спиной старшекурсницы.

– Юлия Орлова, дисциплинарная комиссия президиума Ильинского Полиса, – с чувством осознания собственной важности представилась она.

– Простите... – подала голос зайцеобразная девчонка с зонтиком. – Но ведь мы ещё не участвуем в «Большой Игре».

– Это совершенно не важно. Вы, как будущие граждане нашего государства, обязаны с первого дня обучения в колледже соблюдать все предписанные правила. Только таким образом вы сможете стать полноценными членами нашего общества. К сожалению, я вынуждена сразу же после окончания церемонии пригласить вас обоих в наш офис. Для серьёзного разговора.

Мы с «зайцем» переглянулись.

– Простите, – взял я слово, в то время как хвост колонны, в которой я стоял, уже почти полностью исчез в дверях концертного зала. – Но в таком случае вы ошиблись. Мы с...

– Нина, – подсказала мне обладательница зонтика, – Нина Святославовна Весомова.

– Мы с госпожой Весомовой вооружены по всем правилам, – я изобразил извиняющуюся улыбку. – Обратите внимание на то, что она держит в руках. Это же техножезл.

Действительно, в маленьких ручках у «зайца» был не просто зонтик от солнца, а меганавороченный и безумно дорогой боевой ПМК. Я за всю

свою жизнь видел только пару простеньких образцов и совершил бы такую же ошибку, как эта девушка-воин, если бы ещё раньше, во время разговора с Ильёй, случайно бы не заметил небольшой светящийся экран, вмонтированный в рукоять этого оружия. К тому же это явно был штучный, скорее всего, авторский экземпляр.

– А-а... – старшекурсница немного смутилась, потому как в этот момент молчаливая «зайка» убрала кисть с рукояти, открыв небольшой экранчик. – Прошу прощения, госпожа Весомова! А вы...

– Кузьма Ефимов, – представился я.

– У вас тоже? Техножезл?

– Нет, – я улыбнулся. – Я «воин», а не «маг». Показать?

– Если только вы не против... – с интересом произнесла девушка с каре, видимо, перед лицом опасных цацек, забыв, что является представительницей местного закона.

Обладательница зонтика тоже легонько кивнула.

– Желание дам для меня закон, – ухмыльнулся я и распахнул полы пиджака, продемонстрировав девушкам свою ременно-плечевую систему, в ячейках которой хранилось моё «основное» и «дополнительное» вооружение.

Видя непонимающий взгляд «зайца» и заинтересованно-ожидаящий воительницы, я отступил на пару шагов и быстрым, почти незаметным движением извлёк из-под подмышек два балисонга с кастетами на рукояти. После чего, не дав зрительницам как следует их разглядеть, привычно завертел ножи-бабочки, с улыбкой глядя на сверкающие глазёнки обоих девчонок. А они словно замороженные неотрывно следили за слившимися в ярко-белые диски лезвиями, в которые, периодически замедляясь, превращались в два хищно ощерившихся клинка.

Правда, мои манипуляции привлекли к нам ненужное внимание. В нашу сторону направилось сразу три патруля старшекурсников. Однако, видимо разобравшись в ситуации, ребята остановились, не доходя пару метров, словно перед уличным артистом, с интересом поглядывая на вращающуюся в моих руках сталь.

Коротенькое представление продолжилось, и я, резко ловко забросив уже сложенные клинки в ножны, так же быстро извлёк из поясных отделений две метровые телескопические палки, которые немедленно разложил. Просто так, пользоваться ими я, скажем честно, умел, но так, на уровне понимания того, как следует размахивать штуковинами подобной длины так, чтобы не запутаться в собственных руках. Если ножи – подарок Наставника, я привёз с собой, то эти штуковины были выданы мне уже в

колледже, по той простой причине – что, после вмешательства оружейников, они легко соединялись между собой, образуя шест.

Именно из-за него мне и пришлось вчера убить кучу времени на оформление различных бумаг, и даже привлекать Марину, как единственного знакомого мне человека в колледже, который мог бы одолжить мне немного местных эрзац-деньжат на оплату работы мастеров. Я поначалу вообще подумывал не заморачиваться и отказаться от «основного оружия» в пользу своих ножей, однако присутствовавший при этом инструктор по боевой подготовке оказался категорически против.

Его специально, оторвав от каких-то важных дел, вызвали по мою душу, так что я волей-неволей был вынужден прислушаться к мнению опытного наставника, тем более что один раз его помощь уже пришлась как нельзя кстати. Дело в том, что это «маги» могли позволить себе бегать исключительно с обычным ПМК, правда, правила всё равно обязывали их иметь при себе какую-нибудь острую железку. А вот «воинам» полагалось целых три оружия: дополнительное, основное и боевое.

С последним-то у меня и возникли проблемы, потому как требовалось выбрать, ни много ни мало, а то, каким именно огнестрельным оружием я буду учиться воевать. Я же, к своему вящему стыду, в стреляющих железках разбирался, как свинья в апельсинах. И это при том, что у нас в Чулыме почти у каждого охотника, которых было через одного на третьего, на руках находилось по два-три разномастных ствола, в том числе и нарезных. А у фанатиков так и вообще до десятка.

Спасибо папеньке за это! Пацифисту несчастному. Было у меня подозрение, что я единственный из пацанов в районе, кто вообще ни разу не держал в руках огнестрел. Хотя нет – был ещё один человек, чурающийся оружия, мой Наставник, правда, в его случае, даже если бы он вдруг собрался сходить на охоту, пукалки ему были бы не нужны.

Вот и получалось, что в своей сознательной жизни я стрелял от силы раз пять. И то из воздушки Иж-38, когда палил на соседском дворе с приятелем по баночкам. Как нормальный парень моего возраста, я, конечно, мог отличить АК-47 от М-16 или того же Steyr AUG, – а вот здесь откровенно растерялся.

Правда, не всё было так плохо, на выбор мне предлагались исключительно отечественные образцы, и первым порывом было попросить дать мне обычный «калаш»... Вот только какой? Самостоятельно советовать что-либо студентам мастера-оружейники не имели права и потому вызвали инструктора. Именно благодаря ему я стал обладателем АН-94 «Абакан», который очень... очень долго оформляли в

администрации, а потом тут же куда-то унесли, даже не дав поддержать эту взрослую игрушку в руках.

Так вот, там же мне посоветовали не валять дурака, и, если я что-то уже умею, не отказываться от этого, а продолжать развивать мастерство. Однако от обычного посоха «Бо» я наотрез отказался. Он был непривычного для меня размера, да и вообще таскать с собой повсюду двухметровую палку мне не хотелось. Отбраковал я и телескопическую версию, примерно по тем же самым причинам, хоть и складывалась она всего лишь в трубку метровой длины.

В результате совместными усилиями мы нашли приемлемое решение, в виде двух телескопических палок, которые обычно использовались практикующими некоторые японские стили фехтования студентами во время тренировок. Вот только для того, что мне требовалось, пришлось напрягать мастеров-оружейников. Подобные работы были не бесплатными, а у меня хоть и имелось при себе немного имперских рублей, на территории кампуса они не принимались. В кредит залезать у меня не было ровным счётом никакого желания, вот и пришлось напрягать Марину, потому как той суммы, что имелась на моём счету, банально не хватало. Вешать на себя лишние долги, занимая у Федосеевых, мне, конечно, не хотелось, однако я решил, что коль в колледж я попал не по своей воле и фактически неподготовленным, то ничего страшного.

Прокрутив несколько колец и простенькую восьмёрку своими палками, я под удивлёнными взглядами зрителей ловко соединил рукояти и, услышав щелчок запорного механизма, потянул получившуюся конструкцию в разные стороны, ещё больше увеличивая длину. На самом деле «телескопическими» все подобные предметы были лишь отчасти. Трубки состояли из укреплённого магией и утяжелённого, очень тонкого, да к тому же продольно сжатого металла. При активации они не просто раскладывались, а полностью восстанавливали исходные размеры, отчего сегментов требовалось значительно меньше, и они почти не отличались по диаметру.

В моём же случае оружейники нарастили ещё и массивный «замок», который действовал по тому же принципу и давал лишние пятьдесят сантиметров. Получавшаяся в итоге двух с половиной метровая жердина имела в середине небольшое утолщение и была в середине не идеально круглой, а овальной, так как состояла из двух тренировочных мечей, но это были мелочи.

Провернув пару раз посох над головой, я решил закругляться и гулко опустил один из концов на землю и гордо расправил плечи под взглядами

моих зрительниц. Выпендриваться перед девчонками – так делать это на полную катушку! В конце концов – я всего лишь переполненный гормонами шестнадцатилетний подросток, а потому мне подобное поведение позволительно. Как минимум иногда!

– Эй, парень! А не великовата ли у тебя палочка-то, – с подколкой произнёс зазорный, чуть хриловатый мужской голос, принадлежавший одному из патрульных.

«Ну да, – подумалось мне, пока я поворачивался в сторону говорившего. – То, что я его размерами компенсирую кое-что другое, ты, конечно, не сказал, но все всё поняли. Вон как девицы в кулачки захихикали».

– По мне так в самый раз, – ответил я, улынувшись. – Не комплекую.

Четвёртый курс, о чём говорил серебряный галстук с металлическим отливом. Парень был выше меня и также держал в руках посох. Стандартный двухметровый «Бо», к тому же сделанный, похоже, из какого-то дорогого дерева. У него было классическое, я бы даже сказал, красивое лицо с прямым римским носом, копна почти жёлтых ухоженных волос, стянутых на затылке в длинный конский хвост, а тёмно-серые глаза задиристо блестяли. Этакий дамский угодник и сердцеед, да к тому же с замашками альфы.

– Да? – он удивлённо изогнул бровь и тут же вернул мне ослепительно-белую американскую улыбку. – Правда, что ли? Ну ладно... тогда я нападаю?

Вопрос был риторическим и не требовал ответа с моей стороны. Он был воином, вроде четвёрочкой, и прекрасно владел своим оружием. Быстро, одним рывком, сократил дистанцию, приготовился начать с самого простого и очевидного – прямого тычка, явно давая понять, что играет, а не намерен биться со мной по-настоящему.

«Выпендриваться, так на полную катушку!» – мелькнула у меня ещё раз эта мысль, и тут же вспомнил, что именно по этой причине я обычно избегал подобного поведения.

Однако ударить в грязь лицом перед кучей девчонок, а их в патрулях было большинство, мне совсем не хотелось. Да и «зайцу», похоже, это представление пришлось по вкусу. Я же, в свою очередь, тоже парень молодой, возможно даже горячий... Да к тому же мне до смерти надоело строить из себя невесть что, скрывая свои силы!

Народ в моём возрасте живёт полной жизнью, делает глупости, совершает ошибки и веселится от души, а у меня в голове словно бы поселился мой Наставник. И он всё брюзжит, брюзжит от том, что следует

быть рассудительным и не нужно привлекать к себе внимания! Нет – понятно, что яблоко от яблоньки недалеко падает, но молодость-то бывает только один раз! Так не пошло бы оно всё пропадом! Я тоже хочу свою минутку звёздной славы! Тем более вон как у «зайки» глазёнки-то загорелись!

– Принимается! – ответил я и сам начал действовать.

Концы наших шестов столкнулись на взаимных тычках, гулко стукнувшись друг о друга, и от места удара разошлась слабая ударная волна от вошедших в соприкосновение выбросов силы. Это было не очень опасно, зато чертовски красиво, если, конечно, смотреть со стороны. Лёгким вращением я перебросил посох в привычную мне позицию длинной руки, и удары посыпались один за другим.

– Валя! Прекрати немедленно! – потребовала девушка с каре и со странным оружием за спиной.

– Да ладно вам, госпожа начальница! – ответил тот, бешено вращая свой посох и, отбивая мои короткие, но резкие удары, вновь попытался прорваться на среднюю позицию, в которой, по его мнению, моё длинное оружие оказалось бы менее эффективным. – Это всего лишь приветствие одного шестовика другим! Ничего более.

– У них же церемония уже началась!

– Да что там интересного! – возразил он, угодив в этот момент в расставленную мной ловушку.

Он очень хотел попасть на среднюю дистанцию, и я дал ему это сделать, вот только чего он добился? Мой шест резко скользнул назад и, крутанувшись всем корпусом, я вlepил с широкого замаха обратной его стороной прямо в середину его посоха, сконцентрировав дополнительную энергию в месте соприкосновения.

Естественно, что он легко заблокировал подобный красивый, но бесхитростный приём, также создав в точке удара сосредоточение. Если бы был хотя бы единственный шанс, что он его пропустит, я бы увёл его в сторону, потому как таким макаром легко можно было бы разрубить неподготовленного человека пополам.

Громыхнуло! Волна ветра прокатилась по площади, и нас отбросило друг от друга. Я ушёл обычным центральным вращением, быстро сбрасывая инерцию толчка, и, приземлившись, тут же встал в исходную стойку. А вот Валя или, видимо, всё же Валентин, которому прилетело куда как сильнее, чем мне, да ещё и слегка снизу, улетел дальше по пологой траектории. Правда, показывая класс воздушной акробатики, парень сам отпрыгнул от удара, а, уже находясь в воздухе, крутанул раз пять сальто-

мортале, так, словно бы шест был перекладиной турника.

Приземлился он тоже красиво, на ноги. Правда, его протащило ещё пару метров, но всё равно в этом маленьком представлении счёт оказался в его пользу. Скажем так – я был хорош, но у него получилось красивее.

Так что зрительские симпатии были на его стороне, мне же достался утешительный приз, в виде «зайца» и ещё одной девчонки-патрульной со второго курса, которые, пока мы танцевали, смотрели только на меня.

– Ну, всё! Хватит! – скомандовала девушка с каре и несколько раз хлопнула в ладоши, как бы положив конец поединку. – Вы, двое, быстро на церемонию! А с тобой, Валя, я в офисе серьёзно поговорю!

– А ты ничего, «юный падаван»! – произнёс четверокурсник, подходя, в то время как я уже разбирал своё шест. – Заходи к нам в комиссию вечером. Спросишь Валентина, посидим, пообщаемся!

– Загляну, – пообещал я, пожимая протянутую мне руку. – Кузьма.

– Ладно, Кузьма, жду, – улыбнулся он и подмигнул «зайке» с зонтиком.

Честно говоря, после этот внезапный поединок мне понравился. Я даже подумал, что, возможно, отправиться в колледж было не такой уж и плохой идеей. Уж куда как лучше, чем тянуть лямку в техникуме и всё своё рабочее время тратя на подработки. Я подошел к девушке Нине, и мы споро зашагали к входу в концертный зал, где у дверей курили несколько педагогов. Я заметил их ещё тогда, когда мы начали махаться с Валентином, и всё это время они внимательно наблюдали за нами, вовсе не собираясь вмешиваться и тем более загонять нас с «зайкой» на церемонию.

Собственно, это был первый раз, когда я напрямую столкнулся с местными реалиями студенческого самоуправления. Чуть позже мне довелось узнать, что порядки здесь сильно отличаются от привычной мне классической системы. Абитуриенты были вольны сами распоряжаться своим временем, и только от их решений зависело, будут ли они посещать занятия или нет. Взрослые просто наблюдали и делали выводы, а мы отчитывались перед ними на экзаменационных неделях, которые проводились здесь три раза за учебный год.

Глава 12

Подавив рвущийся зев, я повернулся и покосился на «зайку», сидящую рядом с моим плечом, на бортике, опоясывающем нижний уровень зала. Кресел нам, естественно, не хватило, впрочем, топтать ноги предстояло не в одиночку – в проходах и за задними рядами уже понабилося немало народу. Тут же нарисовалась небольшая проблемка – из-за своего роста девушка просто не видела того, что происходит на сцене, а вперёд было не пробраться.

Решение я нашёл, основываясь на древнерусских деревенско-церемониальных традициях: «Наглость – второе счастье!» и «Высоко сижу – далеко гляжу!», в виде расположенной у стены на высоте полутора метров приполочки, образованной крышкой длинного красиво оформленного деревом короба, закрывающего стойки вентиляционных вытяжек. Убедившись, что поверхность там чистая, я слегка шокировал Нину неожиданным предложением. Она, пару секунд подумав, милостиво согласилась, чтобы я её туда посадил.

Удивлённые и немного неодобрительно косившиеся на наши манипуляции молодые аристократы быстро оценили всю гениальность народной мудрости. Особенно оно понравилось женской части благородного собрания, и уже через пять минут короб напоминал жёрдочку, на которой весело щебетали раскрасневшиеся от собственной смелости птички голубых кровей.

– ...и я хочу представить вам председателя Президиума Высшего Совета Ильинского Полиса – Яну Павловну Малышеву! – проникновенно закончил свою речь проректор по воспитательной части, низенькая кругленькая женщина лет пятидесяти, уступая место за кафедрой красавице с копной длинных, слегка вьющихся волос «чайного» цвета.

Это было уже третье выступление. Для начала с нами коротенько пообщался ректор, затем представили учителей, и всех первокурсников быстренько посвятили в студенты. Потом началась тягомотина, связанная с внутривузовскими пертурбациями «Большой Игры» в нашем колледже. Вначале должна была держать слово госпожа председатель, а затем лидеры всех пяти политических фракций, традиционно существующих в Ильинском Полисе с момента его основания. После чего были запланированы ещё какая-то говорильня, связанная уже с внешними сношениями, а всё мероприятие должно было занять у нас три с половиной

часа и закончиться представлением послов дружественных студгосударств.

– Скучаешь? – спросила у меня «заяц», чуть-чуть наклонившись, так чтобы нашего диалога не слышали окружающие.

В непринуждённом разговоре мы как-то незаметно перешли на «ты», а когда поняли это, оба сделали вид, что так и нужно. Нину привезли в кампус прямо перед началом церемонии, поставили в конец очереди и оставили одну, чем собственно и было вызвано её слегка заторможенное состояние при нашей первой встрече. Правда, в отличие от меня, девушка сознательно готовилась к поступлению в колледж и заранее получила карточку, и даже знала, что её поселят в каком-то отдельном доме в самом центре города.

Я, признаться, такому изрядно удивился, так как это полностью расходилось с постулируемым принципом «равных начальных условий». Но оказалось, что всё в рамках закона. Срабатывало некое правило «Наследования», по которому отучившийся полный год мог передать одну десятую имеющихся у него материальных благ родственнику-первокурснику. Видимо, это послабление было введено потому, что трудно ожидать от близких людей неукоснительного соблюдения условий «Игры», как и того, что они будут игнорировать нужды друг друга.

В общем, всё было, как всегда, и при красивой обёртке балом продолжали править кумовство и связи, которым аккуратно придали лоск и официальный статус. Почти как в реальности, только «понарошку». У Нины в этом колледже на пятом курсе учился то ли родной брат, то ли двоюродный, который сумел нехило так развернуться и владел собственным поместьем и изрядной суммой в эрзац-рублях. Самого его в этом году отправили послом в японский Оммёджи-додзё, расположенный возле горы Фудзи, вот он и отвалил своей сестрёнке кучу бабла, а затем «сдал» ей это здание. Причём до этого хитрец из своих кровных оплатил различным компаниям на два семестра вперёд элитное обслуживание всех помещений дома и прилегающего к нему сада. Это было хоть и нечестно, зато по закону.

– Есть немного, – признался я, отрываясь от мыслей о несправедливости мира.

– Я тоже, – Нина грустно вздохнула и пожаловалась: – С детства не люблю я всю эту официальщину. Уж лучше бы мы остались во дворе...

– Думаешь? – я посмотрел в её печальные глаза и улыбнулся.

– Ага-а... – протянула она, с грустью глядя на сцену, где продолжала толкать речь симпатичная председатель.

– Может, сбежим? – предложил я, потому как мне как-то совсем не

улыбалось потратить кучу времени на выслушивание программных заявлений студиозусов-политиков, желающих на наших шеях въехать на председательский престол.

В конце концов, то, что сейчас они собирались заливать нам в уши, являлось всего лишь ознакомительными тезисами, которые, по сути, были рекламой партий местной игрушечной Думы и ничего не говорили о реальных программах, продвигаемых этими объединениями учащихся. Да и не собирался я лезть в эту степь.

– ...когда для вас начнётся «Большая Игра», все вы станете полноправными гражданами... – говорила тем временем госпожа председатель, и я с удивлением заметил, что она не читает текст по бумажке и не пользуется голосуфлёром.

– Давай! – в голосе «зайки» послышались озорные нотки. – Как Яна закончит, так и сбежим! А-то очень невежливо с моей стороны получится!

– Знаешь её?

– Да, – кивнула «зайка». – Почти с пелёнок. Она, кстати, молодец. Беспартийная самовыдвиженка, сделала себя в «Большой Игре» сама. Не в одиночку, естественно, но всё равно она очень ловко сыграла на разногласиях основных политических фракций и желаниях оппозиционного им меньшинства. А в результате перехитрила всех других лидеров, уведя за собой значительную часть электората, и была избрана председателем Президиума, на голову обогнав ближайших конкурентов.

– Даже так, – я ещё раз внимательно посмотрел на выступавшую девушку. – А ты разбираешься в политике? Местной, я имею в виду.

– Угу, – ответила она. – Да и учиться я буду в дипломатическо-политическом корпусе. А ты?

– А меня запихнули на юриста.

– Запихнули?

– Ну да. Моего желания здесь не спрашивали.

– Понятно! Суровый папенька?

– Ага... типа того, – я не спешил рассказывать о своём прошлом, да и она поступала так же.

Госпожа Малышева закончила выступление и слегка поклонилась. Зал взорвался аплодисментами, к кафедре поспешила пухленькая проректор, а я, аккуратно поставив «зайку» на землю, потянул её за руку к выходу из зала. Это был не жест фамиллярности, а необходимость, потому как народу понабилося, словно сельдей в бочке, а пропускать нас никто не спешил. Мне приходилось изображать из себя ледокол, так что, если бы я не держал Нину за руку, она, скорее всего, осталась бы где-нибудь посреди

студенческой массы. А так мы быстро выбрались на оперативный простор.

В фойе было пусто, только за стойкой, где подавались прохладительные напитки, копошился продавец, да в дальнем конце две девушки в форме кампусных горничных тёрли и без того чистый пол. А вот на крыльце, за стеклянной витриной, стояли четверо патрульных старшекурсников, явно поджидая тех, кто надумает, как мы, по-тихому слинять со столь важного и скучного мероприятия. Так что по-простому нам было не уйти.

– Не пройдем! – азартно резюмировала моя спутница, тоже заметившая дежурных. – Что будем делать?

– Прорываться верхами, – я мотнул головой в сторону одной из лестниц, ведущих на второй этаж. – Уверен, что там есть выход на крышу.

– Думаешь, они его не перекрыли?

– А зачем? – изогнул бровь я. – Мы же не в тюрьме, право слово. Так – присматривают, чтобы мы особо не разбегались...

– Ну-у-у... не интересно! – слегка надулась девчонка.

– А ты чего бы хотела? Вооружённого прорыва с горой трупов и продолжительной погони с кучей разбитых автомобилей? – усмехнулся я.

Девушка только озорно улыбнулась и неопределённо помахала зонтиком. Мы поднялись на второй этаж, прошли сквозь коридор, ведущий на забитые народом смотровые балконы главного зала, и тихонько прокрались мимо открытых дверей административного сектора, из-за которых слышались тихие разговоры. Лестница, пронизывающая всё здание насквозь, располагалась в застеклённой башенке-цилиндре, винтом взбегая по его внутреннему периметру. В центре же, с самой верхотуры и до установленного на первом этаже бассейна, свисал красивый трубчатый каскад, по которому со звоном сбегали разноцветные водные струи.

Естественно, что никакой охраны здесь не было. Зато мы встретили несколько групп студентов, как и мы уставших от продолжительной церемонии и оккупировавших диванчики в закутке рядом с торговыми автоматами. Они весело смеялись и были полностью поглощены своими компаниями, так что не обратили на нас ровным счётом никакого внимания.

Поднявшись по лестнице на самый верх, мы попали в хрустальный павильон, под прозрачной куполообразной крышей которого гроздьями свисали всё те же стеклянные трубки. По кругу здесь были установлены семь мраморных статуй полуобнажённых нимф в древнегреческих тогах, державших в руках небольшие амфоры с символическими изображениями чакр. Разноцветная вода, блестя на солнце, тугими струями била из их

открытых горловин. Не подчиняясь законам физики, они сплеталась в затейливый рисунок, чтобы затем со звоном обрушиться вниз.

– Красиво... – поблёскивая глазками, прошептала «зайка» Нина, и я кивнул, соглашаясь с её словами.

Налюбовавшись на игру лучей в разноцветных брызгах, мы, пройдя сквозь ажурный портал, оказались в разбитом прямо на крыше парке. Между деревьями то здесь, то там мелькали разрозненные парочки учащихся, которым приятнее было наслаждаться обществом друг друга, нежели слушать заунывные выступления со сцены заполненного народом здания. То, что у кого-то из первокурсников в колледже уже сложились столь тесные отношения к первому дню занятий, не вызывало удивления. Многие студенты провели здесь всё лето и вполне успели перезнакомиться друг с другом. И очень даже близко. Причём тот факт, что большинство из милующихся в тени каштанов и меж кустами сирени, скорее всего, были уже помолвлены, молодёжь не только не останавливал, но даже не смущал.

– Хм... – услышал я голос Нины и посмотрел на неё.

Девушка уже раскрыла свой зонтик и, слегка покраснев, гордо выпрямилась.

– ...Пойдём-ка отсюда побыстрее, – немного нервно произнесла она, – пока и нас с тобой не причислили к клубу носителей чужих тайн Полишинеля.

– Думаешь, нас примут за влюблённую парочку? – усмехнулся я.

– Если быстро не исчезнем отсюда, то слухи точно пойдут, – очень серьёзно ответила она и зашагала по мощёной дорожке в ту сторону, где было поменьше народу, старательно прикрывая лицо зонтиком, так, словно бы это могло спасти её от последующего узнавания. – Кстати, хотела спросить, но это немного личное. Можно?

– Валяй!

– А ты из каких Ефимовых будешь? – Голос её немного похолодел, так что я понял, что вопрос с подковыркой. – Из рода герцога Ефимова, губернатора Минска, или графа Андрея Никитича, у которого пищевой комбинат в Костроме? Не обижайся, если есть какие-нибудь бароны Ефимовы, то я о них просто не слышала...

– А вообще это имеет значение?

– Вполне возможно, – не стала скрывать она, и я увидел, как «зайка» передёрнула плечиками. – Сам, наверное, понимаешь, что при нынешних политических раскладах молодой девушке всегда полезно знать, с юношей из какой именно семьи её видели в подобном месте...

– Я не благородный. Сын приходского священника маленького

сибирского городка, – ответил я, прекрасно понимая, что на этом наши зарождающиеся приятельские отношения вполне могут закончиться.

Признаться, мне была даже интересна реакция «зайца» на моё происхождение. Как-никак, а она может многое рассказать о том, насколько весёлая жизнь ожидает меня в колледже. Конечно, это будет только её субъективное мнение, но что с того? Судя по манерам держаться и по тому, что она вскользь упоминала про официальные приёмы, Нина выросла в аристократической семье и может отождествлять собой определённый срез женской половины этого общества, как раз моего возраста.

А иметь представление о том, как на тебя реагируют девушки, на мой взгляд, было очень важно. Я же, в конце концов, не железный! В мои шестнадцать лет кровь уже даёт знать о себе, чувства бурлят, а гормоны сходят с ума, особенно в компании местных красавиц. Глупо думать, что я все пять лет буду стоически переносить подобные пытки, полагаясь на постоянный бубнёж Наставника в голове, раз за разом тянущего мантру успокоения, стоит мне подумать что-нибудь фривольное об окружающих меня девицах... тем более что от этого уже периодически болит голова.

Нет, варианты конечно же были, даже если не брать в расчёт носительниц голубых кровей. В конце концов, Ильинское находилось не на отшибе, а в предместьях Москвы, так что при острой необходимости я вполне мог прогуляться в самоволку к обычным девчонкам из простонародья, а то и вовсе посетить «социально неответственных» жриц любви. Но что-то мне подсказывало, что, полностью игнорируя местный слабый пол, я таким образом не спасусь от лишних проблем, а совсем наоборот, заработаю дополнительные. Например, репутацию «главного импотента кампуса» или того хуже. Нельзя ведь забывать, что ныне я нахожусь в исключительно молодёжной среде, и всегда найдётся особо одарённый клоун, который может начать распускать слухи, что, мол, «наш Кузьма не смотрит на девушек, потому что ему хватает козочек на ближайшей ферме!»

Да и вообще! Вдруг мне кто-то очень понравится? Вдруг я влюблюсь в какую-нибудь смазливую аристократочку? Что ж мне? Страдать по ночам в подушку? Нет, господа, увольте! В таком случае мы будем штурмовать города и рушить крепости, потому как на мнение её папеньки, желающего отдать мою неизвестную пока Джульетту какому-нибудь дону Хуану, мне будет просто-напросто положить! Так что всегда полезно знать, какую артиллерию готовить.

– Сын священника? – удивлённо переспросила меня Нина, резко остановившись, а затем приподняла зонтик и уставилась на меня широко

раскрытыми глазами.

– Да, отца Василия из Чулымского прихода храма Рождества Пресвятой Богородицы, Новосибирской митрополии, – я даже задержал дыхание, ожидая реакции, однако то, как повела себя «заяц», не мог даже предположить.

– Слава богу! – облегчённо выдохнула она и улыбнулась мне милой открытой улыбкой. – Значит, всё хорошо!

– И... тебя не смущает, что я не благородный? – немного удивился я.

Задавать другие родившиеся у меня вопросы я не стал. Незачем, не ко времени, да и не стоит выпрашивать у девушек то, чего они явно не хотят говорить. Будет время, захочет, скажет.

– Ни капельки! – фыркнула она, продолжив движение. – Знаешь... мой папа всегда говорил, что нынешняя аристократия всего лишь вынужденная мера, введённая для стабилизации общества после Третьей мировой и Первой Магической. По сути, все наши благородные господа всё те же простолюдины, только наделённые малой толикой власти и уже возомнившие о себе невесть что. По его словам, должно пройти ещё уйма времени, прежде чем сословия по-настоящему отделятся друг от друга. Если, конечно, такое вообще произойдёт. Всё же социальные лифты никто не отменял.

– У тебя мудрый отец... – уважительно произнёс я.

За разговором мы остановились у парапета, ограждённого изящной кованой оградой, и я посмотрел вниз. Почти от самой стены концертного зала и до моей общаги раскинулся огромный яблоневый сад, из зелёных крон деревьев которого то здесь, то там торчали крыши зданий, беседок и павильонов. Внизу дежурных не наблюдалось, и я очень сомневался в том, что они словно партизаны прячутся среди деревьев.

– Может, поищем пожарную лестницу? – предложил я, с сомнением поглядывая на маленькую фигурку «зайца» и её студенческую юбку, лишь слегка прикрывающую колени.

– Не стоит. Я и здесь смогу спуститься, – девушка верно оценила мой взгляд. – У меня есть нужное заклинание.

Произнеся это, она быстро нажала что-то на маленьком экранчике её ПМК-зонтика, и фигурка Нины окуталась мягким розовым свечением. Затем «зайка» вздёгнула носик, слегка покраснев, нахмурилась и красноречиво положила руку на подол.

– Только я пойду первой! – заявила она. – И отвернись, пожалуйста!

– Не вопрос! – ответил я, выполняя просьбу, и посмотрел в ту сторону, лишь когда услышал тихое шуршание.

Нины рядом со мной уже не было, она, словно Мери Поппинс, парила за оградой на своём зонтике, медленно по спиральной траектории опускаясь вниз. Легко оттолкнувшись, я перемахнул через кованые пики и приземлился рядом с оправляющей юбку Ниной. Посмотрев по сторонам, не засекли ли нас дежурные старшекурсники, мы не сговариваясь направились к одной из парковых дорожек.

* * *

Выбравшись из-за укрывавших её кустов сирени, Андре бросилась к ограде и, вцепившись пальцами в прутья, успела увидеть, как парень с девушкой скрылись под кронами деревьев. Раскрасневшаяся и тяжело дышащая француженка ещё какое-то время пристально вглядывалась в листву, силясь разглядеть их силуэты сквозь разрывы в зелёной массе, а затем, кое-что вспомнив, выхватила свой ПМК, полистала его экраны и почти зашипела от разочарования.

Заклинание, похожее на то, которое только что применила коротышка с хвостиками, ещё вчера утром у неё было загружено. «Падение пёрышком», простейшая вязь из базового комплекта универсальной сборки «На все случаи жизни». Там, конечно, не было «катапульты», перебросившей малявку через заборчик, но ведь Андре находилась в отличной спортивной форме, и перебраться на ту сторону для неё было плёвым делом!

Вот только вчера... Сильно разозлившись из-за комнаты в общежитии, она принялась с усердием готовиться к занятиям, вот и понесла её нечистая в Инженерно-информационный центр. В полученном ею ещё на прошлой неделе письме содержался список заклинаний, которые необходимо было загрузить на свой ПМК на первый день обучения. А так как в её устройстве был очень ограниченный объём памяти, к которому нужно было ещё привязать фамильяра, девушка взяла, да и удалила столь полезный набор бытовых заклинаний, перед тем как отдать девайс маджинерам. Теперь у неё с собой было то, что понадобится только завтра. А кто же мог знать, что «Падение пёрышком» нужно будет ей прямо сейчас!

Дёрнув пару раз в бессилии ни в чём не повинные прутья, так, словно бы это могло ей хоть как-то помочь, Андре развернулась и с вырвавшимся из груди тихим стоном разочарования прильнула к ним спиной, откинув голову, закрыла глаза. Совершенно не обращая внимания на появившуюся из-за деревьев парочку первокурсников.

В мыслях стоял жуткий кавардак. Сердце колотилось как бешеное, а на

душе было так муторно и тошно, что хотелось то ли удавиться, то ли самой удавить кого-нибудь. Например, ту самую коротышку!

Вообще, девушка не понимала, что с ней творится. Такой хаос эмоций, чувств и желаний она ощущала первый раз в своей жизни, а стоило ей посмотреть на своего соседа, как мысли и вовсе все куда-то выветривались, и она начинала вести себя как-то странно. Словно бы ею кто-то управлял.

Вот и сегодня утром – дав себе зарок игнорировать этого парня, придя на площадь перед концертным залом, Андре долго осматривалась, выискивая его в толпе, и ахнула от удивления, когда он вдруг приехал на лимузине с Ромушевым. То, что она себе навывдумывала за следующие пятнадцать минут, дало бы фору любой теории заговора, но всё это вылетело из головы, стоило ей увидеть, что случилось дальше. Теперь француженка не могла оторвать глаз от светловолосой коротышки с дурацкими длинными хвостиками и зонтиком, на пару с старшекурсницей наблюдавшими за Кузьмой, который хвастался перед ними своим оружием.

Ей он свои ножи не показывал! С чего это он вдруг решил, что ей это будет не интересно? А она бы с удовольствием посмотрела! Когда же он начал драться на шестах с каким-то парнем – сердце замирало после каждого удара, вот только досмотреть до конца ей не дали – началась церемония, и девушку вместе с остальными загнали внутрь. Она с группой других студентов оказалась на ближнем к сцене балконе и даже попыталась взять себя в руки, внимательно слушая то, что ей говорят... пока сверху не увидела, как Кузьма, подняв коротышку за талию, усадил её на какое-то возвышение.

От подобного бесстыдства со стороны незнакомки рыжая даже задохнулась! Нет, в самом этом действии, если бы оно было применено к ней, к Андре, не было бы ничего такого. Просто помощь от кавалера даме, не более... но не в этом случае! Девушка явно была из самой-самой распутной породы – теперь-то она это видела точно, а себя же Ле Жак почувствовала брошенным и забытым у порога щенком.

Последним аккордом стал тот момент, когда явно охмурённый чарами этой коротышки-вертихвостки Кузьма, держа её за руку, пробирався сквозь толпу к выходу из зала. В этот момент рыжая не выдержала и решила высказать этой лахудре всё, что думает, о её непристойном поведении. Правда, люди на балконе стояли очень уж кучно, да и аудитория не та, чтобы можно было протиснуться, вдоволь поработав локтями, так что, когда Андре наконец-то вырвалась из оков толпы и хотела было бежать к лестнице, она увидела спины этих двоих в дальнем конце коридора.

А вот почему в самый важный момент девушка вдруг спряталась,

вместо того чтобы подойти к ним прямо и открыто – она так и не поняла. Тайно крадучись за ними и стараясь не смотреть на Кузьму, так как прекрасно знала, что чужой взгляд ощущают даже воины первого ранга, она с ненавистью буравила глазами маленькую фигурку девушки, надеясь поймать их на горячем. Правда, что делать дальше, француженка ещё не придумала. И вот теперь девушка корила себя за вчерашнюю поспешность и неосмотрительность, не достойную мага её уровня...

Она повернулась и вновь посмотрела вниз. На тропинке, по которой только что ушли эти двое, стояла странная девушка в форме кампусной горничной, с крашенными в фиолетовый цвет волосами до плеч. Нет, конечно, каждый человек волен уродовать себя так, как того пожелает, но странным было не это... в руках она держала огромную снайперскую винтовку. С детства, благодаря отцу, прекрасно знакомая с оружием Андре без труда узнала Barrett M82 в самой-самой последней модификации «А-30» с удлинённым стволом, тяжёлым дульным тормозом и обалденной оптикой производства Французской Империи.

Но это было ещё не всё. На спине у незнакомки в жутковатого вида ножнах был закреплён огромного размера меч, который разве что не чиркал по земле, а на поясе красовались сразу четыре катаны. Наконец, когда фиолетовая повернулась и посмотрела на другую дорогу – на её груди рыжая увидела сверхнавороченный автомат Калашникова, в обвесе и с массивным глушителем. Понятное дело, что странным в этой студентке-горничной было не то, что она легко, словно пушинку, таскала на себе все эти железяки, а то, зачем весь этот металлолом ей вообще понадобился. Ведь та явно была сильным «воином».

Видимо что-то решив, вооружённая девушка зашагала вдоль здания, в сторону виднеющихся посреди парка крыш Арсенала. Поэтому Андре решила, что та просто несёт весь этот хлам в оружейку и, перестав думать о ней, вновь погрузилась в самокопание.

* * *

«Зайка» предложила пойти напрямик в одну из известных за пределами Ильинского кофейню, славящуюся своими пирожными, а потом наведаться в развлекательный центр «Медуза», расположенный на юге кампуса. Я же в свою очередь, будучи стеснённым в финансах и не имея привычки альфонствовать, предложил просто пройтись, ознакомиться с городом, потому как в различных заведениях побывать мы ещё сто раз

успеем. Ход, конечно, простенький, как говорится, «от бедности», но как ни странно – сработал. Тем более что в перевозном ларьке мороженщика, установленном в парке рядом со «Славянским», я подкрепил его покупкой двух рожков «Советского Ленинградского», после которых уже ни мне, ни Нине ни в какую кофейню не хотелось.

Слежку я заметил, когда мы любовались утками и лебедями возле пруда. Красивое было зрелище. Моя спутница с горящими от восторга глазёнками наблюдала за подросшими птенцами и их заботливыми мамашами, в то время как я краем глаза следил за не менее интересной персоной, пристроившейся в ветвях дерева за пару сотен метров от нас.

Чудо в перьях, решившее, что отныне оно будет зваться «Горный орёл», точнее орлица, и жить в гнезде, облюбовало удобную развилку в кроне высокого каштана и, держа в руках снайперскую винтовку, разобрать модель которой с такого ракурса я не мог, пялилось на нас через полевой бинокль. Причём замаскирована была девица по самые помидоры. Заклинания «Плащ иллюзии» и «Хамелеон» позволяли ей практически слиться с кроной дерева, и одновременно она активно отводила глаза при помощи какого-то воинского умения. Я, наверное, и не заметил бы её, если бы не вызывающе торчащее из листвы огромное лезвие китайского клинка, называемого «Чжаньмадао», что дословно переводилось на великий и могучий как «меч, разрубающий лошадь».

Не знаю уж, как эта горе-снайперша таскала подобную штукуну и почему не сняла её, когда полезла на дерево, однако та активно мешала ей, и девушка постоянно поправляла свою железяку, от чего ветки каштана то и дело судорожно потряхивало. Но смех – смехом, а подобный интерес к нашим персонам меня совершенно не устраивал. И если бы она попробовала взять нас на прицел своей пукалки, я не стал бы так просто стоять и делать вид, что люблюсь уточками. И одной сломанной игрушкой «птичка» бы не отделалась, разговор бы был долгим.

В любом случае, решив раньше времени не пугать Нину, я задействовал «Алмазную рубашку», воинскую защиту пятого уровня, пробить которую мог не всякий специализированный патрон с нуль-сердечником, и встал так, чтобы закрывать собой «зайца», а затем и вовсе поспешил увести её из парка на оживлённые улочки студенческого городка.

Гуляли мы почти до самого вечера, осматривая достопримечательности Ильинского. Посетили пару музеев, постояли на нулевой точке кампуса, возле величественного дворца ректората, пообедали в уютном домашнем ресторанчике, организованном двумя предприимчивыми студентками, и даже заглянули на выставку немецких

ретро-автомобилей, которую привезли в наш колледж студенты из Кёльнского Маджитета Германской Нации. Понравилось всё, кроме формы самих иностранных студизусов, которая уж больно походила на ту, что носили офицеры вермахта времён Великой Отечественной войны, только была не «мышинного» цвета, а бледно-синего с салатовыми вставками.

И всё это время непонятная снайперша неотступно следовала за нами, куда бы мы ни отправились. Её крашенная фиолетовым колером шевелюра, увенчанная белым чепцом кампусной горничной, костюмчик которой она по какой-то причине натянула на себя, постоянно мелькала на крышах соседних домов. Причём, похоже, что кроме меня её никто не замечал, что было немного странно, так как я прекрасно видел полупрозрачную фигуру. А уж когда она лихо перепрыгивала с одного здания на другое, под взметнувшимися юбками открывались такие интересные виды, что это ну никак не могло не привлечь внимания мужской части народонаселения кампуса.

Часам к семи вечера неутомимая «зайка» наконец выдохлась и перестала таскать меня за собой, изображая молекулу в постоянном броуновском движении. Я предложил проводить её до дома, и девушка уже в который раз милостиво согласилась. Тем более что сама она там бывала последний раз около года назад, когда приезжала к брату в гости, и это было её первое посещение данного особняка в роли хозяйки. Мы сели на трамвайчик, и он покати нас по шумным, оживлённым улицам, задорно позвякивая перед каждой остановкой.

– Ни фига себе хоромы! – присвистнул я, разглядывая четырёхэтажное, расположенное углом здание, с мансардой и небольшим личным садом, скрывающимся за коваными воротами с природным орнаментом и имперскими орлами. – Это ж кем нужно быть, чтобы заиметь подобный домик?

– Брат занимал должность министра иностранных дел Полиса при прошлом Президиуме, – дёрнула плечиками усталая Нина. – Он вроде как попал в опалу, после того как отказался поддержать Яну на выборах, вот его и разжаловали.

– Да... а наша госпожа председатель, как я посмотрю, суровая девушка!

– А в политике, даже масштаба «Большой Игры», по-другому собственно и нельзя! – «зайка» сложила свой зонтик и посмотрела мне в глаза. – Можно и нужно договариваться, идти на компромиссы, однако «прощать» никого не следует. Правитель всегда должен держать руку на пульсе и поощрять своих людей, перемещая остальные пешки так, чтобы

они приносили государству максимальную пользу, даже если стоят к нему в жёсткой оппозиции. Поверь, новое назначение ничуть не обидело Петра. Его поставили на один из самых важных для нас фронтов, да ещё и на такую должность, которая не оставляет ему другого выбора, кроме как играть на стороне нового председателя.

– В смысле?

– Очень просто, – улыбнулась она моей наивности. – Находясь за границей, он лишён возможности плести интриги здесь, чем собственно занимаются все местные власть имущие. При этом он по сути – лицо нашего города в поддерживающем нашу внешнюю политику Оммёджидодзё, а потому вынужден выкладываться по полной, чтобы обыграть послов других государств и не дать им разрушить намечающийся союз. Яна сделала простой и гениальный ход, при реализации которого министерский пост ушёл целиком и полностью её человечку, а Пётр был поставлен на куда как более ответственную и важную должность. Его вроде как и наказали, но при этом проявили уважение и даже высказали определённую степень доверия.

– Ладно, – я покачал головой, – мне всё равно в эти игры не играть, так что...

– Это ещё почему? – возмутилась «зайка» и даже остановилась.

– Потому что просто не вижу себя во всех этих игр... забавах. Я же тебе рассказывал, что попал в колледж по чистой случайности и что альтернативой для меня был только Корпус. Я не разбираюсь ни в политике, ни в экономике, да собственно ни в чём, что могло бы пригодиться Ильинскому Полису.

– И как же ты собираешься жить? – она слегка вздёрнула бровь, правда, в голосе девушки я не почувствовал ни раздражения, ни неприятия подобной позиции. – Думаешь перебиваться со стипендии на стипендию?

– Нет, Нина, – я грустно усмехнулся. – Я не лентяй, да и вообще так и от скуки сдохнуть можно. Думаю жить, как жил раньше. В кампусе, скорее всего, нужны и грузчики, и разнорабочие, а я ещё с сантехникой неплохо лажу и электриком подрабатывал. Правда, без лицензии. Найду, чем занять свободное время и...

– Нет, Кузя! – резко ответила она и куда как мягче добавила: – Так нельзя! У человека должны быть хоть какие-нибудь амбиции!

– Ну, амбиций-то у меня хоть отбавляй, но...

– Никаких «но»! – она нахмурилась и, поставив зонтик у стены, подошла ко мне и совершенно неожиданно взялась за мой галстук. – Так, стой смирно!

Развязав эту удавку, «зайка» в несколько движений разгладила замявшуюся ткань.

– Кто тебя учил так галстук завязывать? – пробурчала она, ловко делая новый узел.

– Никто... – честно ответил я. – В раздевалке инструкция на стене висела, вот я и...

– Вот именно что «никто», – грустно произнесла она и, затянув петлю на моей шее, похлопала своей маленькой ладошкой по языку на груди. – Ты хороший парень, Кузьма. Поверь мне, я это вижу. Но скажи мне честно, тобой ведь родители в детстве почти не занимались? Так ведь?

С чего это вдруг аристократка завела душеспасительную беседу, я не понял, но признаваться в том, что я действительно рос один и многому учился сам – не хотелось. Она ведь не знала нашей ситуации, не объяснять же этому «зайцу», что отец после того как я сказал, что не хочу идти по его стопам, меня вообще не воспринимал, а матушка выбивалась из последних сил с младшими.

– У меня был хороший Наставник, – ответил я, заметив, как из параллельной улицы вывернул чёрный автомобиль и направился в нашу сторону.

– Это не то. Воспитатели родителей не заменят, – грустно произнесла «зайка», забирая свой зонтик. – Ты сейчас, видимо, воспринимаешь «Большую Игру» не как старт во взрослую жизнь, а как нечто несерьёзное. Так – развлечение для детишек голубых кровей. Так ведь?

Я промолчал, не желая говорить очевидные вещи. Лично для меня было предельно ясно, что всё это – оторванная от реальности чепуха. Детские игры в ограждённой стеклом песочнице, участвовать в которых мне не хотелось.

– Ты слишком быстро вырос, Кузьма, – девушка покачала головой, от чего её хвостики задорно закачались. – Вот тебе и кажется, что всё нематериальное и на первый взгляд ненужное и глупое тебя не касается...

От дальнейшего разговора меня спас остановившийся возле нас автомобиль, который привлёк внимание Нины. Признаться, я был этому рад. С одной стороны, я очень не любил нравоучительных бесед и обычно быстро ставил на место таких вот знатоков жизни, а с другой – мне очень не хотелось обижать эту приятную во всех смыслах девчушку и портить отношения с ней в первый же день после знакомства.

Так что для себя я решил списать этот разговор на общую усталость моей спутницы и поскорее забыть. Тем более что из открывшейся двери машины вылез не кто иной, как герцог Сафронов собственной персоной.

– Так-так-так! Кого я вижу. Ефимов и Весомова. Почему я не удивлён? – со вздохом произнёс ректор, глядя на нас. – Что же это вы, дамы и господа, церемонию-то прогуляли? А? Ребята старались, речи готовили, а вы взяли и сбежали! Нехорошо!

– Ваша светлость, – я слегка поклонился и пожал внезапно протянутую мне руку, «заяц» же сделала лёгкий книксен, и старик с улыбкой кивнул ей.

– Так что? Как оправдываться будете?

– А нужно? – спросил я.

– Тебе-то нет, но кое-кто из выступающих был очень расстроен вашим отсутствием в зале, юная леди.

– Переживут, – фыркнула «зайка». – Я была важна им только из-за моих родственных связей.

– Ну зачем же так прямолинейно, – вздохнул ректор. – Вы, молодые люди, на время-то смотрели? Уже почти половина восьмого... Госпожа Весомова, напомните мне, пожалуйста, во сколько мы с вами договаривались встретиться?

– Ой! – девчушка жалобно посмотрела на меня.

– Простите, ваша светлость, это целиком и полностью моя вина... – начал было я, но Сафронов просто отмахнулся и буркнул:

– Яблочко от яблоньки... Так. Ефимов. Подойдешь завтра с утра ко мне в офис, есть к тебе разговор серьезный. Да не смотрите так на меня, Нина Святославовна, наказывать этого оболтуса поздно... в детстве уже перестарались.

– Хорошо, – кивнул я. – К которому часу мне быть?

– Давай к восьми. Разговор обещает быть долгим. А вас, Весомова, прошу в мою машину. Вижу-вижу, что нагулялись, устали, но сами понимаете – дела. Так что прощайтесь с вашим кавалером и поторапливайтесь!

«Зайка», во время диалога сверлившая меня ставшим вдруг жёстким взглядом, тяжело вздохнула и требовала с меня обещание завтра после занятий встретить её у фонтана политдипломатического корпуса, благо что мой юридический был не далеко, и, кряхтя словно столетняя старушка, полезла в салон. Признаться, я был немного удивлён её просьбой, особенно в свете состоявшегося только что разговора. После подобных бесед девушки обычно завуалированно говорили «прости и прощай». Впрочем, то было в основном связано с делами матримониальными и поиском «достойной, ну или хотя бы перспективной, пары», а у нас наклевывалось что-то типа дружбы, и я вовсе не стремился как-то форсировать ситуацию.

Автомобиль тронулся и уехал, свернув на ближайшей улице в сторону центра города. Полупрозрачная девушка-горничная, сидевшая на крыше, проводила его взглядом, а затем, сложив пальцы на манер пистолета, сделала вид, будто выстрелила в меня. Подобное было уже откровенной наглостью со стороны неизвестной, а потому, когда я через долю секунды оказался прямо перед ней, она от удивления отшатнулась и чуть было не упала на пятую точку.

Глава 13

Постучав, я потянул на себя створку двери и аккуратно заглянул в приёмную. Секретарша оторвалась от монитора и строго посмотрела, а затем улыбнулась, видимо вспомнив, что вчера меня видела.

– Здравствуйте. Мне назначено на восемь.

– Ефимов? Кузьма Васильевич? – на всякий случай переспросила она, сверившись с данными на мониторе.

– Так точно, – улыбнувшись в ответ, я подошёл к столу.

– Проходите в кабинет, его светлость вас ожидает, – девушка кивнула на вход в логово своего босса.

– Спасибо, – слегка поклонившись, я положил на стол небольшую коробочку шоколадных конфет фабрики «Красный Октябрь», приобретённую в ближайшем магазинчике. – А это вам!

– Ой! Да что вы... – она даже покраснела и отвела глаза. – Не стоило!

«Стоило, милочка! Стоило! – Я хоть ещё имел мало житейского опыта, но одно знал точно. – Хочешь наладить хорошие отношения с начальником – прикорми его секретаршу!»

– Как ваше самочувствие? – вместо ответа вежливо поинтересовался я. – Вам оказали помощь?

– Всё в полном порядке! – она ещё раз улыбнулась, убирая коробку в ящик стола. – Спасибо!

– Не за что, – я кивнул и направился в кабинет ректора.

Андрей Иванович, как и в прошлый раз, сидел за своим столом. Стук в дверь, видимо, оторвал его от работы с какими-то документами, но увидев меня, он кивнул и отложил их в сторону.

– А! Ефимов! Проходи, Кузьма, не стесняйся!

– Доброе утро, ваша светлость, – я коротко поклонился, ступая на мягкий ковёр, которым был застелен пол, и мельком покосился в уголок с креслами, где в прошлый раз восседал мой дед.

Слава богу, сегодня хрыча там не наблюдалось. При моём приближении герцог привстал и протянул через стол мне руку для рукопожатия. Не знаю, то ли он со всеми учениками так здоровался, то ли сказывалось знакомство с моим стариком, но заморачиваться, размышляя на подобные темы, я не хотел.

– Доброе, доброе, – усмехнулся он, вновь возвращаясь в своё огромное кресло. – Ты присаживайся, в ногах правды нет. Вон, у стены стул возьми.

Дождавшись, пока я расположусь поудобнее, он несколько секунд смотрел на меня, а затем, вздохнув, заговорил.

– Ну, что ж, Кузьма. Поздравляю тебя с первым сентября. День знаний как-никак!

– Спасибо, ваша светлость.

– Для начала поговорим о важном, но не главном. Это хорошо, Кузьма, что ты с Весомовой подружился. Дружите, дело молодое. Отец её добро дал, я вчера с ним вечером разговаривал... Он, кстати, тоже за тобой приглядывать будет. Заинтересовал ты его, – он пронзил меня своими серыми глазами. – Но только смотри мне, Кузьма! Девочку обидишь – лично шкуру спущу! А то знаю я ваше митрофановское племя... Ты меня понял?

Я только кивнул, мол: «Всё понял!», а сам в то же время задумался, кто такой этот Святослав Весомов и чем, собственно, я мог его заинтересовать. Этого имени я никогда в жизни не слышал, а расспрашивать «зайца» о родственниках не стал. Да и вообще, по сути, эта игра была в одни ворота, Нина выпытала из меня всё, что я решил ей сказать, и даже немного того, о чём предпочёл бы промолчать, а о себе девушка говорила крайне мало, впрочем, я и не настаивал.

Кстати, о зайцах. Моя новая знакомая почему-то упорно ассоциировалась у меня именно с обаятельным детёнышем этого ушастого зверька, а не с каким-нибудь кроликом. Не знаю почему, но на последнего она, на мой взгляд, ну никак не походила. Хотя в чём различие, я не мог понять и сам.

– Вот и хорошо. Так, с этим разобрались, – он откинулся на спинку кресла и, покопавшись в ящике стола, достал оттуда дорогую сигару. – Не против, если я закурю?

– Никак нет, ваша светлость.

– Вот же заладил, как попугай, «ваша светлость», «ваша светлость». Называй меня «Андрей Иванович», а то достали уже все со своими «светлостями». Поговорить нормально не с кем.

– Как скажете, ваша све... Андрей Иванович, – мне оставалось только пожать плечами.

– Кстати, ты знаешь, что твой дед официально сам герцогом значится? А ты в реестрах записан как его единственный наследник? Так что светлость она не только наша, но и ваша.

– Ну... я что-то слышал краем уха, что хры... старику предлагали стать аристократом, но без подробностей, – нахмурился я, так как подобная перспектива меня совершенно не радовала. – Но я думал, что он от титула

отказался? Да и вообще, я вроде как под деми-опекунством Александра Павловича.

– Отказали вчера Федосееву в прощении, – Сафронов выпустил в сторону струю густого дыма. – Слишком много Саша захотел. Обойдётся, и да, не волнуйся, взнос за твоё поступление ему вернули, так что ты ему теперь ничего не должен.

– С чего бы это? – я нахмурился. – Если это интриги...

– Да ни при чём тут Мастер, – отмахнулся герцог. – Шефство над тобой сам Император перехватил. Негоже простому графу герцогского внука в вассалах держать. Тем более – фактического Аватара, пусть и не квалифицированного. Жирновато будет.

– Старик не принял титул, – повторил я.

– А какая разница? Принял, не принял... – хмыкнул ректор. – Он человек старой, ещё дореволюционной закалки, коммунист до мозга костей, да ещё и упёртый не в меру. Себя он может считать кем угодно и сколь угодно долго, а в Канцелярии тем не менее он проходит как герцог Митрофанов, и сделать с этим он ничего не может. Он не принимает титул, а Император не принимает его отказ. Они уже так лет тридцать каждый год пинаются.

– И всё равно, – я упрямо мотнул головой. – Я Александру Павловичу слово дал за его девочками присмотреть!

– Дал – так держи! Кто мешает-то. А вот распоряжаться тобой ему никто не позволит. Не его это уровень, Кузя.

– И что я теперь? Могу быть свободен? Мне собирать вещи?

– С чего бы это? – удивился герцог и даже подался вперёд.

– Ну, если оплату за колледж вернули, – пожал я плечами. – У меня нет таких денег, да и не было никогда.

– Тебя теперь содержит Имперская Канцелярия, – Сафронов расслабленно откинулся на спинку кресла. – Или может, ты просто не хочешь учиться, вот и ищешь повод уйти?

– Да почему, хочу, но...

– «Но»? – вопросительно вздёрнул бровь ректор.

– Я как-то никогда не видел себя законником, – наверное, впервые я честно озвучил своё мнение. – Не моё это, Андрей Иванович.

– А зачем же тогда на юридический пошёл? – поднял бровь в притворном удивлении мой собеседник.

– Куда сказали, туда и пошёл, – я в ответ якобы удивился его непонятливости. – Типа у меня выбор был. Вроде в колледже мест-то других не было.

– Ну, Шурик, зараза хитрозадая! Вот значит, ты что задумал, – пробурчал себе под нос ректор. – Хорошо – этот вопрос решаем, тем более что частично из-за него я тебя и пригласил. И чтобы нам не попасть впросак скажи, сам-то ты кем себя видишь?

– До всего этого я в Новосибирском профессионально-педагогическом учился, на тренера по раскрытию первой-второй чакры. И о другой профессии как-то не задумывался... не знаю даже...

– Понятно... сам поступал?

– Сам, – честно соврал я, совершенно не желая, чтобы герцог узнал, что и туда меня запихнули с подачи Наставника.

– Хорошо, но какие-то мечты у тебя есть? Расскажи мне о своих планах на будущее. Если ты сам решить не можешь, чем заняться – вместе подумаем.

Вздохнув, я немного поломал голову, а затем махнул мысленно рукой и рассказал ректору о своей главной цели в жизни. Что хочу стать командиром отряда сталкеров или наёмников и отправиться с ними исследовать украинскую Зону. Что с детства мечтал побывать на руинах Киева, посмотреть на Чёрное море с заброшенной и оплавленной магическим огнём пристани в Одессе, увидеть обитающих там странных существ, а также найти порталы в другие миры. Быть может, мне даже удалось бы посмотреть на таинственных эльфов, рыцарей и прочих драконов, которые иногда проникают в Зону из других, неведомых нам реальностей.

Эльфы... Познакомиться с одним из представителей этой фантастической расы я мечтал, пожалуй, с самого детства. По сети гуляло множество заснятых сталкерами роликов с этими гостями из иных миров, словно бы сошедших со страниц фэнтезийных романов. Вот только, насколько я знал, ещё никому не удавалось захватить этих ушастых живыми или хотя бы поговорить с ними. Гости из других миров либо быстро растворялись в воздухе, так, словно бы были обычными слабенькими иллюзиями. Порой они уходили в тот же портал, сквозь который пришли, но чаще всего их просто не получалось взять живыми, потому как они либо дрались до последнего, либо совершали самоубийство.

Помимо эльфов, в Зоне попадались и другие, тоже названные в честь фэнтезийных рас. Здоровяки, прозванные «орками», низкорослые и коренастые «дворфы» или малыши «хоббиты», а также прочие сказочные существа. Год назад так и вовсе прогремела самая настоящая сенсация, о которой долго трубили все новостные агентства. Вроде как наёмникам из

Турко-Османской Империи удалось захватить небольшую группу людей-воинов, пришедших в Зону через портал. Правда, из достоверных подтверждений этого факта было только распространённое в сети видео скоротечного боя. Блистательная Порта долгое время отмалчивалась, а потом и вовсе заявила о том, что ролики были постановочными, и никаких живых иномирян у них нет.

В общем, я рассказал ректору всё о своих мечтах и чаяньях. И хотя ожидал, что он посмеётся над наивным юнцом, но Андрей Иванович неожиданно для меня отнёсся к моим словам очень серьёзно.

– Я понял тебя, Кузьма. Признаюсь, не самая плохая мечта, но об этом чуть позже. А пока давай сделаем так. Мы тебя с гражданской на военную кафедру переведём, тем более что я слышал, будто боец ты знатный. А там уже сам выберешь, куда тебе дальше двигаться. У них первый курс одинаковый для всех – общая подготовка, по большому счёту мало чем отличающаяся от обычной школы, а специализацию при переходе на второй выбирают. Договорились?

– Договорились... – прозвучало как-то неуверенно, и ректор сразу же это заметил.

– Ты смотри! Если не хочешь – не мнись, прямо скажи! Это должен быть исключительно твой выбор, потому как неволить тебя здесь никто не будет. Хочешь – дизайнером становишься, хочешь – врачом или кем-нибудь другим – все дорогим открыты. В спину толкать и указывать, что и как ты должен делать, права не имеет даже сам Император. Я, кстати, с Федосеевым ещё поговорю... тоже мне умник нашёлся! Так тебе список специальностей дать?

– Не нужно список. Я не против военной кафедры, – поспешил ответить я. – Такой выбор меня вполне устраивает.

– Ты только смотри, – предупредил он меня, – юриспруденцию там тоже преподают!

– Переживу.

– Вот и хорошо, – он нажал на какую-то кнопку у себя на столе и, слегка наклонившись к его поверхности, отдал несколько коротких распоряжений, а затем спросил: – Лариса, ты всё поняла? ...Хорошо, будь добра, до девяти всё организуй.

– Будет сделано, Андрей Иванович, – ответила установленная на столе статуэтка феи с хрустальными крылышками голосом секретарши.

– Так, Кузьма, эту проблему мы решили. Жить будешь в том же общежитии, куда вселился, так что не забивай себе голову. А теперь давай поговорим немного о более насущных вещах, – он встал и, подойдя к окну,

несколько секунд молча смотрел на главную площадь города, а затем повернулся ко мне. – Исследовать Зону это, конечно, хорошо, но ты, друг мой – Аватар, и не простой, а ко всем прочему – «колдун», что несколько усугубляет твоё положение. Так что мне довольно странно слышать от такого разумного молодого человека пространные рассуждения о некой гипотетической «свободе», которую ты мечтаешь обрести в будущем.

– Простите, я не очень понимаю, о чём вы... – я немного удивился столь резкому переходу.

– Я к тому, Кузьма, что такие люди, как я, ты или твой дед, изначально не свободны, и наши жизни целиком и полностью принадлежат государству. Фактически мы – это оно и есть. Плоть и кровь Российской Империи, тот альфа-фактор, благодаря которому наша страна ещё существует.

«Вот блин... ну началось, – подумал я, изо всех сил стараясь, чтобы мои мысли не отразились на лице. – Только политпатриотической накачки мне сегодня с утра и не хватало для полного счастья».

День вообще начался... странно. Хотя на самом деле различные непонятки стали происходить ещё вчера вечером. В свою комнату я вернулся далеко за полночь, вдоволь налюбовавшись ночной жизнью Ильинского Полиса и по достоинству оценив все прелести переезда из общежития в самую захудалую, но частную квартиру. В то время как в нашем режимном объекте ровно в одиннадцать часов вечера играли отбой и начинали строго карать провинившихся, ночная жизнь в городе только-только набирала обороты.

В кампусе имелись развлекательные заведения на любой вкус и даже такие, которые обслуживали исключительно совершеннолетних клиентов. Признаться, я был шокирован, увидев на одной из улочек, недалеко от ректората, вывеску самого настоящего «Стрип-бара», но это ещё были цветочки – тут нашлось место натуральному казино, и даже не одному. А уж о дискотеках, разнообразных ночных клубах, кинотеатрах, развлекательных центрах и прочих боулингах с бильярдными и говорить не приходилось.

При виде этой блестящей круговерти жизнь по расписанию сразу блекла и превращалась в настоящую каторгу. Так что, воспользовавшись правилом «не пойман – не вор» и надеясь, что комнаты в нашей общаге не обходит ежедневно после отбоя какой-нибудь строгий куратор, я, совершенно не обращая внимания на время, продолжил знакомство с Ильинским Полисом, прерванное расставанием с «зайцем» и гонкой по крышам за сумасшедшей горничной.

Домой возвращался через открытое окно в коридоре восьмого этажа, без приключений добравшись до своего номера, но открыв дверь, был вынужден тут же её захлопнуть. Ибо в комнате, прямо перед прихожей, спиной ко мне стояла рыжая, из одежды на которой были только чёрные кружевные трусики, способные вскружить голову любому фетишисту. Понимая, что вернулся не шибко вовремя, я вошёл, только дождавшись, когда в ванной зашумит вода, и остановился на пороге.

Вся спальня была художественно закидана предметами женского туалета. Пожалуй, только моя кровать избежала подобной участи, в отличие от рабочего стола и стула. На мониторе же компа Андре сладострастно совокуплялись какие-то люди, под навязчивую и пошлую медленную музыку, жёстко ассоциирующуюся у меня с чем-то французским и очень развратным.

Мне оставалось только хмыкнуть, пожать плечами и, быстро раздевшись, завалиться спать. Соседка у меня девушка почти взрослая, так что не мне её осуждать за вкусы в этих делах. Вот если бы подобные пристрастия проявила бы Марина, я бы очень удивился, а так... То, что гендерные проблемы нас ждут, я предполагал заранее, а потому просто отвернулся к стенке и быстро уснул, предоставив Андре возможность заниматься тем, чем она пожелает.

Утром же я проснулся как обычно, вот только открыв глаза, обнаружил на своём одеяле лежащий чуть ниже моего живота голубенький кружевной лифчик. Что он там делал – ума не приложу, но когда я встал с кровати, аккуратно подняв его, из ванной тут же пулей вылетела Андре в одном банном полотенце на голое тело и, прострелив меня яростным взглядом, вlepила такую пощёчину, что если бы я не успел снять защиту – всене непременно сломала бы себе руку.

Хорошо хоть красного следа её ладошки на щеке не осталось. Всё-таки регенерация у меня работает неплохо, однако отбитое место до сих пор ныло, напоминая о моём «якобы» прегрешении и о немедленном кармическом возмездии за него.

– ...Так вот, Кузьма, пойми, государство – это мы! Маги «Аватары» и воины «Воеводы» на службе у Его Величества, – продолжал тем временем ректор. – И для нас, уж так получилось, не существует никакой «свободы», потому как мы всегда либо за свою страну, либо против неё!

– Подождите! – не очень вежливо перебил я его. – То есть вы хотите сказать, что если я вдруг решусь перебраться, например, в Североамериканскую Либерократию, то меня просто не выпустят из страны? А если я всё-таки сбегу – попытаются найти и убить как

предателя? И вы действительно думаете, что подобными безрадостными перспективами можно заставить человека любить свою Родину?

– Попытаются, Кузьма, – герцог грустно посмотрел на меня. – Обязательно попытаются, можешь не сомневаться... и не только наши чекисты. Ты ещё очень молод, к тому же вырос в немного не подходящей для тебя среде, а потому сейчас видишь всё в чёрно-белом свете. Смотри, ну вот убежал ты в САЛ, и как ты представляешь там свою новую жизнь?

– Ну-у, не знаю... поселюсь в каком-нибудь маленьком городке, обзаведусь семьёй... но это не главное! Важно, что надо мной не будет больших начальников, и никто не будет говорить мне, что делать и как, – выпалил я. – Вы только, Андрей Иванович, не подумайте, что я действительно намереваюсь в Америку перебраться. Про то, что я хочу и куда стремлюсь, я вам уже рассказал.

– Да я не думаю, Кузя, не волнуйся. Просто объясни мне одну простую вещь?

– Какую?

– Почему ты думаешь, что американский Президент должен оставить тебя в покое?

– В смысле? – не понял я вопроса.

– Смотри, ты же в курсе того, что у нас до сих пор есть арсеналы ядерного оружия?

– Да.

– Ну так вот. А теперь представь, что живёт в Техасе фермер Джон, а у него на ранчо имеются штук сто пусковых шахт межконтинентальных баллистических ракет. Снаряжённых и готовых к удару, в том числе и по самой территории САЛ, если вдруг Джону что-нибудь не понравится в поведении мистера Президента. Причём об этом все знают. Как ты думаешь, дадут ли нашему Джону и дальше спокойно разводить лошадок и выращивать помидоры?

Не дурак. Аналогию понял, а потому глубоко задумался над словами ректора. После чего наконец спросил:

– То есть вы хотите сказать, что меня не оставят в покое в любом случае?

– Правильно. Не хочешь работать на Родину, станешь служить другому государству. Скажу иначе: не служить – прислуживать, потому как там ты никогда не будешь «своим». Да и «клеймо предателя» в глазах своих новых товарищей ты не отмоешь, даже если будешь очень стараться во благо Америки. Там же совсем не дураки сидят и знают, что один раз предавший способен сделать это ещё раз. К тому же откуда они могут знать, что ты на

самом деле не засланный казачок? Может быть, всё это одна большая спецоперация Имперского КГБ, а у тебя задание – уничтожить их одарённых седьмого уровня?

– Всё так плохо?

– Да нет, – ухмыльнулся ректор. – Жрать деликатесы будешь от пуза. Но тебя что? Здесь плохо кормят?

– В столовой общаги та биомасса, которую называют едой, – отвратительна, – в свою очередь улыбнулся я.

– А ты большего пока не заслужил, – хохотнул Сафронов.

– Верю, – грустно вздохнул я. – То есть вы хотите сказать, что в любой стране мира мне придётся делать то же самое, что и дома, так почему бы не трудиться во благо Родины?

– Не в любой, – мгновенно помрачнел герцог. – Знаешь почему, например, у Испанской Короны нет одарённых седьмого уровня?

– Почему?

– А потому что бонапартистам в соседней Франции не нужен был сильный западный сосед. Мы не бессмертны, Кузьма, хотя и очень могущественны, и управу на Аватар и Воевод уже давно нашли. Маленькие страны с подобными людьми никому не нужны. Кого-то переманивают, кого-то убивают, а кого-то выдают сами правительства их стран после первого же намёка могучего соседа. Вот только в твоём случае есть ещё одна угроза.

– Это какая?

– Ты, Кузя – колдун.

– Ну и что?

– А ты никогда не задумывался над тем, с чего вдруг родилось «Экономическое чудо» Китая? Как так получилось, что бедная страна быстро разбогатела? На чём строится их Лунная программа?

– Дешёвая рабочая сила, – я пожал плечами, – пиалка риса за восемнадцатичасовой арбайтен. К тому же, насколько я знаю, перед войной туда активно переносили свои производства западные страны. Да и сами китайцы не щёлкали клювом, воруя чужие технологии...

– Это всё вторично, – ректор снова уселся на своё кресло. – Жил, Кузя, в Танзании в середине девяностых такой шаман. Звали Нгпала Бебе. Неквалифицированный колдун шестого уровня, почти как ты. А потом взял да и исчез – совсем пропал. Все думали, что его просто убили, а оказалось, что мужика пригласили к себе наши китайские друзья.

– И?

– Теперь этот обрубок человека, с выжженным разумом, слепой, с

удалёнными руками и ногами, при помощи специального аппарата, подключённого напрямую к его чакрам, день и ночь работает во благо Поднебесной. И не смотри на меня так, я рассказываю тебе то, что видел собственными глазами. И не он один. Под Пекином целые комплексы функционируют, выкачивая из колдунов силу, путём прямого контакта с чакрами. Своих китайцы уже всех извели и принялись по другим странам шарить.

Признаться, я сначала не поверил Сафронову. Это как вообще можно механически подключиться к энергетической точке? Затем вспомнил то, что проделал со мной старый хрыч, будучи моим дедом, и засунул свои сомнения куда подальше.

– ...Я не пытаюсь тебя пугать. Просто стараюсь объяснить, что наша служба государству штука вовсе не безответная, и его забота о нас не ограничивается одними лишь титулами и материальными благами. Ты не поверишь, сколько уже людей задействовано для конкретно твоего прикрытия.

– А как вы там оказались? – задал я самый очевидный вопрос. – Этот комплекс-то, наверное, жутко секретный.

– Секретный. Но выбросы искажений от него такие, что мама не горюй. Я состоял в группе международных инспекторов, задействованных в программе «Белая Магия». Нас, конечно, не хотели туда пускать, но... Куда бы они делись. Жуткое зрелище, я тебе скажу. Отвратительное.

– Понятно. А Зона?

– Что «Зона»?

– Там нам тоже «свободы» нет?

– Свобода там – только у международного криминала. Да и то не долго. А сталкеры твои, как собственно и наёмники из частных военных компаний – все под кем-то ходят. Неофициально. Либо под нами, либо под немцами, либо под турками. Четвёртого не дано. Хочешь стать бандитом? – он хитро посмотрел на меня.

– Не особо, – честно ответил я. – Но... спасибо за науку. Есть над чем поразмыслить.

– Подумай-подумай. Ты, кстати, решил уже, как будешь учувствовать в Большой Игре?

– И вы туда же, – я даже крикнул с досады. – Хотел устроиться грузчиком или разнорабочим, но Нина меня за это вчера перед самым вашим приездом отругала.

– И правильно сделала! – улыбнулся ректор. – Вот что, Кузьма. Я за чем тебя, собственно, позвал. Есть у меня к тебе некое предложение.

- Внимательно слушаю.
- Не желаешь стать одним из моих «Поверенных»?
- Это как?

– Дело в том, что я, как ректор, не могу напрямую вмешиваться в Большую Игру. Поэтому у меня, как у главы колледжа, на каждом курсе есть свой человек. Он представляет перед соответствующими органами самоуправления моё мнение по всем существенным вопросам. Выполняет деликатные поручения и вообще этакий «Агент 007» на службе у моей светлости. С хорошим окладом и многими благами. В том числе и свободным выходом из кампуса. А вот лицензии на убийство я тебе не дам – даже не проси. Кстати, должность эта вроде как секретная, так что придётся тебе как настоящему «профессионалу» найти себе работку для прикрытия.

– А почему я? Других кандидатур не нашлось?

– Ну почему же. Подобное предложение я сделал нескольким людям. В том числе и известному тебе Ромушеву-младшему. Вот только разочаровывает меня Олежка в последнее время.

– А ещё?

– Заранее хочешь узнать о соперниках? Похвально! Есть один очень выдающийся парень, воин, чукча по национальности, но шутить над этим я бы не советовал. Зовут Пётр Танатович Явре. И ещё студенточка – маг с дизайнерского. Людочка Рудская. Ну что? Заинтересовал?

– Скажите лучше, что мне нужно сделать для того, чтобы занять эту должность? – спросил я, не спеша с окончательным ответом.

– Выиграть в подпольном турнире, который начнётся через пару дней. Понимаешь ли, человек на этой должности должен быть уважаем обществом. А победить в этом соревновании – значит, заработать себе определённую репутацию. Тем более что все твои конкуренты на это место будут в нём участвовать.

– Вы поддерживаете подпольный турнир? Знаете о нём, но не прикроете подобную лавочку?

– Кузьма, вообще-то именно я его и организую!

– А почему он тогда подпольный, а не официальный?

– Эх, Ефимов, Ефимов – нет в тебе ни капли романтики! – всплеснул руками герцог.

– Не завезли, – улыбнулся я.

– Только запомни, будущий Джеймс Бонд... Не испортить мне шоу. Коль уж прикинулся Есаулом – то будь добр соответствовать. Проигрывать я тебя не прошу, но сделай хотя бы вид, что победил честно... как «тройка». Ну,

так как? Согласен?

– Подождите, – остановил я его, и на лице герцога промелькнула досадливая гримаса. – У меня есть небольшое условие.

– Ого! А с чего это ты думаешь, что я буду заключать с тобой какие-нибудь сделки? – удивился он.

– С того, что мне эта должность пока как рыбе зонтик, а вам я явно нужен. По-другому вы бы не стали делать мне подобное предложение. Ведь так?

– Хех... Митрофановы, блин. Давай уж продолжай...

– У меня есть сестра. Аней зовут. Одарённая от рождения «единичка». Она хочет учиться вместе со мной.

– Родная? Внучка Мастера? А почему ты думаешь, что он сам о ней не позаботится? Всё же родная кровь.

– Последние восемь лет от него не было ни слуху ни духу. Не то чтобы меня это не устраивало, просто, боюсь, Анька уже замуж выйдет и кучу детей нарожает, ожидая помощи от «дедушки». Лучше уж я сам за неё похлопочу.

– Раз так, не вопрос – сделаем! По Канцелярии пройдёт, как и ты. Мог бы даже не просить, а просто поставить в известность...

– Ей пятнадцать...

– Хм... это меняет дело, но не сильно. У нас в Москве есть спецшкола от колледжа, переведём туда, а через годик поступит к нам по облегчённой программе. Да и к тебе навещать сможет. Ты только турнир выиграй. Считай это залогом твоего серьёзного отношения к делу.

– Хорошо, договорились! – я встал, и мы пожали друг другу руки.

Уходил я из кабинета с чувством выполненного долга. Место «Агента 007» меня не особо интересовало, с тем же успехом я мог таскать ящики и разгружать фуры. Другое дело, что я умудрился почти выполнить просьбу сестрёнки, а это значило для меня куда как больше.

* * *

«Турнир, турнир, турнир... – вертелось меня в голове, в то время как трамвайчик, позвякивая, увозил меня от ректората на самую южную окраину кампуса, туда, где располагались факультеты военной кафедры. – А ведь придётся теперь участвовать, побеждать и далее соответствовать. Потому как ректор мне ясно дал понять, что именно от моего дальнейшего поведения зависит то, поступит ли Анька в колледж или нет».

Кстати, тема участия в подпольном турнире всплывала уже не первый раз за последние двое суток. Взгляд сам собой переполз на крыши пробегающих мимо домов, и я улыбнулся, вспомнив вчерашний вечер.

* * *

Запрыгнуть на крышу соседнего четырёхэтажного особняка, на котором устроилась вконец обнаглевшая от безнаказанности снайперша, было плёвым делом. Девушка, которая, похоже, тут же выбросила меня из головы, даже пискнула от неожиданности и, отпрянув назад, чуть было не поскользнулась на скользкой черепице.

Кто-то явно пересмотрел японских мультиков, в которых любят наши косоглазые союзники изображать всяких там увешанных оружием малолетних горничных, да и волосы, крашенные магическим способом подмены пигментации в фиолетовый цвет, как бы намекали на пристрастия незнакомки. Хотя этот колер даже шёл удивлённому полупрозрачному личику.

Другое дело её арсенал. Четыре катаны, заткнутые попарно за тоненький с виду поясok белого фартука, «калаш» на груди, на трёхточечном ремне, гигантский меч за спиной, массивная снайперка в руках. Ну и естественно, куча рассованных в потайные кармашки метательных ножей и сюрикенов, а еще, пока гулял с «зайкой» по городу, я прекрасно рассмотрел две кобуры с пистолетами, закреплённые на бёдрах под пышными юбками.

– Ну и кто ты такая? – я не собирался мириться с какими бы то ни было непонятками. – И что тебе от нас нужно?

Вместо ответа, девушка резко развернулась и, выбив ногами приличный кусок кровли, сиганула на соседнее здание.

«Бойкая козочка!» – подумал я, провожая взглядом её полупрозрачную фигурку, а затем пустился в погоню.

Гонка по крышам под закатным солнцем продолжалась минут пятнадцать, к тому же проходила на такой скорости, что мы успели пересечь этот район Ильинского и оказались в центральной части города, где дома были повыше, а крыши покруче. Девчонка попала на редкость скоростной и ловкой, даже несмотря на то что таскала на себе весь этот оружейный хлам, и я, к своему стыду, всё никак не мог догнать беглянку, не прибегая к крайним мерам, вроде открытия дополнительных чакр. Правда, и она всё никак не могла оторваться и начинала потихоньку уставать.

Было и ещё кое-что довольно неприятное. В то время как снайпершу никто вроде бы не замечал, мой бег по крышам вечернего города не оставался без внимания. Глаза отводить я не умел, не учили меня подобному, ну а с магией у меня всё было традиционно плохо. Из иллюзий я мог наколдовать маленькую мышку в русском сарафанчике, которая, встав на задние лапки, тут же пускалась в пляс. Этому заклинанию меня ещё в детстве, когда небо было голубым, солнце ярким, а деревья высокими, научил любимый тогда дедушка Иван. И всё. Не думаю, что сейчас «Мышка-норушка» могла мне хоть чем-то помочь.

Так что я привлекал внимание. На крыши даже пару раз вскакивали ребята с повязками полицейского управления дисциплинарной комиссии Полиса на рукавах, однако догнать нас они не могли и быстро отставали. Прохожие провожали меня удивлёнными взглядами, а когда мы на пару перемахнули через широкий проспект, некоторые студенты так и вовсе пооткрывали рты. Но всё это было ерундой, потому как беглянке, видимо, окончательно надоела моя компания, и она прямо на бегу начала швыряться в меня всякими острыми штуковинами.

Хорошо хоть не схватилась за автомат. Тогда бы мне точно пришлось прибегать к крайним мерам. А так – по большому счёту в поединке двух воинов, начиная от третьего уровня и выше, метательное оружие, не наполненное силой, не представляет для противников практически никакой угрозы. Так – баловство, а учитывая, что бешеная горничная не напиткивала свои ножи и иглы, она просто таким образом сообщала мне: «Уйди, противный, я в печали!»

Посылы я игнорировал, отмахиваясь от летящего в меня железа, а когда вся эта беготня надоела и мне, пошёл на небольшую хитрость. Вроде как стал отставать и дал изрядно выдохшейся девушке уйти, а сам спрыгнул на землю и, ориентируясь на производимый её туфельками перестук, догнал её проулками.

Спрятавшись в расположенной на крыше одного из музеев декоративной беседке, фиолетововолосая тихо выдохнула. Прошептала что-то типа «Ушла вроде» и ещё раз аккуратно выглянула из-за глухого бортика, перед которым стояла на коленях, даже не замечая, что пачкает в грязи свой беленький фартук.

– Повторяю вопрос. Кто ты такая и что тебе от нас нужно? – Я удобно устроился на скамейке у неё за спиной, с удовольствием глядя на её манипуляции.

Вскочив на ноги, девушка резко развернулась и уставилась на меня широко раскрытыми глазами. Дёрнулась было, чтобы удрать, но я её

остановил.

– Всё равно ведь догоню. Так что давай не будем тратить ни моё, ни твоё время, – сказал я с показным безразличием и предупредил, видя, как её правая рука медленно потянулась к одному из припрятанных ножей. – И не делай глупостей. Не доводи до беды.

– До беды? – она фыркнула. – Ха-ха. Вот насмешил! Не зазнавайся, паренёк. Не знаю уж, как ты меня заметил, но в остальном тебе просто повезло. Я слишком выдохлась, поддерживая целый день два скрывающих заклинания, но поверь мне, если понадобится, у меня осталось достаточно сил, чтобы взгреть какого-то там Есаула.

– Не советую, – покачал я головой. – Откуда ты знаешь, что я Есаул?

– Выяснила, естественно. Защитник всегда должен знать, кто находится рядом с его подопечным. Или ты думаешь, что твой Федосеев единственный, кто додумался приставить охрану к своей доченьке? «Ха», «ха» и ещё три раза «ха»! Хреновенько, надо сказать, вы исполняете свои обязанности, господин Ефимов!

– Меня просили присмотреть за Екатериной Александровной, а не ходить за ней круглосуточно хвостиком, – отрубил я. – Значит, ты у нас Нину охраняешь?

Она пробурчала себе под нос что-то о дилетантах, но тем не менее утвердительно кивнула и, заметив, что извозилась в грязи, начала судорожно отряхивать подол юбки и фартук. Правда, в основном лишь ещё больше размазывая грязь.

– Вот что, парниша, – фиолетововолосая хмуро посмотрела на меня, прекратив безрезультатные попытки. – Достал ты меня сегодня. Ещё раз увижу возле госпожи – убью. Ты меня понял?

Вот это она зря. Хамить мне не стоило, от подобного мне в собеседнике всегда видится Сяпа, от чего конкретно срывает тормоза. Даже бубнёж мантры не помогает.

Собственно, сегодня в ректорате Ромушев-старший не нарвался на хлётскую ответку только потому, что обычно я с утра нахожусь в благодушном настроении. Да и вообще, всклоченный, красный как рак, растрёпанный мужик выглядел слегка не адекватным, вот я и не воспринял его брань как нечто серьёзное.

Здесь же другое дело. Я этой козе не «парниша», и неважно, аристократка она или нет. Да и вообще, молодёжи любого социального статуса подобного спускать нельзя. Некоторые нормального отношения просто не понимают, вот и приходится ставить их на место.

– А ты у нас, как я посмотрю – дерзкая больно, – крякнул я, вставая. –

Значит так, слушай сюда, Мальвина перерзрелая. Командовать своим мужем в постели будешь. А я – не он, так что берега не теряй. Обнаглеешь – сильно об этом пожалеешь. Ты, кстати, вообще в курсе, что нельзя бегать по кампусу с огнестрельным оружием?

– М-м-м... Мальвина перерзрелая? – ахнула она. – Да как ты смеешь, паршивец, так разговаривать с леди!

– «Следи» так себя не ведут, – отбрил я. – Да и вообще, мне наплевать, какие у тебя там крови – голубые или красные! Ты поняла, Мальвина? Если что-то не нравится – можешь пойти и пожаловаться своему папочке, я ему тоже объясню – что, куда и как пройти. Ну или хозяйке можешь поплакаться. Правда, думаю, что она только посмеётся. Я доходчиво объяснил?

– Вот значит как! – она поджала губы и, сверля меня ненавидящим взглядом, процедила: – Тогда я вызываю тебя на дуэль. По крайним пра...

– Отказываю! – фыркнул я и, не выдержав, засмеялся. – Вы за два дня меня уже задрали своими дуэлями. Самоубийцы несчастные. Хочешь подраться – вон, вроде как какой-то подпольный турнир намечается. Иди туда и махайся на здоровье.

– Отказываешь, значит, – она прищурилась, – боишься, Есаулик?

– Нет, – усмехнулся я. – Тебя, глупую, калечить не хочу. Да и вообще – какая может быть дуэль с девчонкой? Вон, повторяю, есть турнир – иди, записывайся и дерись на здоровье.

– Да что ты всё заладил с этим турниром! – Ярость, злость, обида, надменность, всё куда-то исчезло из её оказавшегося очень даже приятным голоса, и, вздохнув, она отошла от меня на пару шажков, доставая откуда-то маленькую косметичку. – Там одни слабаки и неумехи. Типа тебя. Не интересно.

– А тебе они, значит, все на один зубок? – я тоже успокоился и с интересом посмотрел на странную девушку.

– Ну да, – она ответила так, как будто я спрашивал о чём-то само собой разумеющемся и не требовавшем доказательств. – Одно дело надрать тебе задницу на дуэли, а совсем другое – ввязываться в подобную клоунаду. И не смотри на меня так, я на насекомых типа тебя обижаться не привыкла! Даже на зубастых.

– М-да... – Я вдруг вспомнил один заинтересовавший меня вопрос и тут же задал его: – Слушай, ты колдунья, что ли?

– Нет, – она удивлённо посмотрела на меня. – Я из воинского рода. А с чего ты так вдруг решил?

– Значит, пользовалась преобразователем, – догадался я. – Ну, для

своих заклинаний.

– Угу, – она задрала рукав и показала две тоненькие пластиковые полоски-браслета на своём запястье, стоимостью каждая как пара автомобилей vip-класса. – Ладно... некогда мне с тобой ласы точить. Бывай, таракан!

– Ну, пока, Мальвина, – усмехнулся я.

Взмахнув рукой на прощание, девушка бодрым шагом подошла к краю крыши и, натянув маскировку, прыгнула вниз. Сверху я прекрасно видел её полупрозрачную фигурку в свете только-только разгоравшихся уличных фонарей. Девушка достала из кармашка на переднике телефон и, набрав какой-то номер, зашагала к выходу на ближайший проспект. Я же, постояв еще несколько минут и полюбовавшись закатом, отправился дальше изучать город.

Глава 14

Основное здание военной кафедры располагалось в самом южном районе Полиса. Это было выбивающееся из общегородского стиля сооружение, немного мрачное, с тяжёлым фронтоном, покоящимся на коренастых, словно бы сплюснутых его весом колоннах, и окнами, чем-то напоминающими бойницы средневекового замка. Перед ним посреди лестницы, ведущей к центральному входу, на слегка наклонённом пьедестале возвышался пооббитый и изуродованный танк Т-90 «Владимир» с разорванным дулом, давящий своими гусеницами скрутившегося кольцами китайского дракона. Памятная табличка гласила, что именно на этой машине трижды Герой Российской Империи Василий Потапкин и маг Ауктор Геннадий Серебринский с экипажем совершили дерзкий прорыв в тылы седьмой армии Китайской Коллективной Социалистической Республики и героически погибли, уничтожив генерала Сянь Хи Лао, а также большую часть командного состава штаба северо-западной группировки, остановив тем самым наступление на казахстанском направлении.

На площади перед памятником было довольно много народу, причём я не заметил ни одного человека в стандартной форме колледжа. На местных студентах была странного вида лёгкая броня чёрного цвета с тёмно-зелёными вставками, с виду жёстким нагрудником и рельефными защитными чашками на плечах, локтях и коленях. На ногах – высокие берцы, а руки у многих были в тактических перчатках. Некоторые, несмотря на довольно жаркую погоду, щеголяли в дополнительных защитных накладках на голенях и предплечьях, а у кого-то были ещё и шлемы с разнообразными забралами.

Роднил весь этот пир милитаризма с остальным Ильинским Полисом только шеврон на левой руке с изображением пурпурного сфинкса на белом фоне, гербом нашего колледжа. Однако вчера на церемонии я почему-то не видел этих храбрых вояк. Наоборот, все были одеты единообразно, и никто своим внешним видом не выделялся. Да и в городе, по улицам которого бродил почти целый день, я такой формы не видел даже у представителей дисциплинарной комиссии, которым, казалось бы, было положено по статусу внушать уважение окружающим.

Нахмурившись, я ещё раз посмотрел на карту, загруженную на смартфон секретаршей ректора – «Лари», как она попросила себя называть,

когда я получал сопроводительные документы и предписание. Закралась нехорошая мысль, что я по незнанию забрёл на какой-то полигон, а то и вовсе попал куда-то не туда. В общем, это были вполне обоснованные опасения, потому как от остановки трамвайчика мне пришлось изрядно поплутать, прежде чем добрался до этого здания.

И тем не менее – метка ГЛОНАСС показывала, что я попал по адресу. Да и крупные каменные буквы на портике «Военная кафедра», вместе с девизом «Только мы и никто более!» не оставляли каких бы то ни было сомнений.

– Молодой человек, – окликнул меня мужской голос, и, обернувшись, я увидел тройку одетых, как и все здесь, ребят, со знакомыми красными повязками дисциплинарной комиссии на правой руке. – Я вынужден просить вас покинуть эту территорию и вернуться в гражданский сектор. С шести утра и до шести часов вечера нонкомбатантам запрещено находиться в пределах военной кафедры. К тому же, если вы не поторопитесь, то опоздаете на вводную пару.

– Мне нужно в отдел кадров, – я помахал выданной мне папкой. – Меня сюда с юридического перевели.

– Да? – парень с сомнением посмотрел на мой «медный» галстук с цифрой «один». – Никогда не слышал, чтобы в первый же день первокурсников перетасовывали по кафедрам. Но раз так, могу я поинтересоваться, почему вы одеты не по форме? Это серьёзное нарушение устава.

– Мне её не выдавали, – ответил я. – Я даже не знал, что на военной кафедре не используют стандартную одежду.

Было похоже, что третьекурсник, а на его правом плече красовался именно «железный» шеврончик, действительно удивлён. А когда узнал, что я живу в общежитии рядом со старицей Москвы-реки, растерялся окончательно.

– А что – здесь и казармы есть? – я с интересом осмотрелся, пока он рассматривал мои документы.

– Да, в особой зоне вне города. Рядом с полигоном, на той стороне реки, – он махнул рукой примерно на юго-юго-восток. – Вообще-то курсантов первого года обучения заселяют именно туда... По документам всё верно... странно.

– А учащиеся здесь что? На каком-то особо строгом положении? Как в Корпусе?

– Да нет, – ответил местный страж порядка, задумчиво покачивая головой. – Всё стандартно. Просто летом и в первые учебные месяцы, пока народ не расселился по Полису, в целях повышения дисциплины и

сплочённости коллектива вводится в действие режим «готовности номер один». И первокурсники вынуждены всё делать вместе. Ранний подъём, зарядка, пробежка, питание в общей столовой, проверка формы, развод групп на занятия только полным составом.

– И муштра? – с улыбкой спросил я.

– Не без этого, – хмыкнул он. – Будущий офицер должен лично прочувствовать, как и для чего это нужно. А то глядя на вас, я с трудом представляю себе, как вы будете... Ладно. Не будем тратить время. Я провожу вас в отдел кадров.

– Спасибо, – я слегка кивнул, выражая благодарность за помощь.

Отдав команду своим подчинённым продолжать патрулирование по маршруту, третьекурсник направился мимо памятника к входу в здание, и я последовал за ним. Внутренние интерьеры разительно отличались от внешнего вида военной кафедры, здесь было светло и совершенно не ощущалось того давления, который производило на зрителя это сооружение.

Оформили меня очень быстро, а вот с получением особой формы кафедры вышел затык. Её, как и защитные накладки, заказывали индивидуально для каждого курсанта. Так как мои размеры уже имелись в базе данных, девушке администратору оставалось только подать запрос, после чего она клятвенно пообещала мне, что послезавтра я смогу забрать причитающийся мне комплект со склада. А до этого времени придётся ходить в общей.

Впрочем, как обычно не обошлось и без сюрпризов. Запихнули меня в учебную группу номер пятьдесят. В остальных сорока девяти свободных мест не было, а в данной, по словам девушки-администратора, имелся недобор. Естественно, что я постарался выяснить причину некомплекта, потому как это показалось мне немного подозрительным. Тем более что я прекрасно видел, как поморщился слышавший наш разговор третьекурсник-патрульный.

Он вроде бы как случайно задержался в зале, чтобы пофлиртовать с девушкой-секретаршей за соседним столиком, хоть я и подозревал, что парень просто решил проконтролировать странного новичка. Не то чтобы я был против, но когда мы вместе вышли в коридор и дежурный предложил проводить меня до аудитории, чтобы я «случайно» не заплутал в местном лабиринте, я не преминул воспользоваться ситуацией и расспросить его про свою новую группу.

– Понимаешь ли... – третьекурсник замялся. – Уроды они!

– Не понял, – честно признался я. – Мажоры-отморозки, что ли? Уже

успели дел натворить?

– Нет, – патрульный отрицательно покачал головой. – Новички-то пока вообще не при делах. Нарушение дисциплины, самоволки и прочие прегрешения не в счёт – после поступления многие подобным грешат. Просто у «полтинников» в колледже традиционно репутация ниже плинтуса. Там же сплошь будущие «преторианцы».

– А это что за звери? Неужели заготовки под гвардию «Самого»? – я ткнул пальцем в потолок.

– Вот ещё! – возмутился дежурный. – Гвардия это гвардия! Лучшие из лучших! С первой по пятую группы каждого курса, в которых учится самая настоящая военная элита. А «преторики» – всего-навсего будущие бодигарды. Телохранители и компаньоны в одном флаконе. Индивидуалисты-одиночки, которые болт хотели класть на дисциплину, мораль, командную работу и честь мундира. Поэтому и люди там собираются соответствующие.

– Так! Минуточку, – я нахмурился. – Во-первых! Какого чёрта меня в этот отстойник запихнули, а во-вторых – мне говорили, что на первом курсе нет никакого разделения...

– Ну... – парень немного смутился. – По первому я тебе ничего не скажу. Понимаешь... отстоями я бы их называть поостерегся. Там те ещё волчары. Просто эта группа, с одной стороны, нечто вроде синекуры для товарищей родовитых детишек, а с другой – натаскивают их там словно каких-то суперагентов. Куратором у вас будет мастер Фишшин – он профессионал экстра-класса, вот только... он – немного того, и воспитательные методы у него странные, сам всё увидишь! А по поводу разделения – тут не всё так просто.

И в очередной раз мою детскую веру в справедливость и в Деда Мороза порушила встреча с суровой реальности. Да, официально весь первый курс считался единой массой учащихся, которые ко второму году могли выбрать себе факультет и специализацию. Но в реальности это было немного не так.

Каждый курс делился на пятьдесят групп, возглавляемых преподавателями, которые и вели своих студентов все пять лет обучения. Они делились по специализациям и прочему, но формирование состава начиналось задолго до второго курса, а зачастую – даже до поступления в колледж. И деньги или титул в этом вопросе по большому счёту не решали ничего. Хотя интриги за попадание в первую десятку плелись постоянно, на итог влияло множество факторов, вплоть до благосклонности Императора к какому-то определённом роду или клану. Так что попасть,

куда тебе хочется, просто так было совершенно нереально.

В общем, задержавшись в отделе кадров и из-за этого разговора, я благополучно опоздал на первую пару. А когда всё же постучался в дверь аудитории и вошёл, захотелось сделать вид, что просто ошибся классом, и свалить подальше. Во-первых, на расположенных каскадом местах сидело всего пятнадцать человек из стандартных тридцати. Во-вторых, преподаватель с порога заявил мне: «Ого! Хвалю, Ефимов! С первого дня хоть шмотьём, но выделился!» и показал большой палец. А в-третьих, некая знакомая персона с фиолетовыми волосами вскочила со своего места и заорала:

– Таракан?! А ты что тут забыл?!

– Привет, Мальвина, – я безразлично махнул девушке рукой.

– Заселяйся! – препод, натуральный головорез, словно только что вернувшийся из горячей точки, сделал широкий жест в сторону почти пустого класса, затем улыбнулся, хотя скорее это можно было назвать – оскалился, и, к моему удивлению, вышел из аудитории.

Я огляделся. М-да... большая часть присутствующих не особо тянула на отпрысков благородных родов. Сборище неформалов, которые к тому же занимались кто чем хочет, а пара ребят так и вовсе сидели спиной к преподавательской кафедре и в полный голос обсуждали с соседями что-то своё. Присмотрев на задних рядах удобное, свободное местечко рядом с окном, я направился к нему.

– О! Таракан, – ехидно выдал накачанный паренёк, когда я проходил мимо него, и несколько человек вокруг дружно заржали. – Сгоняй побыстрому в кафетерий, подгони мне колы. А то в глотке пересохло.

Остановившись, я посмотрел на курсанта, гадая: граф он, барон или кто-то ещё... неужели у меня на роже написано, что я из простонародья? Или у них так заведено? Странно! А как же всякие там дуэли-шамаэли и прочие способы поддержания своей чести в девственно-непорочном состоянии?

Или он целенаправленно нарывается? Провоцирует, так сказать! Или, может быть, все это заморочки остались на гражданской кафедре, а на военной – свои законы звериной стаи? Знать бы заранее...

Крепыш, ехидно ухмыляясь, мерно покачивался на своём стуле, откинувшись спиной на заднюю парту и положив ноги на столешницу. Явная «троечка», без каких бы то ни было вариантов. Ну никак не тянул он на местного альфаха, хоть и на крысёныша-заводилу не походил. Обычный такой боевик с мозгом размером с грецкий орех, на котором была только одна извилина, да и та прямая.

– Что такое, насекомое? – удивлённо спросил он, вздёрнув бровь. – Шевели булками, я жду! Ты же не хочешь, чтобы я разозлился.

Я ударил его, не утруждаясь бесполезными разговорами. Раз, два, три – сверху вниз, кулаком по наглой морде, впечатывая затылок в парту, по поверхности которой заструились трещинки. Бил я не сильно, быстро смахнув с него «железную рубашку», но не желая особо калечить заоравшего от боли идиота.

Его слова нисколько не задели меня, просто ещё по своему прошлому техникуму я прекрасно знал, что с подобными товарищами цивилизованный подход не работает. Вступать с ними в разговоры – бесполезно, зато через боль до них быстро доходит, что «вежливость» очень полезна для здоровья в любых дозах. А «альфа» он там или «бета» – неважно, кем он себя назначил. С моим появлением в группе всё коренным образом поменялось.

Тем более в этом был ещё один резон. Не хватало только, чтобы и с подачи такого вот субчика меня бы заклеямили идиотским прозвищем на оставшиеся пять лет. Да, придумала его одна крашенная дура, но это ей можно, потому как она связана с «зайцем». А вот для остальных – чревато.

С соседних мест ко мне рванули друзья-весельчаки воспитуемого, до этого радостно поддерживавшие его дружным ржачем. Я даже не стал поворачиваться к ним, просто приголубил новых одноклассников быстрыми ударами ноги, и они разлетелись в разные стороны, с грохотом опрокидывая стулья и переворачивая парты. Однако это были ещё не все защитники оскорблённой невинности.

– Не тронь Кузьму, су... – сидевшая рядом с наглым парнем девица, с виду натуральная панкушка, слегка запоздало вскочила на ноги и, издав звонкий боевой клич, выхватила из ножен стандартный кортик, который выдавали в арсенале всем не имевшим собственного холодного оружия.

Занеся свой ножичек над головой, она, ловко оттолкнувшись от собственной парты, взвилась в воздух, под самый потолок, едва не чиркнув по нему лезвием. Что она хотела показать подобным кульбитом, я так и не понял, потому как выключил её ещё в воздухе, ткнув пальцем в одну очень интересную точку у неё на груди.

Поймав обмякшее безвольное тельце, я перевалил свой трофей через плечо. Нагнувшись, сгрёб до сих пор валяющегося на полу парня, всё ещё вывешего и державшегося за лицо обеими руками, и, поставив его одной рукой на ноги, хорошенько потрянул, привлекая к себе внимание.

– Слушай сюда, тёзка, – я посмотрел ему прямо в ошалелые от боли глаза. – Ещё хоть раз услышу, что ты так меня назвал – вырву язык.

Ферштейн?

«Кажись, опять перестарался чуток. Похоже, челюсть поломал. Да и чёрт с ним. У этого хоть зубы целыми остались!» – промелькнула у меня мысль при взгляде на его перемазанную, немного скошенную физиономию, после чего я разжал пальцы, и он с грохотом рухнул на пол.

Вот почему мне всегда так везёт? У всех классы как классы. Знакомятся, дружат, а в моих – всегда какой-то урод попадётся... Поравнявшись с фиолетововолосой, я, остановившись, посмотрел на неё. Сегодня она оставила свой маскарадный костюм горничной дома и была одета в чёрную форму, которая ей на удивление шла. Да и из всего арсенала у неё с собой были только четыре катаны да куча метательных ножей по кармашкам.

– Что, Таракан?! – с нахальной улыбкой спросила она. – Меня тоже побить попробуешь? Думаешь, что получится так же легко?

– Ничего, Мальвина. Если хочешь – могу отшлёпать, а так – лови подарочек. – Я тоже улыбнулся и, подмигнув, бросил ей свою ношу, после чего отвернулся и потопал к заинтересовавшему меня месту.

– Эй! На хрена она мне? Я тебе что...

Она ещё что-то кричала, но я уже не слушал. Не успел устроиться, как дверь отворилась, и вошёл учитель. Внимательно осмотрев аудиторию, он, криво улыбнувшись, кивнул своим мыслям.

– Разобрались, значит. Отлично, – он прошёл мимо кафедры и сел за свой стол. – Кстати, он там живой? Ну и ладно. Так – Ефимов.

– Здесь, – я поднялся со своего места.

– Три наряда вне очереди за драку. Так-то молодец, но ещё раз повторится – на месяц отправлю мыть все сортиры в кампусе твоей же зубной щёткой, – мужчина достал свой сотовый и набрал номер. – Галочка? Привет, дорогая! ...Да, это Грем. Я тебя тоже люблю! Пришли-ка к нам парочку своих девочек с крестиками... ..А-а, да так. Ничего серьёзного. Один боец со стула навернулся... Кузьма Потапов. ...Ага!

Он прикрыл микрофон рукой и, показав подбородком в сторону только-только севшего парня, громким шёпотом спросил:

– Чего там у него?

– Нижняя челюсть сломана, мастер Грем, – ответил не участвовавший в разборках паренёк, опустившийся на колени перед пострадавшим и осмотрев его лицо.

– А у этих? Ага – в порядке, вижу, – он бросил быстрый взгляд на остальных пострадавших, а затем посмотрел на задние парты. – Касимова, что ты там с Ереман обжимаешься?

– А у них любовь, – жеманно произнесла девица с мальчишеской стрижкой, сидевшая на первом ряду. – Лесбийс-ская!

Народ в классе хором загоготал. Даже пострадавшие приятели «боевика», несмотря на собственные ушибы, заулыбались. Не смеялся только я, так как шутка, на мой взгляд, была так себе, другой Кузьма, которому сейчас было не до веселья, да находящая в отключке панкушка. Покрасневшая от ярости фиолетововолосая аж зашипела, словно вскипевший чайник, и одарила юмористку очень многообещающим взглядом. Та поймала его и заулыбалась ещё шире.

– В общем, он себе челюсть сломал, – ответил в трубку учитель. – Да. Да не вру я – так всё и было! Пришлѐшь... ага – ну тогда он сам. Говоришь, ко второй паре будет как новенький? Ну и замечательно! Целую! ...Да пошла ты!

Хохотнув на прощание, препод выключил телефон и посмотрел на поднявшегося Потапова.

– Так! Ты и ты, – Грем ткнул пальцем в двух его приятелей. – Отведѐте неженку в медблок, а ты, Кузьма, – всё понял, что говорить?

Тот что-то утвердительно промычал в ответ. Это не до конца устроило учителя. Он грозно сдвинул брови и, как мне показалось, стал ещё больше.

– Значит так! Кузьма! Эй, Ефимов, я к тебе обращаюсь! Когда я говорю, смотреть на меня надо, а не в окно, на баб на теннисном корте пялиться! Или ты там чего не видел? Вон у Касимовой попроси, она тебе всё покажет, раз сама глаз от тебя оторвать не может. Елена! Это тебя тоже касается! На меня смотри, а не на Ефимова! И положи уже, наконец, Ереман куда-нибудь! Что ты её словно куклу мацаешь! В дочки-матери не наигралась? Ты ещё ей подгузники поменяй!

Я действительно отвлѐкся. За окном на самом деле были расположены корты, правда, сейчас они пустовали и никаких девочек с ракетками там не наблюдалось. Но подобная мелочь этого Грема Фишшина, похоже, не смущала. И почему-то я был абсолютно уверен, что начини сейчас оправдываться, он собственноручно выгонит туда всех наших девиц, заставит их играть в теннис, а меня на это смотреть, после чего повторно сделает замечание.

– М-м-м. Кузьма Потапов и Кузьма Ефимов... расплодили домовят, мать их! – громко пробурчал препод. – Ни хрена неудобно...

Он пару секунд помолчал, потирая подбородок, а затем осклабился в довольной улыбке.

– Так, ты! – он ткнул пальцем в моего тѐзку. – С сегодняшнего дня будешь зваться Тараканом! Таракан, ты всё понял?

Потапов что-то протестующе промычал.

– А почему он, а не Ефимов! – возмущённо воскликнул один из его друзей. – Касимова же его тараканом...

– Федорчук, ты тупой? До тебя ещё не дошло? – Грем удивлённо уставился на задавшего вопрос парня. – Может, мне ещё раз выйти, а Ефимов уже тебе персонально объяснит?

– Да я... – начал было тот, но поймав мой взгляд, предпочёл заткнуться.

– Так вот, слушайте меня внимательно! Более повторять не буду. На подготовительных занятиях я уже один раз говорил, а сейчас повторю – на ближайшие пять лет вы все – одна большая неблагополучная семья. Друг с другом делайте что хотите. Мне, как вашему приёмному отцу, которому вас бездарей навязали, – до этого дела нет. Хоть поубивайте друг друга! Но если я узнаю, что кто-нибудь стучит на сторону... Лучше вам не знать, что с ним будет. Звонарь сто раз пожалеет, что его мама имела неосторожность переспать с его папой. Вы меня поняли? Не слышу.

Аудитория ответила нестройным «Так точно!», а я с интересом рассматривал нашего преподавателя. Судя по имени и фамилии, тот был англичанином, да в лице читалось что-то такое англосакское, приправленное могучей челюстью с небольшой ямочкой. А вот разговаривал он без малейшего акцента. Да и вообще манерами напоминал выходца из глубинки, который до этого работал учителем труда в школе для особо трудных подростков.

Ну и ещё одно. У меня с треском рвался навязанный телевизором и инетом шаблон, стоило посмотреть на поведение собравшихся в этом классе детишек дворян и аристократов. Возможно, что большинство из них было выходцами из не особо знатных семей, но всё равно! Передо мной были вполне реальные подростки, да с закосом под быдлоту. Таких скорее можно найти в школах или техникумах, в институтах и в университетах, то бишь там, где учатся обычные, неодарённые люди.

Мистер Фишшин болтал ещё примерно с полчаса. Если ему казалось, что кто-то его не слушал, виновный немедленно наказывался. Методы у препода были действительно странные, а потому, вместо замечания, в голову невнимательного студента прилетал небольшой силиконовый шарик с песком, коих у Грема имелось превеликое множество. Причём мужик особо не заморачивался, куда он попадёт, как и над тем – дошло ли послание до адресата или тот поймал его на подлёте. А так как почти все присутствующие постоянно использовали различные защитные техники, то и снаряды были непростые.

Я убедился в этом на собственном опыте. Передо мной уже лежал пяток подобных подарков весёленькой расцветки, которые я ловко ловил, даже если смотрел в совершенно другую сторону, а сам при этом тайком растирал большим пальцем левой руки зудящую от энергопробоя ладонь правой.

Примерно в это же время подала первые признаки жизни лежавшая в проходе панкушка. Девушка сладострастно застонала, заставив и препода и весь класс обратить на себя внимание, после чего перевернулась на бок.

– Ефимов? – задумчиво окликнул меня Грем, медленно подходя к посапывающей девушке. – Ты что с ней сделал, бестолочь?

– Выключил, – ответил я, не вставая.

– Это я и сам вижу... Ты лучше скажи мне, каким способом.

– Сделал прокол энергетического меридиана. Вот она и потеряла сознание.

– Ты что? «Пункцию» умеешь делать? – он удивлённо посмотрел на меня. – Это тебя Варяг научил? Он что, старый муд... С дуба рухнул, ученика «тройку» в шестнадцать лет такому учить? А ты сам головой-то вообще думаешь? А если б ты ей там все струны порвал? Она ж сдохнуть могла!

– С хрена ли? – удивился в свою очередь я. – Там же простое воздействие! К тому же у... э-э-э...

– Соня, – подсказала мне шёпотом соседка спереди, выглядевшая как профессиональная баскетболистка.

– У Сони... – Народ гомерически заржал, я же покосился на валяющуюся на парте девушку и сделал рожу кирпичом, всем своим видом показывая, что не понял подколку. – ...пассивная защита в нулях. Ничего бы с ней не случилось.

– Мозги у тебя в нулях! Как и у твоего Наставника, – буркнул Грем, тряся панкушку за плечо. – Эй! Спящая красавица, подъём!

– ...ка! Мра... заколю! – внезапно заорала девушка и, резко сев, застыла с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью. – А, где... Что со мной?

По аудитории в очередной раз прокатилась волна безудержного веселья. Между тем ехидная юмористка с первой парты елеиным голосом сообщила:

– Сарочка, поздравляю! Тебя только что лишили меридианной девственности! Вот только оприходовали тебя пальцем и не совсем туда, куда надо. Так что не спеши радоваться, женщиной ты так и не стала, осталась...

Последнее слово опять потонуло во всеобщем одобрительном гоготе. Интересно, что на этот раз фиолетововолосая смеялась чуть ли не громче всех. Покрасневшая девица, грязно ругаясь, вскочила на ноги и бросилась на своё место, едва не навернувшись на валяющемся стуле моего тёзки, который никто так и не озаботился поставить на место.

– Весёлые вы больно... – сам еле сдерживая улыбку, пробубнил себе под нос препод, покосившись на поморщившегося от подобного юмора меня.

Урок пошёл своим чередом. По аудитории то и дело летали силиконовые шарики, уворачиваться от которых было практически бесполезно. Грем метал их не глядя, сам между тем лениво зачитывал по бумажке обращение от деканата к учащимся и даже не скрывал того, что ему дико скучно. Наконец, ещё минут через двадцать он посмотрел на часы, кивнул своим мыслям и громко хлопнул ладонью о столешницу.

– Всё! То, что было нужно – вы услышали. Поняли или нет, ваше дело, – он поскрёб пятернёй свою бритую голову, – Короче, так. Курсанты. У меня сегодня дела, так что сидеть с вами до окончания уроков мне влом.

Аудитория радостно зашумела, предчувствуя нечто хорошее. Я общего веселья пока что не разделял, потому как, в отличие от остальных, не присутствовал на подготовительных занятиях, на которые гоняли курсантов почти половину августа.

– Поэтому! – повысил голос препод, перекикая радостные шумы. – Сейчас у вас будет контрольная работа, я выдам задание и пойду. Кто с ней не справится – пусть пеняет на себя.

Народ разочарованно взвыл.

– Преторианцы – молчать! – рявкнул учитель и саданул кулаком по стене, от чего она загудела, а в соседнем классе что-то гулко бухнуло.

– Грем, мать твою! – долетел из окна донельзя возмущённый женский голос. – С тебя новая петуния, гад ты разэдакий.

– Забились, Инга! – так же проорал препод в распахнутую из-за жары створку. – Но с тебя поцелуй.

– Пошёл ты!

– Уже иду! – он откашлялся и вновь обратил на нас внимание. – Значит так. Слушаем условия контрольной работы. Вы, неважно по какой причине, оказались отрезаны от своего подопечного и находитесь в зоне, контролируемой условным противником. Ваша задача – незамеченными покинуть данную территорию, не привлекая внимания патрулей. Так, Ереман – для тебя отдельное задание. Твой наниматель находится на лечении в местном медпункте, вместе с двумя бодиками. Задача:

дождавшись окончания процедур, тайно вывести клиентов с охраняемой зоны. Всем всё понятно?

– Так точно! – хором рявкнул обрадованный народ.

– Ну, так хрен ли сидим! – заорал на нас Грем, бешено выпучив глаза. – Чтобы я ваших рож до завтра не видел! Кто попадётся, влеплю неуд и лично накажу.

Курсанты выходили из класса через двери и окна, кто натягивая на ходу маскировку, а кто полагаясь на сверхскорость или другие способности.

– Ефимов, – с ласковой угрозой в голосе произнёс препод. – А тебе особое приглашение нужно?

– Никак нет, – ответил я не вставая, жонглируя парой шариков и подумывая о том, получится ли мне добавить к ним одним махом оставшиеся три. – Я жду.

– Чего?

– Когда остальные свалят достаточно далеко или попадутся. Понимаете ли...

– Называй меня просто Грем.

– Понимаете ли, Грем, я в ниндзя не играл даже в детстве. У меня вообще с маскировкой дружба не сложилась, а стадный инстинкт у меня не развит. Так что просто не обращайтесь на меня внимания.

– Да? – он усмехнулся. – Но ты же понимаешь, что моё задание касается и тебя?

– Так точно.

– И как же ты его выполнишь? – он изогнул бровь.

– Сейчас минут через пятнадцать-двадцать, когда всё уляжется, я встану и просто уйду отсюда, – пожал я плечами, и пять шариков посыпались на парту. – Вы же не поставили каких бы то ни было ограничений по времени. Так что торопиться мне некуда.

– М-да... – покачал головой препод и, взяв со стола папку, направился к двери. – Ты старику точно не родственник?

– Смотря какому, – поморщился я. – «Стариков» много.

– Да про Варяга я. Говоришь точь-в-точь как он. Даже интонации одни и те же... Короче, Ефимов. Предупреждаю – если попадёшься, накажу строже остальных. Всё понял?

– Так точно.

– Тогда бывай, – он помахал мне папкой и вышел из аудитории.

Посидев ещё минут тридцать, я тоже встал. Из важных дел на сегодня у меня намечалось общение с Зайкой, которое обещало быть непростым.

Правда, запланировали мы его на шесть, когда у девушки закончатся занятия, а сейчас не было ещё и двенадцати. Ну и ещё, я хотел заглянуть к Валентину в дисциплинарную комиссию, коли уж обещал там показаться. Поправив пиджак и галстук, я медленно, не торопясь вышел из опустевшего класса.

Глава 15

Мяч, посланный мощным ударом ноги, пронесся, словно метеор, мимо запоздало вскинутых в защитном блоке рук и с гулким стуком врезался в площадку. Толпа зрителей взревела, а судья указал в сторону команды, проводшей удачный приём.

– Три очка красным! Двадцать пять – семнадцать, победа в третьем сете команды красных! Два – один, победа в матче команды красных!

Под крики и бурные аплодисменты на площадке пятеро ребят исполнили дикий танец, больше всего похожий на воинственную пляску какого-нибудь африканского племени. И ведь наверняка каждый из них аристократ, да ещё и с титулом. Всё же слишком легко под воздействием эмоций с нас смывается налёт цивилизации. Но предаться философским размышлениям мне не позволил вид батута, вытаскиваемого на освободившуюся половину поля. На другой уже разминалась новая группа, с зелёными повязками на руках.

– Не понял? – недоумение было настолько сильно, что я сказал это вслух.

– Ты чего, боссабол раньше не видел, что ли? – парень, стоящий по соседству, с удивлением посмотрел на меня. – Из какой же дыры ты вылез, друг?

– Мы из тех ворот, что и весь народ, – я буркнул, уязвлённый даже не словами, а тем, сколько интересного в жизни прошло мимо меня. – Объяснить, что ли, сложно?

– Извини. Короче, гляди. Это смесь волейбола с футболом. При этом не одарённые или маги, из тех, кто физическими нагрузками не манкирует, могут вполне посоревноваться даже с Есаулом. Меня, кстати, Жека зовут. – Сосед протянул мне руку, которую я крепко пожал. – Тише, блин. Вы, воины, так и норовите кому-нибудь что-нибудь сломать.

– Прости, нечаянно. Думал, ты тоже из наших, с виду-то крепкий. – Парень действительно выглядел подтянутым, с явно выделяющимися мышцами.

– Да нет, я маг, Аколит. Просто люблю спорт. Слушай дальше. – Жека нетерпеливо поглядывал на площадку, ожидая следующего матча, и явно старался рассказать мне всё до того, как он начнётся. – Принцип такой же, как в волейболе. Пятеро на площадке, между противниками сетка. Только тут, видишь, она шире и закреплена на трёхметровой высоте. И чтобы

нанести удар, приходится подпрыгивать ещё выше. Это может делать только основной, центральный игрок. Именно для этого и нужен батут.

Я понятливо кивнул. Даже для Юнкера сигануть на три-четыре метра в воздух невыполнимая задача, что уж говорить про не одарённых, так что решение нашли действительно оригинальное. Но, допустим, я могу махнуть гораздо выше, даже не выходя за рамки Есаула.

– А выше пяти метров прыгать нельзя, за это начисляют штрафное очко, – спортивного вида маг словно прочитал мои мысли. – Так что приходится центральному изображать из себя бешеного кузнечика. В принципе, из остального необычная только система начисления очков.

– А футбол тогда тут при чём?

– Так я и говорю, оцениваются голы по-разному, – Жека аж всплеснул руками. – Забил рукой – одно очко. Ногой – три. А принимать можно любой частью тела. Хоть ягодицами. Был такой случай, одна мадам зазевалась, и ей по попендрии здорово прилетело, и что ты думаешь, другие подхватили мяч и выиграли розыгрыш. Начинается! Вот смотри, сейчас как раз и будет играть команда из Юнкеров против вторых-третьих уровней!

– Весело у вас тут. – Ребята с зелёной повязкой закончили установку батута и явно были настроены биться до конца. – А шансы у них есть?

– Да в том-то и дело, что да! Сейчас это, наверное, единственный спорт, где возможности примерно равные. Сейчас сам увидишь. – Жека внутренне уже был на площадке. – Ты, это... если заинтересовался, приходи на второй стадион. У нас там тренировки в понедельник, среду и пятницу с шести вечера.

Я не стал больше надоедать фанатику игры расспросами и сам с интересом уставился на площадку. И должен сказать, посмотреть было на что. Ребята, только открывшие себе первую чакру, ничуть не уступали Корнетам и Есаулам, в невообразимых пируэтах вколачивая тем мяч в площадку. И неожиданно для себя я понял, что с удовольствием бы попрыгал за мячиком в составе команды товарищей. И сделал себе зарубку обязательно заглянуть к Жеке, после того как разберусь с учёбой и этим непонятным турниром.

До встречи с Зайкой оставалось полтора часа, а я уже откровенно задолбался маяться бездельем. Даже наплевав на все принципы, вдалбливаемые Наставником, заглянул в фастфуд Kostroma Fried Chicken, внаглую скопированный с известного американского оригинала после Первой Магической. Впрочем, во время «Войны брендов», развернувшейся в двадцатых годах этого века, когда проходила вторая волна глобализации, это корпоративное чудовище смогло поглотить своего прародителя. Теперь

даже в Североамериканской Либерократии негры давно уже забыли про «Майора» и ходили покушать исключительно «костромских курочек» от Бабы Ньюры. Лучше бы уж отечественные пельменные «Сила Сибири» от сумасшедшего клоуна с шотландской фамилией уберегли.

Стыдно признаться, но мне понравилось! Курицу я люблю, да и к острому равнодушен. Так что хоть и отнёсся поначалу к этому безобразию вкуса с опаской, умял за обе щёки, да ещё потом долго думал, с какой стати чурался подобной вкуснятины, когда жил в Новосибире.

С территории военной кафедры я выбрался без лишней суеты и каких бы то ни было проблем. Следил лишь за тем, чтобы не попасться на глаза уже встреченному утром патрулю. А так – мало ли зачем «гражданский» оказался на данной территории. Главное, что, сделав свои дела, он с умной рожей целенаправленно топает на выход.

Ну а затем, когда поставленная задача была выполнена, мне пришлось развлекать самого себя. Погулял, заглянув в кинотеатр, посмотрел «Имперский Комиссар-8: Возмездие или месть!» Как обычно, сделанная в Японии анимация была великолепна, а вот сюжет, на мой взгляд, – подкачал. Приключения подданной Его Величества японского происхождения на родине, куда она вернулась, чтобы расследовать таинственные смерти могучих Омёджи от рук якобы местной якудза, показались мне притянутыми за уши.

Особенно участие во всём этом американского суперагента Леди Браун. Её, похоже, вообще вставили в историю, только чтобы показать – вот смотрите, какие пиндосы плохие-плохие. Они нас много лет оккупировали-оккупировали, а когда Великий Тэнно в девяностых выбросил проклятых американцев из страны, они так и не смирились, и гадят нам, аки «Англичанка» – русским. При этом сюжетная линия смотрелась тем более фальшиво, что в седьмой части франшизы главная героиня Катюша Сакура и Леди Браун фактически обозначили, что они друзья, когда совместно сорвали нападение на Японию, которое готовили Земли Германской Нации и Китай.

Впрочем, то только мои мысли. Никогда не стоит забывать, что всё аниме и «Имперский комиссар» в частности – продукт, ориентированный в первую очередь на местный рынок. Как и то, что до середины девяностых именно наших соотечественников можно было чаще всего встретить на отрицательных ролях, а американцев на положительных. Пусть и немного глуповатых в сравнении с японцами.

Откуда я это знаю? Нет – я никогда не увлекался подобными развлечениями... раньше. Когда я едва ползал на своей коляске после

переселения семьи в Чулым, да и во время обучения у Наставника, у меня просто не было времени на такую ерунду. На иглу японской мультипликации меня подсадил сосед по комнате в общежитии техникума. Долгими зимними вечерами бывало скучновато, вот я и пристрастился... хотя порой мне кажется, что Юрий сделал это целенаправленно, просто подобрав для меня определённые фильмы и сериалы, которые гарантированно не могли не зацепить такого сухаря, как я.

После сеанса я ещё немного побродил по улицам, пока не наткнулся на закуток, в котором проводили свои бои любители Card-summoning, своеобразной безопасной версии спаррингов настоящих призывателей, в которой могли участвовать как одарённые маги и воины, так и обычные люди. Главное, чтобы у игрока имелась карточка развивающегося монстра и переносная игровая приставка для его вызова.

Понаблюдав какое-то время за боями драконов, грифонов, домовых, кикимор и прочих девочек-кошек, я отправился дальше и где-то через полчаса после посещения «Костромских курочек» набрёл на площадку для игроков в боссабол.

Как рассказал мне Жека, пришёл к нам он откуда-то из Европы. И очень быстро стал популярным как раз из-за возможности не одарённым или магам на равных соревноваться с воинами до третьего уровня включительно. Да, сила, конечно, многое решала, однако в среде игроков уже сложился своеобразный этикет, запрещающий Есаулам использовать сверхусиленные удары по мячу. В итоге получился интересный и азартный вид спорта, которым с удовольствием занималось огромное количество человек.

Я, кстати, не утерпел и попрыгал на батуте. Забавно, не прикладывая практически никаких усилий, взлетать на высоту второго-третьего этажа. Даже появилось ощущение полёта. Раньше, сгибая на крыши пяти- и девятиэтажек, я его никогда не испытывал. И это укрепило мне желание навестить Жеку на тренировках.

Так что к фонтану перед политико-дипломатическим корпусом я подошёл за пару минут до того, как из дверей здания появилась Зайка со своим неизменным зонтиком. Подойдя ко мне, она остановилась, осмотрев меня с ног до головы, покосилась на окружающих и, гордо распрямившись, снова стала мучить мой галстук.

Послышались щелчки фотокамер в смартфонах и ПМК, но Нина как-то особо сильно дёрнула меня в этот момент за удавку, явно давая понять, что не стоит пялиться по сторонам.

— Ты что, сюда бежал? — спросила она шёпотом, глядя мне в глаза. — От

тебя потом воняет.

– Ничего от меня не пахнет, – ответил я, прекрасно зная, что даже не вспотел.

– Пахнет – не пахнет, а я чувствую! – осадила она меня. – Ты почему не из юридического вышел? Занятия прогулял? Глаз да глаз за тобой нужен.

– Нин, я теперь не учусь на юридическом. Меня на военную кафедру ректор перевёл.

– Куда? Группа какая?

– Полтинник... – ответил я, ожидая её реакцию.

– Это... – она так затянула мне галстук, что я чуть не закашлялся. – Хорошо. Для нас обоих. А папенька – пусть побесится. Ему полезно. Ладно, Кузя, давай... рассказывай мне правду. Про дедушку твоего, про Наставника... и как ты дошёл до жизни такой.

– Я тебе не врал, – нахмурился я.

– Знаю... – она всё никак не отпускала мой галстук. – Ты лицо-то сделай попроще, а то мои однокурсники всяко-разно неправильное подумать могут.

– Тебе ректор рассказал? – спросил я, аккуратно снимая её маленькие пальчики со своей удавки, правда, она тут же вцепилась в мою руку, явно не желая ее отпустить.

– Я – настаивала, – она плотоядно улыбнулась. – Он, конечно, сопротивлялся, но... пойми меня правильно, Кузя. Это не простое любопытство. Просто я должна знать, с кем общаюсь. Тем более если сам герцог Сафронов первым подаёт этому человеку руку. Это при том, что тот вроде как «простолюдин». Ты уж не обижайся, твоя светлость!

– Я не аристократ, – буркнул я.

Мне было очень приятно от того, что она держала меня за руку. В общем-то ничего удивительного в этом не было. Мальчик-девочка... в моём возрасте при прикосновениях сверстников противоположного пола всегда возникает некое сладостное томление. Однако сейчас всё было немножко по-другому, и руки этой девушки, её пальчики... они казались...

– И это я знаю, – она тяжело вздохнула. – Я не думаю, что тебе стоит отказываться от...

Во внутреннем кармане моего пиджака завибрировал сотовый, а затем Виктор Цой затянул свою «Группу крови на рукаве...», что означало, что звонили с неопределившегося номера. Извинившись, я достал телефон и, отойдя немного в сторону, активировал его.

– Алё.

– Ефимов, мать твою! Как всё это прикажешь понимать? – рывкнула

трубка голосом Грема Фишшина. – Я думал, что ты нормальный парень! Не хочешь учиться у меня – так и сказал бы в лицо, а так поступать...

– Грем... Грем? – попытался я его остановить, но препода явно несло. – Грем – объяснитесь, чёрт вас побери! Я ни хрена не понимаю!

– Что... – он резко замолчал, а затем, моментально сбавив обороты, спросил: – Ты... что? Не писал заявления о переводе в гвардейскую группу?

– Нет. Меня и у вас всё устраивает.

– Так! – Я прямо почувствовал ярость учителя на том конце. – За наезд – извиняй... с меня бутылка.

– Да что случилось-то?..

– Ничего, что бы касалось лично тебя, – ответил он. – Просто один добрый дяденька генерал позабыл, что за такие штучки можно и в рыло схлопотать. КС!

– Чего? – не понял я.

– «Конец связи», говорю! Салага... учить вас ещё и учить. Отдыхай, боец! – он положил трубку.

– Препод звонил... правда, я не шибко понял, чего он хотел, – пожаловался я подошедшей ко мне Зайке.

– У тебя что? Ведёт Грем Фишшин?

– Да... я с твоей охранницей в одной группе, – я мотнул головой в сторону расположенного на той стороне дороги здания, на крыше которого восседала полупрозрачная фигурка фиолетововолосой.

– Не поняла, – пришла очередь Зайки играть бровками.

Последив за направлением, которое я указал, она прищурилась, слегка отвернулась, так, чтобы наша «орлица» попадала в грань бокового зрения, а затем активировала какое-то заклинание на своём техножезле и на секунду засветилась нежно-розовым светом. Наконец, видимо разглядев Касимову, которая немедленно попыталась смыться, Нина выщелкнула из рукояти зонтика небольшой блок мобильного ПМК и поднесла к уху.

– Леночка. Дорогая. Ты бы спустилась к нам. Да... и железочки свои там оставь. Не позорь уж меня – будь добра. Никто их там не возьмёт, – говоря это, она аккуратно подцепила меня под руку с левой стороны, после чего снова послышались тихие щелчки фотокамер.

В этот момент из дверей политико-дипломатического корпуса вышел молодой человек с длинными, ниже плеч, вьющимися золотистыми волосами. В левой руке он сжимал ПМК, правой же элегантным движением отбросил с лица сбившийся локон. Остановившись на площадке перед лестницей, он обвёл взглядом двор, а затем быстрым

шагом направился прямо к нам, извлекая на ходу из ножен длинную, дорогую и явно не предназначенную для боя шпагу. Студенты, окружавшие фонтан и делавшие до этого момента вид, что мы их как бы вовсе и не интересуем, а между тем внимательно наблюдавшие за Зайкой и мной – забросили это неблагодарное занятие и теперь в открытую пялились на нас троих.

«Аполлоша, блин! – немного ревниво подумал я, глядя на остановившегося неподалёку парня. – Зуб даю, что он маджигластик лица делал. Да и вообще из салонов красоты не вылезает!»

– Нина Святославовна, этот мужлан до вас домогается? – спросил он, поигрывая кончиком клинка. – Если вы только прикажете...

– Не прикажу, – холодно перебила его девушка, даже не глядя на златовласку. – Это дело, граф, вас не касается.

– Но я... – он завёл какую-то до омерзения одухотворённую речь о вечной любви и прочих пошлостях, которую я пропустил мимо ушей.

– Нин... – я посмотрел на Зайку.

– Чего?

– Он мне не нравится, – я ещё раз осмотрел блондинчика и, глянув на девушку, спросил: – Можно я его убью?

– Пока нельзя, – со вздохом ответила подруга, так словно бы сожалела о данном факте.

Конечно же я шутил, однако по какой-то причине мне показалось, что Нина восприняла мой вопрос вполне серьёзно.

– Что... Как... – магически изменённое лицо парня пошло красными пятнами. – Да как ты, мужлан, смеешь! Мне... да я... Дуэль! Только дуэль, ибо лишь твоя смерть сможет смыть...

– Граф, вы бы не позорились, а? – грубо оборвала его девушка. – Не по статусу вам первому встречному тыкать!

Она чувствительно ткнула меня локотком, видимо опасаясь, что я обижусь на невинного «мужлана». Между тем я всего лишь размышлял над тем, а не воплотить ли мою шутку в жизнь, уж больно мерзким показался мне этот холёный придурок.

Хотя... я даже в чём-то понимал этого парня. Скорее всего, он просто ошибся. Аристо явно неровно дышал к Зайке и, видимо, был знаком с ней ранее. И вот тут на ум сразу приходил небольшой комикс, который я как-то видел в инете.

Идёт по улице девочка, вся из себя умная, вежливая и красивая, все прохожие ею любят. Все мужики слюни пускают. Мол, что за ангел к нам спустился... да какой ангел? Это ж натуральная богиня! Наверное, и

парень у неё как минимум не хуже. А она подходит к гопнику в кепке, берёт его под ошарашенными взглядами окружающих под руку, и оказывается, что она его девушка.

Вот только отношения у нас с Зайкой были немного другие. Я на Нину пока что видов никаких не имел, мне просто приятно было общаться с ней. А то, что она то галстук мне поправит, то за руку возьмёт... так может, в их среде так положено проявлять дружеские чувства. Вон – чмокают же девушки из простонародья знакомых в щёчку вместо приветствия! Мне-то откуда знать! К тому же в исторических фильмах про дореволюционную Российскую Империю дамы всегда под ручку с кавалерами ходили.

То, что Нина девушка непростая, даже для голубых кровей – и так было понятно. Не будет ректор за кого попало вписываться. Видимо, дочка кого-то из высокопоставленных, не иначе. Впрочем, лично мне на это было как-то наплевать. Статус Зайки, какой бы он ни был, меня мало интересовал, куда важнее было то, что с ней было приятно и интересно общаться.

– Еду бабу выручать, эх, устал, е... мать, – заорал вдруг Юра Хой из моби́льника, лежащего в кармане, огласив двор элитарного факультета куплетами, многие слова из которых здесь принято было произносить только в одиночестве, да и то шёпотом.

Сделав умное лицо, мол: «А что, собственно, такого вы в “Секторе Газа” неприличного увидели. Это же уже, можно сказать, фольклор! Персонифицированное народное творчество!» я ответил на вызов. Звонила Марина. Именно на неё я поставил позавчера эту мелодию. Вчера я видел её только на церемонии, и, как оказалось, на весь последующий день она выпала из реальности в своей лаборатории. А сейчас выкроила время, чтобы справиться о том, как обстоят дела у её непутёвого ученика.

Пришлось расстроить её тем, что теперь я никак не связан с Федосеевыми и вообще отправлен самим Императором в свободное плавание. К моему удивлению, она знала об этом, да и вообще восприняла спокойно подобный поворот. Ещё и пожаловалась, что и из-за неё у Его Величества и Александра Павловича опять возникли какие-то разногласия. Бросив быстрый взгляд на Нину, которая в этот момент переругивалась с клещащимся к ней графом, и показав последнему исподтишка кулак, я попросил Марину рассказать поподробнее.

Оказалось, что разработки Марины в области нулевой химии давно уже беспокоили Имперскую Канцелярию. Точнее, то, что Александр Павлович, пользуясь её изобретениями, активно лез не в свою степь, что-то там монополизировав чуть ли не на мировом уровне. А потому ему уже

несколько лет как намекали, что неплохо было бы если б его гений трудилась не на него конкретно, а во благо всей Империи.

Федосеев сделал финт ушами и устроил девушку преподавать нуль-химию в колледж. Мол, и для народа полезно, и себя не обидел, так как лаборатория при колледже бы в полном её распоряжении. Наверху, видимо, сделали вид, что удовлетворены подобным решением проблемы, а потом появился я и привлёк к своей персоне нежелательное внимание Императора. Вот, похоже, Его Величество и решил прижать к ногтю чересчур уж распоясавшегося подданного, который в своём Бердске совсем отбилась от рук и забыл своё место.

А вот новость о том, что я отныне учусь не на юридическом, а переведён на военную кафедру, застала девушку врасплох и заставила поволноваться. Причём аргументы у неё были на уровне: «Кузя – задумайся о своём будущем!» и «Кузя, не ходи туда – там опасно, там стреляют!» Елеле успокоил, а заодно поинтересовался, преподаёт ли она курсантам свой предмет, или химик к нам будет приходить другой.

Оказалось, что конкретно они по классам не ходят. Наоборот, занятия по данной дисциплине проводились у них, в лабораторном комплексе, и студенты со всего колледжа посещали их в соответствии со своей учебной сеткой. Которая, кстати, ещё не была полностью составлена, а потому Марина в ультимативной форме потребовала, чтобы я сказал ей номер моей группы. Мол, не может она доверить моё обучение кому-то другому.

Признаться честно, мне даже слегка поплохело, когда я представил себе этот комнатный цветочек в окружении наших «неформалов». Они же её живьём проглотят и не подавятся! Это всё равно, что запустить морскую свинку в вольер к волчатам, надеясь, что та обучит их, как правильно охотиться на крупную копытную дичь.

– Что за девушка? – с какими-то странными интонациями в голосе спросила меня Зайка, когда я, поняв тщетность усилий, прекратил уговоры и, попрощавшись, убрал трубку. – Кто такая эта Марина?

– Заноза в заднице, – буркнул я в ответ, косясь на всё ещё пытящего возле нас красавчика графа. – Мария Сергеевна Федосеева, учительница нуль-химии в нашем колледже. Она меня сопровождала из Новосибирска.

– И что у тебя с ней?

– Потом расскажу, – отмахнулся я и вновь посмотрел на златоволосого парня. – Вам что-то ещё нужно?

– Я вызвал вас на дуэль! – возмущённо воскликнул он. – Вы ещё не дали мне своего ответа.

– Вы бы хоть представились, что ли... – фыркнул я. – А то я, знаете ли,

с безымянными самоубийцами по субботам после обеда не дуэлюсь.

– Меня зовут граф Валерий Лапушкин! – он гордо вздёрнул нос и картинно поправил волосы. – Странно, что вы меня не узнали. Это очень многое говорит о вашем воспитании.

– А должен был? – я удивлённо посмотрел на Нину.

– Он довольно известный поп-исполнитель, – пожала плечиками девушка. – Протеже самой Примадонны.

– А... певец ртом, – понимающе кивнул я. – Простите, граф, виноват! К своему большому стыду, я подобной порнографией никогда не интересовался.

– Вы смеете оскорблять меня? – златовласка даже отшатнулся.

– Нет, что вы... – постарался успокоить я его. – Это всего лишь моё оценочное суждение касательно всей нашей попсы. Я ни в коем случае не имел в виду конкретно вас! В сортах дерьма не разбираюсь.

– Я жду ответа!

– Отказано, граф, можете быть свободны, – опередила меня Нина. – Ефимов...

Она сделала особое ударение на моей фамилии, так, словно бы это был псевдоним.

– ...учится на военной кафедре. А вы, как я думаю, правила знаете. Так что... идите, Валера. И-ди-те!

К моему удивлению, парень как-то сразу сгорбился, развернулся и поплёлся обратно в корпус, даже забыв убрать в ножны свою шпагу. Только со второго раза он смог запихнуть в карман пиджака ПМК и пару раз оглянулся жалостливо, словно наказанный щенок, посмотрев на Зайку, от чего чуть не споткнулся на лестнице.

– А что за правила такие? – спросил я девушку шёпотом.

– Курсантам со студентами выяснять отношения на дуэлях до начала «Большой Игры» по правилам нашего колледжа – нельзя, – ответила она мне так же тихо. – В частности, поэтому очень и очень неплохо, что ты теперь на военке.

«А ведь Мальвину это не остановило, – подумал я, вспомнив встречу с фиолетововолосой в беседке на крыше. – Или именно по этой причине она так легко приняла мой отказ? Вот же ж...»

– Поклонник? – задал я очередной вопрос, кивнув в спину входящему в здание парню.

– А... – отмахнулась от меня Нина. – Можно сказать, друг детства. Хороший в общем-то парень, только когда выступать начал, ему от популярности крышу напрочь сорвало. Не поверишь, год назад он вдруг

решил, что я должна выйти за него замуж! Мол, когда мы были детишками, мы друг другу обещали и всё такое. Вот он с тех пор за мной всё свободное время, словно хвостик, бегают. Достал, сил никаких нет! Вон как себе морду лица, якобы ради меня, изуродовал! Смотреть противно!

– Даже не знаю, кого из вас двоих стоит пожалеть... – улыбнулся я.

– Меня жалеи! Я здесь жертва! – тут же выдала Зайка.

– Угу... «бедная Нина»! – Мы дружно засмеялись. – Вот ещё одна пай-девочка идёт...

Действительно – к нам приближалась Мальвина. Вся такая опрятненькая, юбочка выглажена, чулочки белые, ладошки на подоле сложены, глазки в землю потуплены, а на мордочке лёгкий румянец, смирение и покорность! Прямо идеальная горничная из самого благородного дома страны, а не адская оторва, всю гогочущая над пошлыми шутками ниже пояса.

– Добрый вечер, госпожа, – вежливо поклонилась она. – Добрый вечер, господин Ефимов.

– Леночка, – елеиным голосом произнесла Нина, – ты опять за старое? Мы же с тобой договаривались! Ладно – одевайся, как знаешь, делай, что хочешь, но ты же обещала мне, что пойдёшь учиться на гражданскую кафедру! Мы с тобой месяц не виделись, а тут я на второй день узнаю, что ты с Кузьмой в одной группе. Как это понимать, подруга? Получается, ты мне вчера солгала?

– Мне очень стыдно, госпожа! – Касимова, изобразив раскаяние, опять поклонилась. – Можете наказать меня... снова... по-разному. Как вы любите!

– Чего? – Зайка захлопала глазами, а я с недоумением посмотрел на неё.

«Так вот какие черти в этом омуте водятся!» – промелькнула мысль.

– Я всё вытерплю, только бы доставить вам удовольствие, моя госпожа...

– Ты на солнце, что ли, перегрелась? – ахнула Нина и как-то беспомощно покосилась на меня. – Её на уроке по голове не били случаем?

Два подарочка от Грэма девушка точно схлопотала, за то, что паялилась на меня, а остальные шесть, насколько я помню, благополучно поймала. Так что я отрицательно покачал головой, не зная, стоит ли рассказывать о воспитании курсантов по методу Фишшина.

– Если вы ходите, то можете ударить меня прямо сейчас, моя госпожа... – пролопотала Мальвина и, зажмурившись, склонилась в поклоне.

– Выпендриваешься перед Кузьмой, значит... – процедила Зайка, поджав губки. – Ну что ж, мы с тобой дома поговорим...

– Я готова к наказанию, госпожа!

Нина, издав тихое рычание, с хлопком раскрыла свой зонтик и зашагала, нет – величественно поплыла к остановке трамвайчика. Пожав плечами, я направился за ней, а Касимова пристроилась рядом со мной.

– Предатель! – прошипела она сквозь зубы. – Вот расскажу преподу, что ты меня слил – он тебе устроит райскую жизнь.

– А ты дура. На хрена ты Нину задираешь? – так же тихо ответил я. – А Гремом меня не пугай. Сама не проработала легенду и не обеспечила прикрытие – вот теперь и расхлёбывай.

– Прикрытие... Много ты понимаешь! – фыркнула она. – Что-то я не видела тебя среди тех, кто задание выполнил! Признавайся, насекомое, – завалил контрольную?

– Я что? Баран, чтоб со всем вашим стадом бегать? – отбрил её я. – Подождал, пока вас всех переловят, и спокойно ушёл.

– Дилетант, – констатировала она. – А если бы в класс заявили с проверкой, после того как отловили бы самых нерасторопных? Ты об этом подумал?

– А что бы они увидели? – фыркнул я. – Единственного прилежного ученика во всей вашей гоп-компании?

– Идиот, – буркнула она и отвернулась.

– Вы там долго шептаться будете? – крикнула Нина, которая успела уже отойти на приличное расстояние и остановилась, поджидая нас. – Трамвай пропустим!

– Так... давай вали отсюда, насекомое, – ткнула меня локотком Мальвина. – Скажешь, что у тебя дела, и чтобы я тебя возле госпожи больше не видела.

– Ага – бегу и волосы назад! – парировал я. – Слушай, Касимова... Тебя что, действительно, стукнуть как следует, чтобы ты пай-девочкой стала? С волосьями фиолетовыми в крапинку?

– Дались тебе мои волосы! – громко возмутилась девушка. – Достал уже! Нин, он меня обижает... ой. Госпожа, ваш кавалер ко мне домогаться изволит!

– Бли-и-ин... И с кем я общаюсь! – Зайка покачала головой, а затем пару раз хлопнула в ладошки, совсем как та девушка-патрульный у концертного зала. – Все замолчали! Мы – едем развлекаться!

И мы поехали. Развлекательный центр «Третья планета» встретил нас огромной толпой и ещё большим количеством игровых автоматов,

аттракционов, конкурсных площадок и соревнований на любой вкус. Народ отдыхал после первого учебного дня, веселился, знакомился и наслаждался жизнью. Так что и мы пошли в отрыв!

Касимову как подменили. У девушки разбегались глаза, а учитывая, что за неё платила Нина, она словно ошпаренная бегала с выпученными зенками от одного автомата к другому, и, по-моему, ей было наплевать на то, во что она в данный момент играет. А вот я от спонсорства отказался, из-за чего, кстати, чуть было не поссорился с Зайкой, которая, похоже, не привыкла, чтобы ей перечили в подобном.

Обошлось. Правда, мне пришлось раскорячиться так, что мама не горюй. Уж очень трудно оказалось объяснить обиженной девушке, что ты не хочешь брать её деньги не потому, что она женского пола, а оттого, что чересчур её уважаешь, чтобы позволить ей платить за тебя. Глупость, конечно. В наш-то век эмансипации. Однако я не мог заставить себя поступать по-другому, и что уж там говорить: были бы деньги – гуляли бы все на мои!

Правда, без того, чтобы влезть к ней в карман – не обошлось. А виной тому – горящие адским огнём глазёнки Касимовой, ну и райский взор Нины... куда уж без него! Невозможно нормальному мужику отказаться, когда дамы так просят, и не чего-нибудь, а проверить силу удара.

В общем, мне, можно сказать, не повезло... На автомате как раз выбили новый рекорд, и толпа взорвалась ликованием, что не могло не привлечь к себе нашу Мальвину. Девочка попробовала и, естественно, проиграла накачанному парню-второкурснику, взявшему высший балл. Он сказал что-то нелестное, Касимова завелась, Нина её осадил, но прощать что-либо кому-либо эти двое не собирались. И тут у меня было два выхода: подписаться или упасть в глазах девчонок.

В результате я сломал игровой автомат. Защищённая от ударов внутренней силы груша пробила крышку и лопнула, высыпав наполнявшую её крошку на пол. Так что рекорд и восторги окружающих были мне обеспечены, как и с визгом повисшие на мне личные ангел с демоном, а также извинения для последнего от посрамлённого чемпиона, но за сломанную машинку пришлось заплатить. И тут имеющиеся у меня в наличии стартовые финансы не каналы.

– Так, девушки... – достав смартфон, я посмотрел на дисплей. – Я ещё сегодня в дисциплинарную комиссию хотел заглянуть. А уже девять.

– К Валентину собрался? – тут же догадалась Нина.

– Ага. Приглашали, так что надо бы появиться, – вздохнул я. – К тому же хочу попробовать у него узнать, как на подпольный турнир записаться.

Он типа местного полицейского... так что должен знать, как там это делается.

– А зачем тебе этот турнир? – с подозрением спросила Зайка, а Мальвина скривила губы и отвернулась, так, словно бы я сказал, что желаю поесть слизняков.

– Нужно, – вздохнув ответил я, не вдаваясь в подробности. – Спор у меня. Рассказать не имею права.

– Вот даже как! – Нина даже хлопнула в ладошки. – Тогда я с тобой.

– И я! – быстро вписалась Касимова.

– Значит, решено! – заявила Зайка, даже не дожидаясь моего ответа. – Едем!

Я почему-то не удивился, что в здании дисциплинарной комиссии Валентина знали даже тараканы. Более того, он позаботился о том, чтобы пришедшего к нему первокурсника не погнали из приёмной, а пропустили в здание. Правда, по его заявке я должен был быть один, но это уже мелочи.

В комнате номер двести семь, где он обитал, нас никто не встретил, хотя дежурная на ресепшене специально позвонила им, предупреждая о нашем приходе. Все сотрудники сгруппировались перед телевизионным экраном и, затаив дыхание, наблюдали за разворачивающимися на нём событиями.

У меня даже внутри всё похолодело. Там транслировали... Украинскую Зону! Да не просто какой-то ролик, а то, от чего сердце на секунду замерло, а затем понеслось вскачь. На экране сражались эльфы.

– Привет, Кузьма! – выскользнул из толпы Валентин и подошёл к нам, постоянно оборачиваясь на монитор. – Давай подгребай! И вы, девчонки, подтягивайтесь! Прямая трансляция с «Go-Pro» сталкеров группы «Маффин»! Они на драку эльфов из двух разных дырок натолкнулись!

На ватных ногах я подошёл к экрану. Сердце буквально вылетало из груди, и я даже не почувствовал, как за мою правую ладонь взялись пальчики Нины, а через пару мгновений на левой руке повисла Касимова. И уж тем более я не услышал завистливого вздоха Валентина, так как всё моё внимание было приковано к происходящему.

Там действительно сражались самые настоящие эльфы. Оператор, боец «Маффинов», известной пророссийской группы украинских сталкеров, сидел в кустах, а перед ним на поляне разворачивалось жуткое побоище. Противники были одинаково прекрасны, с длинными ушами и светлыми волосами, и тем не менее совсем не похожие друг на друга. Воины в белых робах и куче железа, против зелёных «Робинов-Гудов», пригнавших с собой натурального Айвенго, рыцаря Реда и рыцаря Грина.

Бойцы схлёстывались друг с другом, падали и оставались лежать, а всё

новые и новые эльфы лезли на своих визави, кололи их мечами, утыкивали стрелами, волнами прилетавшими с обеих сторон, и жгли разнообразной магией. За всем этим безобразием наблюдал ствол «калаша» с глушаком, который отслеживал особо опасных, с точки зрения оператора, бойцов.

– Грыцко! – окликнул кто-то того шёпотом. – На пять часов!

Камера повернулась в нужном направлении, и мы увидели эльфийку-мага в длинном, когда-то белом, а ныне перепачканном землёй и кровью платье, которая как могла быстро отползала в сторону ближайших кустов. В бедре у неё застряла зелёная стрела и явно причиняла бедняжке сильнейшую боль при каждом движении. Между тем последний из магов белых свалился на землю, истыканный стрелами, и почти сразу же после этого волшебник или друид зелёных схлопотал в грудь золотой арбалетный болт.

– Работаем, хлопцы! На пределе! – раздалась команда, и камера затряслась. – Быстро, быстро, быстро!

Дальше события полетели со скоростью света. Раненую девушку за волосы втянули в кусты и тут-же скрутили, заткнув рот кляпом и вколов обезболивающее. А в это время умирающий, но всё ещё твёрдо стоявший на ногах маг зелёных начал читать какое-то заклинание, активно помогая себе руками.

– Мыкола – «Щит Императора»! – заорал, срывая голос, командир.

Всё вокруг залило белое искрящееся зарево. А через секунду пришла волна страшного огня, в какие-то мгновения пожравшая почти абсолютную защиту. И всё же барьер сталкеров выстоял, спас и бойцов и пленённую эльфу. А когда он развеялся, вокруг на многие метры была ровная оплавленная поверхность, кусты и деревья просто испарились, как и другая растительность, трупы и остававшиеся в живых эльфы. Только посередине этого апокалипсиса стоял, хихикая, заживо горящий маг и уже протягивал в сторону сталкеров свою спечённую руку с неразгибающимися пальцами.

– Огонь! – рявкнул команду старший, и эфир взорвался автоматными очередями.

– Ах-ре-неть! – резюмировал кто-то из стоящей перед телевизором толпы.

Глава 16

Изображение моргнуло, и картинка на экране сменилась на заставку канала – стилизованный под улыбающийся череп маффин, под которым красовалась лихая надпись: «Кексики с салом!». Студенты, сотрудники отдела дисциплинарной комиссии всё это время, открыв рты и практически не дыша, наблюдавшие за действием на телепанели, разом загомонили, обсуждая увиденное.

– Ты видел, видел, видел! – Касимова чуть ли не оторвала мне рукав, аж прыгая от возбуждения. – Они поймали ушастую! Настоящую эльфийку!

– Ага, – только и смог выдавить из себя я, всё ещё находясь в какой-то странной прострации, впрочем, меня быстро отпустило, и я почувствовал, как мою правую ладонь тисками сжимают маленькие, почти ледяные пальчики Нины. – Ты чего?

Зайка стояла – краше в гроб кладут. Бледная, со стеклянными глазами и мелкими капельками испарины на высоком лбу. Губки девушки мелко дрожали, а сама она не могла оторвать взгляд от погасшего экрана.

– Нин, что с тобой? – обратила внимание на состояние подруги Мальвина. – Тебе что, нехорошо?

– Нет, – Зайка вышла из ступора и отрицательно мотнула головой, от чего её длинные хвостики заболтались в разные стороны. – Просто всё «это» – плохо! Очень плохо!

– Что?.. – не поняла Лена, перестав наконец мучить мой рукав.

– Да всё! Эта эльфа... то, что её поймали, да ещё так вот... в онлайн-трансляции, – девушка закусил губу. – Это же прямой повод для новой войны! Неужели вы не понимаете, что...

– Не будет ничего! Не волнуйся, – перебил её сильный женский голос, и мы дружно обернулись.

Мне даже захотелось присвистнуть. Вот не понимаю я, почему у нашей аристократии в основном рождаются такие вот красавицы, в то время как у простого народа и девушки по большей части... какие-то обычные, что ли. Здесь в кампусе, куда ни плюнь, обязательно попадёшь в очередную Афродиту, ну или как минимум в Елену Прекрасную, ради которой и Трои разрушить не жалко. А стоит выйти за околицу, и большинство девиц при сравнении с ними разве что своей «внутренней богиней» похвастаться могут.

Оставалось только задуматься над тем – уж не влияет ли подобным образом на девочек нуль-элемент, составляющий Море Сансары. Ведь большинство из них имеют уже одарённых родителей, или сами появляются на свет с раскрытыми чакрами. Да та же Андре – хоть и похожа на парня, но ведь и мужиковатой её не назовёшь, просто складывается впечатление, что она целенаправленно подчёркивает свою «мальчиковость» при помощи косметики и прочих маленьких женских хитростей.

В общем – всё это очень странно, потому как меня, например, красавцем разве что спьяну назвать можно. Да и вообще у сильного пола всё как-то намного стандартнее. Пройдёшься по улице и только по лицам вряд ли сможешь угадать, с даром перед тобой прохожий или нет. Не в ту, видимо, сторону у нас маго-эволюционный процесс повернул. А может, это мать-природа решила пошутить и воплотить в жизнь старую шутку, что, дескать, мужик должен быть чуть красивее обезьяны. Впрочем, девушки, да ещё и благородные, да к тому же с деньгами – постоянные клиенты разнообразных салонов красоты. Маджипластика опять же – было бы чем оплатить услуги скульптора.

Студентка, стоящая перед нами, напоминала смесь древнегреческой нимфы с суровой скандинавской валькирией. Красивое лицо с маленькими элегантными очками, копна длинных, заплетённых в ослабленную косу волос, соломенного цвета, стройная, спортивная, но вместе с тем очень женственная фигура и грудь... размера этак четвёртого-пятого. Которую она ещё к тому же подчёркивала, сложив под ней руки, в то время как сама задумчиво смотрела на пустой монитор.

На поясе у незнакомки в аккуратных и явно дорогих ножнах покоился самый настоящий кацбальгер. На левой же руке я разглядел перчатку с раздвижным щитом, сделанным аналогично с моим посохом. Правда, для того чтобы разобрать, что там у неё, пришлось глазеть практически на её грудь, за что я схлопотал ревнивый тычок локотком от Зайки, а потом нехилый такой удар кулаком по рёбрам от Касимовой. Впрочем, наказание было заслуженным, потому как, гуляя с девушками, плясать на прелести других особ женского пола – как минимум невежливо.

– Тут скорее вопрос, удастся ли доставить девушку на территорию Империи или нет. Привязок к местности «Маффины» не давали, известно только, что трансляция откуда-то из-под Киева, – продолжила нимфовалькирия. Спутники Зону читают плохо, так что основной упор будет на авиаразведку, а так как истребители туда не пошлешь, отправят пару звеньев ударных вертолётчиков. Как думаете, что будут делать немецкие «Дойч-тайгеры» и османские «Мангусты», когда, потратив время и

сориентировавшись по выжженному пятну, наткнутся на имперских «Нарвалов»? С Ка-56 воевать для их тарактелок – себе дороже, там всё-таки не самоубийцы летают. Да и не решатся она нападать на нас. У них своих проблем выше крыши. У османов вон – сирийская провинция бунтует, Курдистан полыхает, а на юге у них Халифат и нежить египетская. А Немецкая Нация вообще Империю последние десять лет разве что не облизывает, только бы мы со шведами и франками поменьше дружили. Будут они при таких раскладах портить взаимоотношения из-за туманных перспектив в виде подстреленной эльфийской девчонки? Максимум начнётся очередной виток «войны сталкеров», ну может, кто ракетами на скорую руку предполагаемую зону накроет. Пока наших людей там официально нет. И всё. Утрутся.

– Н-навверное, вы правы, – выдавила из себя покрасневшая Нина, которая, кажется, мнила себя гуру международной политики, и сейчас ей было нестерпимо стыдно, что она ляпнула ерунду, поддавшись эмоциям.

– А вы, ребята, чего-то хотели? – валькирия с интересом посмотрела на нас. – Хотели заявление написать или...

– Ольга, – крикнул ей Валентин, – эти первокурсники ко мне пришли. В гости, на рюмку чаю! Так что, о наша грозная начальница, заклинаю тебя – не пугай их!

– Уж не тот ли это «дух», что уделал тебя на шестах? – улыбнувшись, спросила она. – Парень, ты с какого факультета-то?

– Военка, пятидесятая группа.

– Опа! Преторианец, что ли? – кажется, она даже удивилась, впрочем, в голосе не было ни грамма враждебности. – А куратор кто?

– Грем Фишшин, – я кивнул на притихшую Касимову, с завистью рассматривавшую старшекурсницу. – Мы с ней вместе у него учимся.

– Круто! – она улыбнулась и перевела взгляд на Нину. – А тебя я, кажется, у нас на факультете утром видела? Ты тоже на политико-дипломатическом?

– Да... – Зайка удивлённо захлопала глазками.

Кажется, она совсем не ожидала увидеть в дисциплинарной комиссии кого-либо из «своих».

– Я у Анны Михайловны Садовой в группе.

– Тебе очень повезло, – улыбнулась валькирия. – Анна Михайловна – замечательный преподаватель. Ладно, ребята, заговорила я с вами, пойду-ка, а то у меня ещё бумажной работы непочатый край. В первый же день столько всего навалилось.

Махнув нам на прощание, она скрылась за дверью, а нами вплотную

заялся Валентин и его сослуживцы. Хозяева быстро накрыли стол, в небольших фарфоровых чашечках заплескался свежесваренный чай, и кто-то из парней сбегал в ближайшую кондитерскую за тортиком. Пару раз я ловил на себе немного виноватый взгляд шестовика. Он как бы говорил мне: «Ты уж, приятель, извиняй. Я б тебя чем покрепче угостил, да вот начальница на месте, да и ты сам с подружками припёрся».

Впрочем – лично меня всё устраивало. Мы посидели с часок, налаживая мосты и контакты между поколениями студентов колледжа, поговорили за жизнь, и когда пришла пора закругляться, я взял быка за рога.

– Слушай, Валь, а почему «Большая Игра» должна начаться для нас только после турнира?

– А ты что? Не в курсе? – удивилась Зайка, отставляя от себя полупустую чашечку. – Сейчас идёт регистрация, ждут, пока подтянутся отстающие, а народ разберётся с правилами, присмотрится и решит, кто и чем будет заниматься. Ну и турнир ещё.

– Ну, это, конечно, так, – согласился Валентин, – но это ещё не всё.

– А что ещё? – удивилась Касимова, особо плотно налегавшая на торт, а потому находившаяся в хорошем расположении духа.

– Для вас чиповка не готова.

– Что за чиповка? – хором спросили мы.

Вместо ответа Валентин повернулся к нам вполборота и приподнял рукой волосы так, чтобы мы могли видеть его шею. На первый взгляд там не было ничего такого, однако, когда я посмотрел на него в магическом спектре, то увидел маленькую светящуюся звёздочку прямо на «аксисе» – втором шейном позвонке.

– Это микрочип участника «Большой Игры», – пояснил шестовик, усаживаясь нормально. – Его подготавливают индивидуально для каждого, и по большому счёту он обозначает вашу жизнь.

– Не понял, – честно признался я.

– Ну, – парень поморщился. – Там всё сложно. Вам потом объяснят. Но если так – на пальцах, то эта штукавина делает игру более реалистичной.

– То есть? – Нина аж подалась вперёд, излучая нескрываемый интерес.

– Там установлено комплексное заклинание, – вступила в разговор девушка-старшекурсница с длинными чёрными волосами. – Которое забирает на себя определённое количество вредоносных воздействий, а также достоверно эмулирует реакции тела на них. То есть, например, позволяет одному игроку убить другого, не причинив при этом реального вреда.

– Убить? – ахнула Нина.

– Да. Как бы «понарошку», – кивнул Валентин и, видя в наших глазах непонимание, попытался объяснить по-другому: – Вот смотрите. Сейчас, если вдруг мы с Кузьмой подерёмся – мы будем наносить друг другу реальные повреждения, потому как у меня есть чип, а у него нет. И если он, например, порежет меня своими ножами, то рана будет реальной, и я имею все шансы истечь кровью и умереть. Когда же ему поставят чип, то тут уже начнётся взаимодействие двух игроков, и обработкой эффектов займётся комплексное заклинание. Моя рана будет выглядеть как реальная, лечиться как реальная, мне даже придётся отлёживаться в больнице, – но настоящего вреда здоровью мне он не причинит. В общем, иллюзии и метамагия – как-то так.

Естественно, что подобным объяснением мы не удовлетворились и закидали ребят вопросами, каждый ответ на которые порождали всё новые и новые что, как, зачем и почему. Так выяснилось, например, что автомат, что мне выдали – не совсем настоящее боевое оружие, а некий «Имитатор». Вроде всё то же самое, а на деле магическая приبلуда – точная копия оригинала, аннигилирующая настоящую пулю и заменяющая её на идентичный реальному магический выстрел.

За всем огнестрельным оружием на руках у студентов тщательно следили мастера-оружейники, которые собственно и превращали реальное вооружение в такие вот «игрушки». А вообще у них всё тут было серьёзно. Почти по-взрослому. На лидеров полисов регулярно совершались покушения, использовались яды, да и вообще студентота интриговала от души.

Надо было видеть, как вытянулось личико у Касимовой, когда до неё наконец допёрло, что сотворили с её любимыми пушками, которые так и остались лежать на крыше здания напротив политдипломатического корпуса. Да ещё и без её на то позволения. Если бы Нина не остановила её, она бы немедленно, прямо при всех задрала свою юбку и, достав пистолеты, занялась бы экспериментами.

– ...В общем – это как глобальная сеть, – закончил тем временем свой рассказ Валентин. – Очень умная кластерная система, которая всегда знает, что сделал я, что сделал ты и как всё это обработать так, чтобы всё оставалось в пределах правил «Большой Игры». Поэтому чипы и делаются индивидуально под каждого студента, неважно, в Америке он живёт, в Китае или у нас, потому как ты, я и все остальные не похожи друг на друга. А уравниловка никому не нужна – у нас тут не РПГшка какая-нибудь. Отсюда и задержка с началом «Большой Игры» для первокурсников, ну а

турнир... турнир это так – чтобы особо активный народ не заскучал.

– Как на него записаться-то? – задал я наконец самый важный для меня вопрос. – Я хочу участвовать!

– А почему ты думаешь, что я знаю? – хитро спросил меня шестовик. – Я ж вроде как полицейский, а турнир – подпольный. По идее, я должен тебя арестовать как потенциального нарушителя закона и...

– Валь, – перебила его одна из заседавших с нами третьекурсниц, – вот он тебе сейчас в лоб пробьёт и будет прав! Завязывай уже пургу гнать. Мы и так засиделись!

– Ладно, ладно, – Валентин встал и приглашающе махнул мне рукой. – Пойдём!

К нашему удивлению, повёл он нас не куда-нибудь, а в кабинет к валькирии Ольге. Девушка сидела за столом, зарывшись носом в бумаги, и оторвалась от своих дел только после того, как наш сопровождающий вежливо покашлял, привлекая к себе внимание.

– Что такое? – она сурово глянула на нас поверх своих очков.

– Да вот, Оль... На турнир хотят записаться.

– Все трое? – с сомнением спросила она, остановив взгляд на Нине.

– Нет, – ответил я, делая шаг вперёд. – Только я.

– Приходят и приходят... – пробурчала, надув губки, валькирия, открывая какой-то файл на компе. – Что вам там всем – мёдом намазано?

– Не знаю, как кому, – а мне намазано, – ответил я, и Касимова презрительно фыркнула.

– Хорошо... – устало вздохнула Ольга. – Имя.

– Ефимов Кузьма Ва...

– Не это имя! – сурово произнесла она и, не выдержав, рассмеялась. – Турнир-то подпольный. Там реальные имена не используются. Давай погонялово себе придумывай и побыстрее, а то я занята.

– Э-э-э... – выдал я, потому как фантазия резко забуксовала.

– Так и записать? – продолжала улыбаться валькирия.

– Нет! Пусть будет...

– Варлок! – внезапно для всех выдала Зайка. – Пусть будет «Варлок»!

– Почему «Варлок»? – удивилась Ольга. – Парень, ты что? Черно книжьем балуешься? Суккубов по ночам призываешь? Ты у меня смотри – узнаю...

– ...первая за инкубусом в очереди будет! – закончил за начальницу Валентин и заржал, заработав точный бросок смятой бумажкой в лоб.

Я же в свою очередь с подозрением покосился на Нину. Ну и что ещё обо мне знает эта пигалица с хвостиками? Warlock это ведь на английском

не только «чернокнижник», но ещё и «колдун»! Может, она и про мои чакры умудрилась выяснить...

– Так почему Варлок-то? – валькирия пристально посмотрела на Зайку, и та слегка стушевалась.

– Ну... – она замялась. – Звучит красиво! Грозно так!

– Да это госпожа в World of Witchcraft переиграла! – влезла Касимова, и Нина покраснела до корней волос и посмотрела на меня загнанным зверьком. – Четыре года за орка варлока оттарабанила, за мужика при том!

– Ты мне поговори ещё! – зашипела на неё Зайка. – Гном паладин «Пыса» восьмидесятого левела! Бронебанка ходячая!

Если бы Мальвина могла провалиться под землю от стыда – она бы это непременно сделала. Касимова, вообще, как я заметил, часто молола языком, до того, как до неё доходило то, чем могут обернуться её слова. К сожалению, мы были на втором этаже, и твердь под нашими ногами отказывалась разверзаться, а потому деваться девушке было некуда. Правда, ушки её стали такого цвета, что ещё немного и из них повалил бы пар.

– Варлок... Варлок... – покатал слово на языке Валентин, а затем попробовал скандировать: – Вар-лок! Вар-лок! А ничего так – мне лично нравится.

– Вот на фига все эти англицизмы? – возмутилась Ольга. – В русском языке что, слова кончились? Вот, например, хорошее имя «Ведун». М-м-м-м... Да. Свободно... «Ведун 139»! Кузьма, хочешь быть «Ведуном 139»?

– Спасибо... но лучше Варлоком, – отказался я от такой сомнительной чести, тем более что моё воображение, похоже, отправилось на зимовку в тёплые края, и в голове упорно вертелись какие-то «Терминаторы» и «Робокопы».

– Как знаешь, – пожала плечами местная начальница. – Дело твоё, но я бы на твоём месте взяла «Ведуна 139». Красиво же звучит!

М-да... у девушки явно было странное представление о прекрасном!

* * *

Зайдя в ванную, я быстро переоделся в свою чёрную форму военной кафедры. Портить кампусную повседневку мне как-то не хотелось, а моя гражданская одежда в виде джинсов, майки и куртки мне могла ещё пригодиться. Комплект же, который мне выдавали на военной кафедре, изначально предназначался для активной физической деятельности. К тому

же в нём действительно было удобно, да и уплотнённые защитные накладки располагались так, что прикрывали суставы и жизненно важные органы, не стесняя движений.

А вот дополнительную защиту, а тем более шлем я оставил дома. Эти штуковины скорее были нужны на поле боя, а не на полуспортивном соревновании, которым на самом деле являлся турнир. Несмотря на всю нагнетаемую вокруг него атмосферу таинственности и нелегальности, которую особо подчёркивали местные студенческие СМИ – безопасность, как говорил Валентин, на этом мероприятии ставилась превыше всего.

В общем-то я мог и не прятаться в ванной, смущать мне сегодня было некого. Андре как ушла утром из общаги, так до сих пор и не вернулась, а ведь на часах уже было почти восемь вечера. Впрочем, тут скорее сказывалась привычка, выработавшаяся у нас за неделю совместной жизни. Всё-таки нам приходилось не просто уживаться в одной комнате, а ещё и учитывать разницу в физиологии мальчиков и девочек. Правда, стесняло это только меня, потому как именно я старался не смущать лишний раз девушку. Анри же порой чуть ли не голышом носилась по комнате, так словно бы меня здесь и не было вовсе, но стоило только обратить на нее внимание, как она заливалась краской, и в ход шло рукоприкладство.

На кафедре же, за неделю, прошедшую с вводной пары, учебная рутина мало чем отличалась от той, к которой я привык в техникуме. Лекции, семинары, общефизическое развитие, лёгкая атлетика и всё вновь по кругу. Разве что общеобразовательных предметов у курсантов было побольше, да и программа потяжелее, нежели у будущих тренеров-физкультурников. Рукопашка, стрельба и прочие военно-магические забавы ожидали нас только после начала «Большой Игры», а сейчас нас нагружали по полной и постоянно проводили медико-магические тесты.

С последними, что было вполне ожидаемо – у меня сразу наметились проблемы. Точнее, я старался, как мог, изображая из себя простенького Есаула, однако уже после объяснений Валентина про чипы мне было понятно – что просто так в покое меня не оставят. Естественно, что так оно и случилось. Позавчера, в четверг, недовольный Грем после занятий отвёл меня в какую-то мегакрутую лабораторию, глубоко закопавшуюся в землю вне пределов колледжа. И вот там я под присмотром герцога Сафронова, Фишшина и кучи различных учёных мужей, а также, к моему неудовольствию, собственного деда, вынужден был выложиться по полной.

Вплоть до открытия на целых восемь секунд седьмой, теменной чакры Сахасары, после чего имел честь полюбоваться на воплощённого Аватара аспекта Метамагии и старого хрыча, так же вскрывшего себе всё, что

только можно. Зрелище было то ещё! Пока вызванный мной бесконтрольный магический шторм разносил вдребезги сверхукреплённый и мегазащищённый полигон подземного бункера, сминая зачарованные бронепластины, кроша в труху небьющиеся стёкла и аннигилируя дорогушую аппаратуру, ректор спокойно стоял рядом, сияя чистой арканой, словно солнышко, принявшее форму человеческого силуэта. Ну а дед хоть и тоже светился, больше всего напоминал обычную газовую горелку. Этакая Аватара «Газпрома», с полыхающей голубым огнём шевелюрой, глазами, а также выдыхающая ртом и носом струи такого же колера.

Так и подмывало пошутить на тему реактивной горелки на нижнем полушарии. Вот только... Сам я, как оказалось, мало чем от него отличался. Посмотрел потом на себя в записи... в общем-то всё то же самое, только ярко-ярко алого цвета, да к тому же с какими-то разноцветными лепестками по ареолу. Радужный пони-коммунист, блин...

Я даже был готов согласиться с Гремом, охреневшим от увиденного, а ещё более от того, что ему придётся учить подобного чудика, который в привычной ему манере поинтересовался у высокого собрания: «А не стоит ли сразу пристрелить паренька? Ну, чтобы не мучился!» Так что всем было хорошо, всем было весело, кроме начальника разрушенной лаборатории, которого, похоже, чуть едва не приобнял кондратий, после того как он увидел, что проходя, за несчастные восемь секунд, я сотворил с его подотчётным объектом.

Остановившись перед выходом из комнаты, я ещё раз осмотрелся, так, на всякий случай, мало ли чего забыл. На моей половине царил спартанский порядок, сторона же Андре была привычно захламлена. Повсюду валялась одежда, какая-то косметика, баночки, тюбики и прочее чисто женское барахло, от которого поплохело бы любому зашедшему к нам проверяющему. Хмыкнув и пожелав самому себе удачи, я выключил свет и вышел в коридор.

Общагу я покидал не привычным путём через окно нашего этажа, а по-человечески, ибо в кампусе сегодня была такая вот особая ночь, что даже будка охранника на выходе пустовала. Доехал, как и договаривались, на трамвайчике до Нининого особняка, девушки уже ждали меня в его садике, и Касимова даже посмела заикнуться о том, что я опоздал, хотя приехал я минут на пятнадцать раньше положенного срока, после чего мы вместе отправились на «суперсекретную» подпольную арену, о которой в городе знала последняя собака.

Было приятно вот так вот опять пройти вдвоём... да пусть даже втроём, по вечерним улицам. Всё-таки за эту неделю мы с Зайкой виделись

очень редко, а Мальвина на занятиях вела себя как отъявленная стерва, из-за чего хотелось её прибить и закопать поглубже, а не пригласить куда-нибудь прогуляться. Нинка же так выматывалась у себя на занятиях, что её хватало исключительно на обязательный моцион до своего домика, да и то с использованием колёсных средств, в котором я по мере возможности должен был её сопровождать.

Почему должен? Не знаю. Как-то так сложилось, да и мне в общем-то была не в тягость подобная обязанность. Правда, получилось у нас это только во вторник, четверг и сегодня, потому как в остальные дни после уроков я честно отрабатывал назначенные мне дополнительные наряды в кампусе. Но перетаскивание ящиков с места на место, как и другая подобная работа – была мне привычна, и я особо не напрягался, в то время как мои коллеги по наказанию, которых было немало, обиженно пыхтели и старались побольше филонить.

Вообще уровень организации воспитательного процесса меня однозначно порадовал. Не приходилось ничего выдумывать самому. Предприятия, магазины и прочие заведения скидывали в ректорат заявки на определённый день и время, а там они уже централизованно обрабатывались и приходили в виде направлений на планшеты к провинившимся, в зависимости от их внеурочных часов.

Нечто подобное было и на гражданской кафедре, только в немного другой форме. Так, например, наша Зайка, которая позавчера за что-то получила нагоняй от педагога, в следующий вторник после уроков обязана была явиться в какой-то там ресторан и отработать свою провинность мытьём посуды на кухне. Устала она, не устала, хочет, не хочет – встала и пошла. Исключений из правил здесь не существовало.

«Архисекретная» подпольная арена оказалась подземным уровнем Ильинского стадиона. Натуральным Колизеем, запрятанным в огромной искусственной пещере, в который уже понабилося уйма народу. Праздник уже начался, что-то умное голосила в микрофон девочка-ведущая, между рядами кресел и в стоячем секторе бегали продавцы напитков и различной вкуснятины, да и вообще молодёжь пребывала в приподнятом состоянии духа и радостно шумела в предвкушении интересного зрелища.

Сверившись с выведенной на огромные мониторы турнирной таблицей, я выяснил, что мой первый бой состоится с неким «Снегирём», в первом секторе на арене «А». После чего мы направились в нужную раздевалку, хотя я и предлагал подыскать девушкам сидячие места на трибунах, где им было бы куда как удобнее. Обе хором отказались. Нина заявила, что так, мол, не интересно, а Касимова сказала, что хочет быть

первой, кто поиздевается надо мной, после того как я солью стартовый бой.

Небольшое помещение под ареной, где мы оказались, служило комнатой ожидания для уже готовых к бою участников, а также своеобразным клубом для сопровождающих их друзей. К моему удивлению, и Нина и Лена быстро нашли среди этой разномастной толпы студентов и курсантов каких-то знакомых девчонок и упорхнули к ним пощебетать о своём, о женском. Что было в общем-то мне на руку, потому как я мог спокойно подготовиться и как следует осмотреться.

На мой взгляд, действительно сильных ребят здесь не было. Кое-кого из «военных» я уже видел на кафедре, но в основном лица были незнакомые. По уровням – в среднем двоечка, правда, встречались и единички, а в дальнем углу дожидался своей очереди угрюмый парень маг-адепт со второго курса в каком-то безумного виде наряде, бывшим, видно, формой его родовой боевой школы, из-за которой он, похоже, чувствовал себя не в своей тарелке.

Наконец, спустя минут пятнадцать по трансляции объявили мое имя, Нина пожелала мне «ни пуха ни пера», а Касимова – поскорее сдохнуть, после чего я традиционно послал всех к чёрту, служащий арены застегнул мне на шею специальный «гладиаторский» ошейник с особым амулетом, и в сопровождении девчонок мы последовали к выходу.

На огороженной прозрачным силовым барьером площадке уже ждал мой противник. Парень-второкурсник, чуть выше меня ростом и немного уже в плечах. Гибкий и стройный, с довольно длинными ногами и руками, однако не это было главное. В этом раунде мне противостоял воин-стрелок. Вооружён он был двумя пистолетами, которые я определил как Desert Eagle, правда, без понятия какой модификации, а вот сам я оружие доставать не стал. Ибо нефиг светить козыри раньше времени, потому как против меня вышел обычный Корнет, и справиться с ним Есаулу, под которого я косил, вполне реально было и так.

Прозвучал гонг. Выбежавшая на арену между нами девушка быстренько протараторила правила, точнее объявила их полное отсутствие. Как и следовало ожидать, амулет, который мне нацепили на шею, был простеньким аналогом того самого «чипа», о котором рассказывал Валентин, и работал по схожему принципу, просто был штукой универсальной и всё же не такой гибкой. Так что на радость зрителям, участники могли мутузить друг друга почём зря, а при желании даже делать грудью «амбразура тагенды»!

«Снегирь» встал в странную высокую стойку, довольно необычно вытянув перед собой руки с пистолетами так, что они оказались один над

другим. Причём держал он их словно заправский американский «гангста» – параллельно земле. Если я хоть, что-то вообще понимал в этом деле, то стрелять он мог разве что с верхнего, да и то не прицельно, потому как левая рука выгнута у него была уж очень неестественно. Хотя всё это могло быть всего лишь некой ловушкой для лоха.

Сам я занял верхнюю стойку «Пса». Она была чуть шире привычной мне «Журавлиной», однако позволяла быстро перемещать центр тяжести, а от того нижняя часть тела становилась куда как более маневренной, и дистанционному противнику было труднее определить направление первого движения.

В общем-то так и случилось. Стоило прогудеть третьему сигналу, как мой противник чуть развернулся и засадил из нижнего пистолета две пули немного левее от меня, куда, по его мнению, я должен был сделать стартовый рывок, и одновременно ещё одну по прямой. Первые, естественно, ушли в молоко, а последнюю я просто отбил воздушным хлопком, и она рикошетом улетела куда-то вверх, в то время как я оказался возле «Снегиря», навязывая ему ближний бой. Не знаю, что у ж у него там были за пули, но вряд ли обычные. Выстрел, похоже, нес в себе какое-то пакостное заклинание, которое должно было сработать при касании или при пролёте мимо меня, а потому я решил перестраховаться. Мало ли чего он туда понапихал.

И тут он улыбнулся, но мгновенно потух, нарвавшись на ответный оскал и сразу поняв, что попал. Я, конечно, не Якушев, с десятилетиями боевого опыта, но прочитать настолько линейную моторику мне труда не составило. Его боевое искусство, завязанное на пистолетный бой, явно строилось на двух основных принципах: бой на средней дистанции, с использованием «пистолетных кат», позволяющих производить неожиданные и точные выстрелы из вроде бы неудобных для этого положений, и чего-то наподобие «Липких рук» – искусства ближнего боя, позволяющего «связывать» противника на очень близкой дистанции, а учитывая, что своего оружия он не выпускал, то при первой же возможности просто пристрелить его в упор.

Хрен его знает, эффективен был этот комплекс или нет, в любом случае основной расчёт строился на том, что при первом и втором варианте противник будет как минимум удивлён и не сможет адекватно отреагировать. Вот только для этого нужно уметь скрывать свои намерения, а он не просто сразу же использовал свой первый козырь, подсказав тем самым, что мне с ним надо бы сблизиться, но и постарался сразу «налипнуть» на меня, как только случился контакт.

Однако подобным меня было не удивить. Наставник учил меня «Струям ручья», что по сути было теми же «Липкими руками», так что фокуса у него не вышло, и второй козырь также улетел в тартарары. Отведя дуло пистолета от своей центральной линии, так чтобы грохнувший выстрел прошёл мимо моей головы, я чувствительно саданул его костяшками пальцев по запястью, лишая его подвижности, и сразу же тыльной стороной той же ладони на обратном движении хлестнул по зубам, заставив его голову резко дёрнуться назад.

Вот и славненько! Пусть помедитирует немного, а мы пока поиграемся на руках, делая обещанное ректору «шоу». Конечно, это было не совсем честно с моей стороны, потому как, будь я Корнетом или даже настоящим Есаулом, выстрел, произведённый из такой пушки под самым ухом, не остался бы для меня без последствий. Ведь точно так же как нельзя накачать не только тело, но и лицо, невозможно нацепить «железную рубашку» на барабанные перепонки.

Но тут уж прости, парень! Ничего я поделать с этим не мог. Подобные защиты пробивались на рефлекторном уровне при обучении на сверхскоростях, и я даже не знал, реально ли вытравить их из моей брэнной тушки. Не то чтобы просто так вот взять и отключить ради какого-то там «Снегиря».

Зато я не стал так уж сильно унижать паренька. Хотя мог ухайдакать его как Есаул, после первого же касания. Наоборот, мы очень красиво потанцевали. Удары, отводы, поджимы на всё нарастающей скорости следовали один за другим. Прямо как на тренировке. Я и мой ведомый, точнее его натренированное на подобные движения, перехваты и отводы тело, которое сейчас двигалось само, в то время как его хозяин пребывал в лёгкой прострации.

Наконец, я решил, что хорошего помаленьку. Потому как ещё немного и уже самый тупой в этом зале поймёт, что я просто играю с несчастным «Снегирём», как кошка с пойманной, но всё ещё живой и не съеденной птичкой. Да и пациент уже начал приходить в чувство.

Немного нарастив скорость, я сбил руку с пистолетом в сторону, пробил несколько быстрых ударов по ней, работая по суставам, и резко закончил всё, поднырнув под вторую и впечатав локоть боковым в основание его челюсти, одновременно подбивая ноги. Красиво, эффектно и вообще-то смертоносно. Парень рухнул на землю как подкошенный.

– Победитель – Варлок! – проорала ведущая, выскакивая на сцену и нажимая какую-то кнопку на пульте в её руке.

«Снегирь» тут же ожил, так словно бы я и не слышал секунду назад

хруста ломаемых позвонков. Встал, хлопая глазами, недоверчиво покрутил шеей и, улыбнувшись, протянул мне руку.

– Спасибо за науку! – сказал он, когда я ответил на рукопожатие, а затем, чуть наклонившись ко мне, шёпотом добавил: – С меня бутылка за то, что сразу не положил.

Глава 17

– И победитель этого боя... Пы... Пи... что? Как? – донёсся с какой-то из арен голос ведущего. – И победитель этого боя – Пэ-гыт-тын!

Народ в зале взорвался хохотом. Я же посмотрел на недовольно надувшуюся Нину, сидящую на стуле возле меня, и тяжело вздохнул. Не понимаю я женщин... вот какая ей разница, подставлялся я под пули или нет? Ведь победил же! Да и по большому счёту ничего мне не угрожало – ан нет. Она, видите ли, испугалась, когда «Снегирь» выстрелил в меня в упор... Марина номер два, блин! «Опасно это», понимаете ли... а жизнь вообще опасная штука, так что же мне, получается, удавиться?

Хорошо хоть Касимова не зубоскалила, что я долго возился с ганфайтером. Фыркнула, посмотрела на меня, как на грязь под ногами, буркнула что-то про показуху и отвернулась. И то хлеб! Хоть этой не пришлось объяснять: «что», «где», «зачем» и «как», сама всё по рисунку боя поняла. А вот по мнению Зайца, я должен был взять автомат и наспиговать противника свинцом издали, а не изображать из себя Александра Матросова, бросаясь грудью на амбразуру. Мол: «Чем ты вообще думаешь?» и всё такое... а самый обалденный аргумент, который меня просто убил: «А если бы пистолет был настоящим?»

И ведь не скажешь, чтобы не лезла не в своё дело! Девчонка-то искренне за меня переживает, а я такой нехороший – заставляю её волноваться! Вот так вот – наш брат кругом виноватый! Ладно ещё «Снегирь» обещал магарыч поставить. Хоть какое-то утешение.

Я опять покосился на девушек. Получасовое молчание начинало слегка напрягать. Нина что-то делала со своим ПМК-зонтиком, а Елена откровенно скучала и, кажется, уже сто раз пожалела, что пошла с нами в зону для участников, а не осталась наверху. Там хоть можно было на чужие бои посмотреть, а здесь – приходилось сидеть и тупо ждать моего вызова, потому как бросить со мной подругу-госпожу и пойти развлекаться ей не позволяла банальная гордость. Ну или Касимова просто не хотела, чтобы мы оставались наедине.

– Варлок, сейчас будет ваш выход, – к нам подошёл служащий арены с защитным ошейником в руках.

– А сколько вообще ещё боёв сегодня будет? – спросил я, глянув на часы, висевшие над выходом из зала.

Время приближалось к одиннадцати, и участников турнира в этом

помещении оставалось человека три, если не считать их группы поддержки. Все они, как и я, выиграли свой первый бой. Проигравшие сюда не возвращались, как, впрочем, и те, кого вызывали на второй круг.

– В отборочном туре проводится по два боя, – просветил меня служащий, надевая ошейник с амулетом на подставленную мной шею и проверяя его. – Вы выступаете одним из последних. А после окончания всех состязаний запланировано грандиозное шоу. Так что даже если проиграете, не спешите уходить. Думаю, вам понравится, к тому же для участников и их спутников зарезервирована отдельная трибуна.

– А следующие «туры» когда? – спросила поднявшаяся со своего места Зайка, лишь чуть-чуть опередив меня.

– Четвертьфинал, полуфинал и финальный поединок состоятся завтра утром, госпожа, – ответил ей парень. – На арене стадиона, который находится над нами.

– Очень «подпольное» мероприятие! – ухмыльнулся я.

– Кстати, сегодняшний концерт пройдёт там же!

– А для чего вообще используется это место? – кажется, Нина немного оттаяла или просто решила, что безопасность моей шкуры по большому счёту не её забота, а потому перестала дуться и вновь стала сама собой.

– Этот Марсиум? – переспросил парень. – А-а. Так это площадка для официальных дуэлей! Варлок, следуйте за мной.

На арене я оказался в гордом одиночестве. Некий призыватель «Роланд», с которым я должен был схлестнуться в этом раунде, по какой-то причине задерживался, и наша ведущая несколько раз бегала в комнату ожидания. А когда же, наконец, мой противник соизволил появиться, мне оставалось только тихо выматериться и потереть виски руками из-за мгновенно родившейся головной боли.

На площадку неуверенной походкой вышла Андре одетая в спортивную форму колледжа, которая была ей велика на пару размеров, а оттого смотрелась мешковато и неопрятно. Остановилась перед защитным барьером, как-то неуверенно оглянулась и уставилась на меня, словно затравленный зверёныш, так и не решаясь сделать последний шаг.

– Итак! Во втором своём поединке отборочного тура сойдутся воин Варлок и маг-призыватель, – девушка-ведущая сделала паузу и так посмотрела на мою соседку, что та быстренько вбежала на арену, – Роланд!

Далее нам кратенько напомнили об отсутствии правил и разрешили подготовиться к бою. Рыжую девчонку всю трясло и явно не от избытка адреналина, да так, что она не попадала пальцем по иконкам на своём ПМК, а остриё её шпаги ходило ходуном. Ей даже пару раз пришлось

отменять случайно активированные заклятия, прежде чем воздух перед ней уплотнился и во вспышке яркого белого света из пустоты материализовались доспехи, с громким клацаньем собравшиеся в человеческую фигуру.

Получившийся рыцарь был вооружён длиннющим цвайхандером с волнистым «пламенеющим» клинком, широкой гардой и аккуратными «кабаньими клыками». Причём, к моему удивлению, «живые доспехи» оказались не французского происхождения, как то можно было предположить, а натуральные германские максимиллиановские латы века эдак начала шестнадцатого.

Прогудел сигнал к началу схватки, а я всё смотрел на рыжее чудо природы. И чего она вдруг на турнир полезла? А если это второй бой, то получается, что первый она даже как-то умудрилась выиграть. По правде сказать, драться мне с ней совсем не хотелось, даже «понарошку»... но при этом поединок как-то нужно было выигрывать, потому как от победы в турнире зависело обещание ректора устроить Аньку в спецшколу.

Констракт сделал пару неуверенных шагов вперёд, держа перед собой меч, а затем остановился и словно в нерешительности обернулся к хозяйке. Мол: «Ты чего творишь! Что за дела?» Затем вновь медленно повернулся ко мне и словно бы нехотя занёс свой чудовищный меч для удара. А щуплая фигурка призвателя сгорбилась, став ещё меньше.

– Вот же дура, – пробормотал я, когда до меня дошёл смысл происходящего.

Да она боится, не того, что я её ударю или чего-то вроде того. Рыжая просто-напросто страшилась того, что её собственный «железный дровосек» может сотворить с моей тушкой. Иначе бы по всем канонам в меня бы уже давно летели десятки вредоносных заклинаний, в то время как призванное существо отвлекало бы от мага. Они ведь только с виду неповоротливые, а на самом деле очень даже шустрые и машут своим оружием с завидной скоростью.

Девчонка же просто стояла, опустив свою шпагу, и смотрела в спину приближающемуся ко мне своему собственному саммону – словно бы тот был врагом народа. Она даже не думала колдовать. Я бы даже сказал, что девушка готова была накинуться на своего защитника, спасая меня, такое у неё было выражение лица. Очень трогательная забота со стороны того, кто ежедневно лупил меня за дело и без.

Похоже, нерешительность хозяйки наконец надоела ожившему доспеху, потому как он стал набирать скорость. Видя неповиновение своего «питомца», Андре побледнела, бросив шпагу, схватилась за ПМК двумя

руками и хотела что-то сделать, но было уже поздно. Клинок, способный легко перерубить всадника с лошадьё, со свистом обрушился на мою голову сверху вниз, выбив из плит площадки сноп искр и оставив на камне глубокую засечку.

По мне «доспех» не попал, так как я в последний момент отшагнул в сторону, однако это не смутило железяку, и коль у него не получилось разрубить меня вдоль, он решил сделать это вторым, обратным ударом с проворотом. Я мог бы даже поклясться, что в пустых щелях его забрала что-то было, и это что-то смотрело на меня с неприкрытой ненавистью.

Горизонтальный удар я просто перепрыгнул, а когда железяка, набрав инерцию, развернулась ко мне лицом, заноса свой лом для нового сокрушительного удара, просто вклепил ему с ноги прямо в центр ребристой поверхности кирасы. Словно бы пнул непослушную свинью. Без особых затей, зато со всей силы, доступной для Есаула.

Громыкнуло знатно. «Живой доспех», лишённый поддержки хозяйки, разметало в разные стороны, и его рассыпавшиеся элементы глухо застучали по арене. Я снова посмотрел на Андре. Рыжая, замерев с широко открытыми глазами и чуть приоткрытым ртом, смотрела на меня словно на ожившее мифическое чудовище, а когда же я медленно направился к ней, стала совсем белой, попятилась и вдруг зажмурилась, вся съёжившись, и я увидел, как по щекам у неё побежали дорожки из слёз.

«Чего-то я совсем её не понимаю... – подумал я, подходя к соседке и забирая из мертвенно-белых пальчиков её ПМК, – сейчас-то с ней что?»

Я аккуратно коснулся её плеча, слыша, как за спиной скрежещут покорёженные доспехи, вновь пытаюсь собраться в максимиллиановского рыцаря. Девушка тихо пискнула, колени её подогнулись, и она, закатив глаза, попыталась грохнуться в обморок.

– Опа! – я подхватил на руки её стройное тельце, оказавшееся на удивление лёгким, и прошептал: – Ты мне так не шути...

– И... победитель... – как-то неуверенно произнесла девушка-ведущая, выходя на арену и по широкой дуге огибая рыцаря, которому удалось сложить шлем, кирасу и правый рукав, и теперь он пытался приподнять всю эту изрядно помятую конструкцию. – За невозможностью противника продолжать бой победил Варлок.

Для порядка она нажала на своём пульте кнопку, нейтрализующую через наши амулеты последствия поединка, однако Андре так не очнулась. Краем глаза я заметил, как к нам, также обходя шевелящиеся доспехи, спешат Нина и Касимова.

– Может быть, позвать медиков? – немного удивлённо спросила

ведущая, недоверчиво посматривая на коробочку в своих руках. – Или в медпункт его отнести?

– Не стоит в медпункт, да и медики не нужны, – быстро ответил я, памятуя о секрете Андре. – Просто переволновался парень. С кем не бывает...

В больничку девушке было нельзя – это факт! Нужно было бы попробовать привести её в чувство, ну а если не получится, то придётся мне волоочь её к нам в комнату на своём горбе.

– Ой, а что это ты его на ручки-то подхватил, – с ходу, глумливо кривляясь, проворковала Мальвина, – уж не из этих ли вы? Фу! Противные!

Она хотела было добавить что-то ещё, однако поймала такой красноречивый взгляд Нины, что тут же заткнулась. Затем Зайка очень серьёзно посмотрела на меня и спросила:

– Что с... ним?

– Обморок, – ответил я, отводя взгляд, и соврал: – Андре сегодня с утра чувствовал себя плохо. Я, честно говоря, и не знал, что он собирается участвовать в турнире.

– Ты... его... знаешь? – она нахмурилась.

– Да, – ответил я, чувствуя какой-то подвох. – Мы соседи по комнате.

– Вот значит как. – Лицо у Нины как-то резко потемнело. – Соседи, значит... Ладно, об этом мы поговорим позже. Давай сюда.

– Чего?

– Е... ..го ПМК, – нетерпеливо ответила девушка, перебирая пальчиками. – Или ты хочешь, чтобы железка Ле Жаков осталась здесь и потом бегала по всему зданию в поисках своего хозяина?

Вот теперь мои подозрения окрепли и утвердились. Похоже, что госпожа Весомова знала эту французскую семейку, и маскарадом Андре её было не обмануть. Ну что ж, в таком случае это трудности рыжей!

Как же я был не прав. Проблемы, благодаря совсем уж извращённой женской логике, оказались, были как раз у меня! После того как Нина удалила из реального пространства так и не успевшего собрать себя рыцаря, а мы на пару с Касимовой привели в чувство Андре, Заяц вдруг заявила, что ни на какой концерт мы оставаться не будем, а немедленно «все», последнее слово она подчеркнула особо, собираемся и едем в её особняк.

Причём сказано это было так, что спорить с ней я просто-напросто не решился. А рыжая всё ещё пребывала в таком состоянии, что с ней можно было делать что угодно. Чем Заяц и воспользовалась, а затем, когда мы добрались до её дома, собрала всех нас в главном зале, и тут начался такой

скандал... Даже удивительно, почему не обрушились стены многострадального особняка и не лопнуло ни единого стекла. Даже самого маленького.

Нина, как оказалось, прекрасно знала, кто такая Андре, а та – наоборот, видела её в первый раз в жизни и не желала давать спуску какой-то там малявке с хвостиками, лезущей не в своё дело. Я, тихо пристроившийся в углу, тихо охреневал от того, как быстро перескакивали крикуньи с темы на тему. По мнению противоположной стороны, каждая была виновна во всех смертных грехах, начиная с изгнания из Эдема и заканчивая с развращения малолетних в моём лице. Причём, как оказалось, рыжей тоже было что высказать Зайке в ответ. Там претензий хватало, так что, когда веселье достигло своего апогея, меня просто прогнали. И не из комнаты, а отправили погулять в сад, чтобы не путался под ногами.

Признаться честно, я совершенно не понимал ни ту, ни другую. Складывалось впечатление, что девушки словно тигрицы сцепились в схватке, ни много ни мало, за мою честь. Хотя при чём здесь она и как касалась этих двоих, я так и не въехал. Однако в выражениях они не стеснялись, да ещё и козыряли налево и направо своими титулами. Так что покинул дом я с облегчением, граничащим с наслаждением.

Только-только устроился в беседке, когда из дома пулей вылетела Касимова и, подойдя ко мне, молча села рядом, то и дело поглядывая на окна второго этажа, где разворачивалась эпическая битва.

– Тоже прогнали? – спросил я.

– Ага, – она кивнула, – давно я Нинку в таком состоянии не видела.

– Они друг друга там не поубивают?

– Надеюсь, что нет... вот только лезть туда сейчас... – Она скривилась и покачала головой. – Это без меня. Я, как говорится, не трус, но шкурка мне дорога как память.

Я кивнул, соглашаясь с этой немудрёной сентенцией. Так мы и сидели, поглядывая на здание и ожидая, когда оно пойдёт трещинами. Примерно в двенадцать мой смартфон запел голосом БГ «Под небом голубым есть город золотой!» Нина, на которую и была установлена эта мелодия, тоном, не терпящим возражений, потребовала, чтобы мы немедленно вернулись.

Они стояли в центре зала. Раскрасневшиеся, взлохмаченные, с мордочками обожравшихся вкусняшек хомячков, но при этом стараясь сохранять серьёзное выражение на физиономии. Явно довольные собой и друг другом, и Заяц и рыжая глядели на меня задумчивыми глазами. Так, словно бы решали – убить этого парня сразу, или всё же немного помучить.

– Кузенька. А ну-ка пойди-ка сюда! – ласково так позвала меня Нина.

– Иди, иди... не бойся, – поддакнула ей в тон Андре.

– Что-то мне не хочется... – честно признался я, поглядывая через плечо на раскрытую дверь.

– Надо, Кузя, надо, – хитро сощурившись, сообщила мне Заяц, а когда я приблизился на достаточное расстояние, вlepила мне звонкую пощечину и, взыв, схватилась за отбитую ладонь. – Уй! Чугунная твоя башка!

А затем ещё и Андре, уже привычная к подобному, приложила по другой щеке. Подскочившая Касимова тоже хотела было присоединиться к веселью, но тут уж я увернулся, потому как подобный удар мог бы запросто своротить человеку челюсть. К тому же я начал злиться на всех этих девиц и сам отвесил фиолетововолосой звонкий подзатыльник, от которого та чуть было не кувyrнулась через себя. Да – руку на девушек поднимать это табу, но в случае Мальвины и применительно к её голове все запреты отменяются. Мозгов там всё равно нет, одна кость. Впрочем, она даже и не обиделась, ведь, в отличие от меня, ей не пришлось в срочном порядке снимать «Железную рубашку», опасаясь, что кто-нибудь просто сломает об черепушку себе руку.

– Ну и что это было! – грозно, как мне казалось, спросил я, обводя улыбающихся девиц взглядом. – Вы что – совсем охренели?

– Фух! Действительно полегчало, – сообщила мне Нина, трясая рукой. – Ох... давненько я не скандалила всласть!

– Да... высокосветское поведение иногда реально напрягает. Даже поорать не на кого, – согласилась с ней рыжая.

– Я ответа не слышу, – я хмуро смотрел на развеселившихся девиц.

– Ты обидься ещё! – фыркнула Нина. – Вот что – вали-ка к себе, спать! А то тебе завтра с утра опять меня нервировать! Но чтобы в восемь тридцать был здесь, как штык! Всё понял?

Я промышал что-то невразумительное, размышляя, хочу ли я послать таких друзей нафиг... или всё же нет. Подумав, решил пока оставить всё как есть. С девчонками, несмотря на все их закидоны, было гораздо веселее, нежели совсем одному. Всё-таки тот же Валентин мне не друг, а скорее так, приятель, а больше я в кампусе ни с кем особо и не общался. Хотя эти их непонятные выбрыки, резкие перемены настроения, да и вообще... впрочем, мне ли, имея такую сестру, как Аня, не знать, что для девиц это вроде как нормально. А тут тем более аристократки.

– Хорошо, – наконец ответил я и кивнул рыжей. – Пошли?

– Э-э, нет! – тут же воскликнула Нина. – Хочешь, вон Ленку забирай. Она всё равно пацан в юбке, с ней даже поговорить толком не о чем. Так что бери, не жалко. А Андре сегодня переночует у меня!

– Вот ещё... нафига мне Мальвина сдалась, – ответил я, бросив взгляд на надувшуюся и потирающую затылок Касимову. – Тогда я пошёл. До завтра.

– Иди и иди! – похлопала меня по плечу Андре.

– И не возвращайся, – буркнула мне вослед фиолетововолосая и вдруг показала язык.

«И чего им всем от меня надо...» – подумал я, когда брёл по ночным улицам Ильинского к своей общаге.

* * *

Улыбающаяся, худенькая девчонка, ростом чуть выше Нины, в розовом платье с рюшами, которая находилась на другой стороне арены, снова радостно запрыгала. Картинно, по-мультикшному, поджимая под себя ноги, размахивая руками и посылая в разные стороны воздушные поцелуи. Затем встала в героическую позу, ловко повертев в руке до отвращения анимешный жезл с сердечком и крылышками, зажмурила один глаз и, приложив к другому руку, сложенную в знак Victory, посмотрела на меня сквозь разведённые пальцы.

Очередной выпущенный ею магический пузырь лопнул прямо у меня перед лицом, и в нос пахнуло запахом клубники и ванили, и я, опять зашатавшись, медленно поплёлся к ней, не в силах справиться со своим телом.

– Ударь себя! Ну пожа-а-а-алуйста! – крикнула она мне.

Почти сразу же мой левый кулак припечатал меня по лицу, отчего я упал на колени. Главное, что при этом я всё равно не смог оторвать от неё взгляда. На меня, словно волны, накатывали спазмы платонических чувств и одновременно жгло огнём дикое, животное желание «взять» эту девчонку прямо здесь и сейчас. На глазах у толпы.

Самым же мерзким было то, что я даже мысли свои не контролировал, а просто слышал сам себя со стороны. Голос разума, вопиющий в пустоте, в то время как в тело будто бы вселился чужак. Натуральный, робкий идиот-самец, готовый пускать слюни перед самочкой, нестерпимо желая овладеть ею и при этом отчаянно трусивший из-за того, что он, по сути, червь, недостойный целовать следы ног этой Богини.

Настоящее же сознание рычало и рвалось на задворках, скованное по рукам и ногам эмоциями и тем воздействием, который оказывала на мой организм её поганая магия. При этом реальному мне было нестерпимо

стыдно перед пришедшими поболеть за меня девчонками, а так же хохочущей толпой зрителей, собравшихся сегодня на стадионе.

Чёртовы зеваки, чёртова «Минерва», а точнее Людочка Рудская. Совершенно долбанутая на голову гламурная первокурсница, признающая из цветов только розовый и изображающая из себя японскую «Девочку-волшебницу». Мымра крашенная...

Естественно, что зрительские симпатии в этом поединке были на стороне моей соперницы. А над мужиком, избивающим самого себя и ползающим, порой даже на карачках, по арене в тщетных попытках хотя бы приблизиться к незащищённому «ангелочку» – откровенно смеялись. Сволочи! Их бы всех на моё место!

Эта городская сумасшедшая меня банально отравила, и, если так можно выразиться – «влюбила» в себя. То, что я периодически начинал избивать сам себя – также было её рук делом. Просто как-то так получилось, что посылаемые ей с некоторой периодичностью «Лучи добра», именно так она их называла, а также крупные пятилучевые звёзды с рожицами улыбающихся смайликов – оказались против меня бесполезными.

Всё это были боевые заклинания первого уровня, вроде «Воздушного кулака» или «Магической пули». Просто в их вязь был внедрён дополнительный иллюзорный блок, над визуальной составляющей которого потрудился профессиональный дизайнер магии. Довольно медленные, так что она просто ими мазала, и слабенькие, что я ощутил на себе, когда одна из звёзд всё-таки коснулась моего плеча и с писком взорвалась золотистым облачком.

В каком бы состоянии ни находился сейчас мой разум, тренированное тело действовало на автомате, привычно избегая лишних повреждений. Вот и получалось, что пусть сейчас меня можно было брать голыми руками – ситуация оставалась патовой. Ко мне девица не приближалась, видимо, всё же опасаясь, что я с ней сделаю что-нибудь нехорошее, да к тому же прилюдно. А достать издалека не могла. Так что ей оставалось периодически добавлять мне «дозу» своего любовного яда, переносимого теми самыми пузырьками, и пока я находился под действием розового горячечного бреда, милым голоском выкрикивать разнообразные просьбы.

Я же... просто не мог ей отказать ни в чём. Правда, заставить меня сдаться у Минервы не получилось, но на этом всё моё героическое сопротивление в общем-то и завершилось. Так что она ограничилась тем, что я, сгорая от стыда, медленно, словно сомнамбула, бродил за ней по арене и избивал себя почём зря.

В конце концов, оставшаяся в нормальном сознании частичка моего я даже пожалела о том, что у противницы не было при себе обычного пистолета или чего-нибудь более серьёзного в магическом арсенале. Видимо, вся память ПМК оказалась забита «розовой» ерундой, а потому положить конец моим мучениям она могла только так. Хотя, наверное, было бы прикольно, достань она сейчас из своей микросумочки шестиствольную авиационную пушку и... Эх! Мечты-мечты.

С хлопком вокруг меня лопнули ещё несколько пузырей. Девчонка, не переставая играть на публику, подбежала поближе и радостно так то ли попросила, то ли предложила:

– Эй! А ударь себя чем-нибудь тяжёлым! – заложив руки за спину, стерва слегка наклонилась вперёд корпусом и заискивающе заглянула мне в глаза, медленно отступая назад. – Вон у тебя палка какая-то есть! Ну пожа-а-алуйста!

Влюблённый идиот внутри меня взвыл от счастья, и в то время как Минерва отбежала на обратную сторону арены, опять радостно замахав толпе, быстро вынул обе половинки посоха и стал наносить удары по своему телу. Первым же я умудрился рассечь себе бровь. Почти сразу глаза залила кровь, впрочем, во рту и так стоял её неприятный вкус, губы я разбил себе уже давно. Благо в столь заторможенном состоянии сложно ударить сильно и резко, а то ещё и зубам бы не поздоровилось тоже. Хотя теперь, палками, я вполне мог выбить из дурной головы остатки мозгов.

«Вот так вот... – с тоской подумала оставшаяся разумной часть сознания. – Проиграл ты, Кузьма. Позорно и совсем не героически!»

И почти в тот же самый момент мир залила белая боль, а в ушах забили колокола. Исполнительный идиот в моём теле со всей дури засадил сам себе прутком прямо по паху. К сожалению, снять «железную рубашку» была одна из первых просьб-приказов мерзкой девчонки, а втягивать свои колокольчики в тело, как это делают йоги или шаолиньские монахи, я не умел. И поэтому, выронив части шеста, я согнулся в три погибели, схватившись руками за причинное место.

– Твою ж... мать, – выдавил я из себя, с удивлением понимая, что вместе с болью разум вернулся на своё место.

Впрочем, сделать я всё равно ничего не мог. Была у меня твёрдая уверенность, что стоит рядом со мной лопнуть ещё одному «мыльному пузырьку любви», как я снова обращусь в пускающего слюни идиота. А сразу после подобного удара за девчонками особо не побегаешь. Так что достать засранку я не мог, ведь от предложенных мне утром Касимовой пистолетов я благородно отказался. Зачем они мне, если пользоваться ими я

не умею! Разве что кинуть в противника...

Кинуть! А ведь это идея. Кое-как распрямившись на подгибающихся коленках, я едва не упал, настолько сильно крутила меня боль в причинном месте. Руки ходили ходуном, и я всё никак не мог унять дрожь в непослушных, от эмоционального шторма, пальцах, но тем не менее как-то умудрился достать свои ножи и, привычным движением закрепив фиксатор рукоятки, метнул один из них в спину отвернувшейся от меня девицы.

Куда там! Явный недолёт, метра на полтора. Клинок звякнул о плиты пола и попрыгал по ним прямо к тувфелькам Минервы. Я уже приготовился к следующему броску, последней попытки хоть как-то переломить ситуацию, когда размахивавшая руками Людочка вдруг медленно обернулась на звук, посмотрела на нож у своих ног и, звонко сглотив, перевела взгляд круглых от удивления глаз на второй, оставшийся пока в моих дрожащих руках.

Я замахнулся...

– Не надо! – пискнула она и подняла ручки вверх. – Я сдаюсь!

До меня не сразу дошёл смысл её слов, но бросок я так и не сделал, потому как над мгновенно затихшим стадионом прогремело:

– И победитель в четвертьфинальном бою – Ва-а-а-арлок! – причём сказано это было таким голосом, словно бы судья, или кто там делал объявления, был удивлён тем, что он произносит.

На арену выбежала девушка-ведущая и сразу же нажала на кнопку своего пульта. Боль как рукой сняло. Я, наконец, распрямился, с недоверием облизнув ставшими вмиг целыми и вполне нормальными губы. Оглянувшись, посмотрел на пол, туда, где должны были остаться кровавые плевы, и ничего не увидел. Потрогал на всякий случай бровь, а вот позориться ещё больше и хвататься за пах – не стал, а вместо этого убрал валяющиеся возле меня части шеста и пошёл за своим ножом.

– Ты чего сдалась-то? – спросил я у так и стоявшей возле него девушки, которая хоть и была миленькой, не вызвала более у меня никаких особых эмоций. – Победила ведь почти!

– Ну... – она слегка замялась. – Ты кидаться начал! А мне получить твоей острой железкой в глаз как-то не хочется... Я боли боюсь!

– Просто супер! – буркнул я, поднимая свой балисонг и убирая его в ножны. – А если бы я пришёл с автоматом?

– Я бы просто сразу сдалась! – уверенно ответила она и улыбнулась, а затем добавила: – И если бы противник оказался бы магом или девушкой – тоже. Я не гордая!

– М-да... – только и выдавил из себя я и, не прощаясь, поплёлся к

сектору «красных», где меня ждали Заяц и остальные, в то время как она, ещё пару раз помахав публике, отправилась в свой «синий».

– Ты как? – ко мне подбежали Нина с Андре, и Зайка, схватив меня за руку, заглянула прямо в глаза.

– Нормально, – ответил я и тяжело вздохнул. – Восседаю на руинах собственной гордости. А кстати, наша крашенная где? Небось, веселилась вовсю...

– Зря ты так о Лене, – ответила мне рыжая. – Она весь этот отвратительный спектакль жутко ругалась и грозила порвать на куски эту Минерву.

– Тогда куда она делась? – удивился я.

– Пошла устраивать разборки с Рудской, – сообщила мне Нина, подхватывая под локоть.

Андре дёрнулась было сделать то же самое с другой стороны, но вовремя вспомнила, что сейчас она вроде как парень.

– И ты её не остановила? – удивился я, глянув на Зайку.

– Вот ещё! – гордо фыркнула та. – Я бы сама эту лахудру феромонную... собственными руками прибила. Тоже мне боевой алхимик нашёлся...

– Так она алхимик? – удивился я, оглядываясь, но розовую фигурку уже не было видно.

– Ну да, – кивнула Андре. – Известная личность. Та ещё стерва! Вовсю пользуется своей химией, чтобы крутить мужиками направо и налево. Говорят, у неё в шестнадцать лет уже около десятка «папиков» прикармлины, и она с ними...

– Андре, – поморщилась Нина. – Не уподобляйся дворцовым сплетникам!

Тем временем на арену вызвали «Волкодава», который должен был сражаться с неким «Пэгыттыном». Ромушева-младшего я сегодня уже видел. Он, как и я, пробился в четвертьфинал, и они вместе с Катей и остальными ребятами из их компании, с утра тусили в кафешке «красного сектора». Сейчас же, когда объявили его прозвище, Олег готовился к выходу, одной рукой что-то настраивая в своём ПМК, а второй ловко раскручивая и складывая нунчаку, а Федосеева болтала с подружками. Они громко смеялись, периодически потягивая «PeCo-Cola» из маленьких хрустальных бутылочек и поглядывая в нашу сторону.

«Ну да, – подумалось мне, – поводов позубоскалить я сегодня дал им немерено!»

Однако тут я заметил, что в их тёплой компании не хватает как

минимум одного постоянного участника. Юленька, которая всегда ходила за своей подругой словно привязанная, к моему вящему удивлению, грустной куклой сидела в сторонке, да к тому же демонстративно отвернувшись и стараясь не смотреть на своих друзей.

– Ну чё, Кузя? – ехидный голос Ромушева заставил меня оторвать взгляд от девушки и повернуться к подошедшему магу. – Повезло тебе сегодня.

– Ты что-то хотел? – спросил я его.

– Да вот, – он передёрнул плечом. – Хочу ободрить тебя, неудачника! Хотя о чём это я! Ты у нас прямо-таки «везунчик»! Если бы ректор не уговорил меня принять твои извинения, то...

– О чём это ты лопочешь, болезный? Память отшибло? – я даже удивился. – Не ты ли передо мной чуть ли не на коленях ползал?

– Не было такого! – зло рявкнул Олег, мгновенно побагровев. – Не было! Ты, сволочь, по гроб жизни должен быть благодарен, что ректор надавил на моего отца, и тот заставил меня тебя простить.

– Да ты что? – я улыбнулся, глядя на мгновенно взбесившегося парня. – Неужто всё так и было? Только не говори мне, что у тебя память, как у золотой рыбки!

– Ничего, если тебя не ухайдакает в следующем бою какая-нибудь юбка, то в финале схлестнёмся! – прошипел он и, развернувшись на каблуках, зашагал к центру стадиона, где его уже ждал противник, однако остановился и многообещающе бросил через плечо: – Я тебе всё припомню. Тварь.

Я ничего не ответил. Мимо нас продефилировала Екатерина, обдав всех троих волной презрения и подцепив своего кавалера под руку, проводила его до лесенки, ведущей на арену.

– Это кто такой? – дёрнула меня за рукав Нина, привлекая к себе внимание.

– Да один придурок... – ёмко охарактеризовал я знакомого.

– Баронет Олег Ромушев, – ответила за меня Андре, глядя в спину удаляющейся парочке.

– М-м... Не знаю такого, – задумчиво протянула Зайка.

– А его не представляли ко двору, – пожалала плечиками рыжая. – Его папа в домene герцога Сафронова ходит...

– А-а. Понятно, – девушка серьёзно кивнула, так словно бы для неё это многое объясняло.

– Не нашла! – к нам подошла злая как чёрт Касимова. – Свалила куда-то, прошмандовка! Кузьма, ты как? Всё «окей», или уже не мальчик?

– Нормально, Лена, – вздохнул я. – Главный клоун Советского Союза, а так – всё окей.

– А что ты хотел. Думать надо было, когда выходил против этой дряни, – широко улыбнулась Мальвина. – Зато теперь мы можем быть уверены, что ты – настоящий мужик! Гордиться должен.

– Ага... девчонки, погодите-ка минутку, – сказал я и, провожаемый тремя парами глаз, пошёл к трибунам.

Народу в нашем секторе для участников было маловато. В основном немногочисленные приглашённые от каждого из четверых бойцов да обслуживающий персонал стадиона. Зрителей сюда не пускали, так что кафешки в синем и красном секторах сейчас пустовали, как и немногочисленные сидячие места, народ в основном толпился возле самого поля. А потому сидевшая на пятом ряду девушка выглядела совсем уж одинокой и какой-то потерянной.

– Привет, красавица! – улыбнулся я, подходя к ней. – Тебя ведь Юля зовут?

– Ой! – она оторвала от пола большие синие глаза и посмотрела на меня. – Господин Ефимов?

– Давай-ка без господ! – предложил я, присаживаясь рядом. – Просто Кузьма.

– Хорошо, – покладисто согласилась она и кивнула.

– Вот, наконец, и познакомились, – улыбнулся я. – Ты чего здесь одна сидишь, грустишь? С подружкой поссорилась?

– Ага, – она опять кинула и тяжело вздохнула. – Мы с Катей даже разъехались в разные комнаты.

– Всё серьёзно? – немного удивился я.

– Очень! – нехотя ответила девушка, видно было, что эта тема ей неприятна.

– А сюда за Олега пришла поболеть? – спросил я.

– Нет, – она тряхнула чёлкой. – За вас. Хотя пропуск, конечно, у Кати взяла... вот и поссорились...

– За меня? – опять удивился я.

– Вы же спасли нас! – ответила она, вновь посмотрев мне прямо в глаза. – Я вам жизнью обязана. Я-то похитителям точно не нужна была, убили бы, скорее всего, или чего похуже сделали. Подобные вещи «нормальные» люди не забывают!

Она с какой-то затаённой болью посмотрела в сторону арены, туда, где стояла её бывшая лучшая подруга.

– Ну, раз за меня пришла поболеть, – я встал, – тогда пойдём к нам. С

девчонками тебя познакомлю. Нечего здесь в одиночестве мариноваться!

– Неудобно как-то! – вяло попыталась возразить она, тем не менее приняв мою руку.

– Ерунда! – парировал я и повёл её к своим подругам.

Девушки даже не обернулись, когда мы подошли к ним. Все трое словно замороженные смотрели на развернувшийся на арене бой. Я тоже покосился в ту сторону, интересно всё-таки было, как Ромушев отметелит этого «Тыра-пыра» или «Тахтамыш» – как там его! Имечко у соперника Олега было такое, что, как говорится, без бутылки не выговоришь. И обомлел...

«Тыгыдын» творил с Ромушевым, что хотел! Это был даже не бой. Натуральное избиение младенцев, потому Олег, с его неквалифицированным четвёртым уровнем вообще ничего не мог противопоставить своему сопернику. Коренастый паренёк – воин с пятью полноценно открытыми чакрами, своим длинным, похожим на глефу, оружием буквально шинковал несчастного баронета, у которого уже была рассечена правая рука и по всему телу шли длинные рубленые раны от ударов страшного лезвия. Кажется, у народов Севера такое оружие называлось – пальма.

Только сейчас я вдруг понял, что на самом деле Ромушев кричит, страшно кричит, из последних сил, вот только складывалось впечатление, что он просто разевает рот, а потому всё это кровавое действие происходило в абсолютной тишине. Народ на трибунах буквально застыл, поражённый той яростью и жестокостью, с которой воин со знанием дела убивал несчастного парня.

То ли эскимос, а может быть, эвенк или чукча – не знаю, но этот «Пэгыттын» явно был из народов Крайнего Севера, и похоже, просто наслаждался мучениями несчастного идиота. Не удивлюсь, если окажется, что это именно он каким-то образом поставил «глушилку», так чтобы в соответствии с правилами турнира его противник не смог просто взять и сдаться.

Наконец, ему самому надоело кровавое развлечение. Парень ловко насадил Ромушева на наконечник и мощным рывком подбросил его высоко в воздух. Подпрыгнул следом за ним и со всей силы плашмя опустил своё оружие на Олега, древком буквально разрубая его поперёк. Впрочем, проделал он это так ловко, что не задел закреплённый на шее ошейник. Даже когда, приземлившись на труп, последним ударом вогнал лезвие пальмы в и так переломанный череп парня.

– Господи! – выдохнула Нина и, прикрыв глаза руками, отвернулась,

уткнувшись лицом мне в грудь.

Остальные девушки, да и большая часть зрителей, застыли, поражённые увиденным. При этом на лице у «Пэгыттына» не дрогнул ни один мускул. Он обвёл нас, стоящих в красном секторе, презрительным взглядом, остановился на мне и ткнул в мою сторону копьём. Мол: «Тебя ожидает то же самое! Готовься!»

Я только покривился от подобных детских уловок. Психолог хренов! Завалил парня, который для него был безобиднее мышонка, и теперь красуется, пытается запугать остальных соперников.

– В этом полуфинальном бою побеждает Пэгыттын... – с небольшой задержкой объявил ведущий.

– Откажись! – Нина подёргала меня на форму. – Слышишь! Немедленно откажись от дальнейшего участия!

– Да! – Андре, наплевав на свою маскировку, также повисла на мне. – Откажись! Слышишь! Это... это... так просто нельзя!

На арену тем временем выбежала девушка с пультом, и кровавое месиво, в которое превратился Олег, исчезло. Парень в изорванных одеждах, но без каких-либо повреждений на теле, лежал не шевелясь и тяжело дышал, глядя в небо. Окрестности красного сектора огласил истошный визг Федосеевой, и все словно бы ожили. Загомонили, задвигались... На арену выбежали несколько женщин в белых врачебных халатах с медицинскими боксами, перекинутыми на лямке через плечо, и тут же принялись совершать какие-то манипуляции над Ромушевым. Пэгыттын постоял ещё пару минут, глядя на своего поверженного противника, презрительно сплюнул и, положив пальму себе на плечо, ушёл, не произнеся ни звука и даже не поинтересовавшись состоянием проигравшего.

– Кузьма! – Нина вновь привлекла к себе моё внимание. – Ты меня слышишь?

– Слышу, – кивнул я. – Но от боя не откажусь.

– Почему?

– Я обещал ректору победить, – честно ответил я. – От этого зависит, поступит ли моя сестра в наш колледж или нет.

– Я сделаю так, чтобы она поступила! – почти крикнула Зайка. – Только...

– Так, цыц! Никшнули все! – Она резко замолчала, уставившись на меня. – Нина. Я должен сделать это сам. Не волнуйся. Со мной всё будет хорошо.

– Значит, пойдёшь? – немного потерянно произнесла она.

– Да.

– Тогда прошу... будь аккуратнее!

– Хорошо, – я улыбнулся, а Андре тихо и недовольно пробурчала что-то про «парней, которые не знают, когда следует остановиться».

Олега тем временем вывели под руки с арены. Катя, которую всё это время держали несколько подруг, вырвалась и бросилась к нему, однако словно бы натолкнулась на невидимую стенку, когда тот повернул к ней лицо и что-то тихо, но явно со злостью сказал. После чего оттолкнул врачей и, пошатываясь, зашагал в сторону спуска в раздевалку.

– Буду аккуратнее... – задумчиво повторил я, наблюдая за тем, как Федосеева повернула в нашу сторону заплаканное лицо, а затем медленно, всё ускоряясь, зашагала сюда.

Признаться честно, я думал, что она направляется к беспомощно стоявшей рядом со мной Юле, но как оказалось, я ошибался. На неё она даже не посмотрела.

– Ну что? Доволен!? – пронзительно закричала она, набрасываясь на меня с кулачками. – Это всё ты! Ты виноват! Ты сделал! Предатель!

Ловко перехватив девушку, Касимова оттащила визжащую и вырывающуюся Федосееву, а затем и вовсе вlepила ей звонкую пощёчину, прекращая начавшуюся было истерику. Юля дёрнулась было к подруге, но я остановил её, прекрасно понимая, что в таком состоянии Катя может наворотить дел.

Наконец успокоившись немного, Федосеева дёрнулась, вырываясь. Прошипела: «Я тебе ещё отомщу. За всё ответишь!» И убежала следом за Олегом.

– Девушки, – произнёс я, привлекая общее внимание. – Познакомьтесь. Это Юля. Мы с ней земляки, из Новосибирска. Помните, я рассказывал.

Настроение, конечно, было не подходящее, но тут уж ничего не поделать. Мне сейчас нужно было выходить на арену, а оставлять девочку в одиночестве, да и ещё в расстроенных чувствах, совершенно не хотелось.

Свой полуфинальный бой я закончил всего за пару мгновений. Кровавое зрелище, которое на проверку оказалось очень сложной и не пойми-как работающей иллюзией, не смогло испортить студентам праздник. Похоже было, что, поняв, что с Олегом всё в порядке, первый курс как-то расслабился и уже по-другому смотрел на разворачивающиеся на арене события, ну а старшегодкам – так и вовсе было известно о защитных амулетах-ошейниках и чипах «Большой Игры» куда больше, чем нам.

Я же в свою очередь решил, что пережитого мной позора в

четвертьфинале – куда как достаточно, чтобы считать данное ректору обещание устроить шоу – выполненным. Поэтому не стал рассусоливать с магом «Шершнем», тем более что этот франт, нацепивший на себя зачем-то что-то типа рыцарского плаща, позволил себе презрительно поморщиться, глядя на меня как на противного червяка. За что и получил, потому как свой лимит терпения я исчерпал ещё в странной драке с Минервой.

Только-только отгремел стартовый сигнал, как я оказался возле него и привычным ударом от бедра отправил паренька полетать. Почти как того бритоголового в чёрных очках пару недель назад в Новосибе. Правда, на этот раз изображал из себя парень птицу не долго, всего-то до огораживающего арену барьера, после чего сполз мешком по нему на землю. Хотя на самом деле траектория была такова, что он вполне мог улететь со стадиона и искупаться в Москве-реке. Остудить свою аристократическую головушку.

А когда отгремело сообщение о моей победе, к которой так и хотелось добавить слово «чистая», настало время финала. Провожали меня девушки словно бы на войну, как будто даже не надеясь вновь увидеть живым. Так что, когда я, наконец, вырвался из их цепких лапок, мой противник уже ждал меня на ристалище, опираясь о свою жутковатую пальму, узкими глазами внимательно следя за каждым моим движением.

Я же шёл расслабленной походкой, собирая и раздвигая свой посох и полностью игнорируя соперника. Пётр Явре, а за тарабарским никнеймом скрывался именно он, хоть и был грозным противником, заботил меня в этот момент меньше всего. Я уже насмотрелся на его действия, многое успел продумать, а потому сейчас было время выбросить из головы лишние мысли и делать своё дело, стараясь при этом не вывалиться из образа Есаула, так как схлестнуться мне предстояло с Бригадиром, а пятый ранг воина к играм не располагал. Кстати, о чём он мне сразу и заявил.

– Дерись в полную силу, русский! – гордо произнёс он. – Не смей со мной играть!

– Посмотрим, как ты будешь себя вести, – ответил я. – Будешь хорошим мальчиком, и дядя покажет тебе фокусы.

– Тебе мало того, что я сделал с твоим другом? – нахмурился он. – Ты всё видел и тем не менее не воспринимаешь меня всерьёз?

– А с чего ты решил, что Олег – мой друг? – удивился я. – Но даже если так – ты его убил. И что?

– Ты боишься! – его рот расплылся в улыбке.

– Тебя? С хрена ли? – я опёрся на собранный шест. – Боятся тех – кого уважают! А ты больше похож на плешивую дворнягу, которая, задрав

болонку, брешет на прохожих из-за забора.

– Такому как ты не понять настоящего человека! – гордо произнёс он, вставая в боевую стойку, сжимая пальму двумя руками.

– Настоящего человека? – я тоже занял позицию «длинной руки». – Это тебя, что ли? Не похож ты на арийца.

– Только мы, чукчи – настоящие люди, – сообщил он. – Вы все – нет.

– О как! – я улыбнулся. – Нацик, что ли?

Пётр не ответил. Прозвучал сигнал, и в тот же момент наше оружие встретилось. Работали мы на высоких скоростях, так что удары сыпались один за другим, оба по первой использовали тычковую технику, вот только шест у меня был длиннее его пальмы, а потому мне было гораздо проще. Впрочем, уже через пару секунд и то и другое оружие оказалось сломанным взаимными ударами, приправленными напряжениями внутренних сил, и было отброшено в сторону.

В руках у обоих почти одновременно блеснули ножи, и началось самое веселье. Чукча был необычайно быстр и обладал просто чудовищной физической силой. Я пусть и не хиляк, но до Пэгыттына мне было далеко.

К счастью, подобные схватки со столь серьёзным противником никогда не длятся особенно долго. Да и решают дело в них на самом деле в первую очередь не физические показатели, а мастерство. Да, он умел пользоваться своим ножом, и в безоружном бою, наверное, был не из последних, однако тягаться со школой, переданной мне Наставником, он не мог. Техника у парня неплохо поставлена, однако была незатейлива и простовата. Ну и был ещё один крупный минус – горячий чукотский юноша реально привык полагаться на свою невероятную силу, что его и подвело.

Наверное, зрителям смотреть на нашу стычку было откровенно не интересно. Не такого обычно ожидаешь от схватки двух вроде как лучших из лучших. Им хочется беготни и массовой демонстрации «кунг-фу» с замираниями перед каждым ударом. Долгой и захватывающей. Воздушных боёв, акробатики, ну или хотя бы часового пыхтения боксёров-супертяжеловесов с постоянными клинчами, вроде бы увесистыми ударами и редким откусыванием ушей.

Такое, конечно, бывает, но вот только для подобного шоу нужно, чтобы сражались друг с другом равные противники, а не «лучшие». Так что всё, что они увидели сегодня, можно было описать как быструю и очень жёсткую сшибку, после чего яростный бой на ножах, почти невидимых обычному глазу, в отличие от разлетающейся в разные стороны крови. Затем мой противник, лишившийся своего ножа и пары пальцев, смог поймать мою руку, которую я на самом деле просто отдал ему, провёл

хитрый бросок, во время которого я уже сам подцепил его и по-самбистски сдёрнул потерявшего баланс парня под себя. После чего просто встал, придерживая правую руку, рассаженную чуть раньше его лезвием, оставив лежать на земле труп чукчи с торчащим из сердца ножом.

– И победитель турнира – Варлок! – под грохот фанфар взвыл ведущий, заиграла торжественная музыка, и стадион буквально взорвался приветственными криками, а на арену, на этот раз оперативно, выбежала девушка с пультом.

– Ты выиграл, потому что сражался не в полную силу, – с некоторой обидой в голосе произнёс Пётр, вставая с земли и протягивая мне выпавший из его груди нож. – В следующий раз победа останется за мной!

– Кто знает, – задумчиво произнёс я, а затем мне и вовсе стало не до расстроенного проигрышем Пэгыттына, потому как на меня навалился радостно визжащий и что-то лопочущий девчачий ураган, и я немедленно утонул в их поцелуях и объятиях.

Эпилог

В тёмном прокуренном помещении со спартанской обстановкой, перед светящимся монитором, занимавшим всю дальнюю стену, в больших мягких креслах сидели три старика. Тот, что был в центре, пощёлкав пультом, немного отмотал на начало запись вчерашнего финального боя подпольного турнира, ежегодно проводимого в Пятом Императорском магическом колледже, и поставил объёмное изображение на замедленный показ.

– Вот здесь, видите, – произнёс он, указывая на экран пальцем, – тот же самый энергетический всплеск, которым Явре глушит звук по области. Вот только не понимаю, почему Ефимов на него никак не отреагировал.

– А зачем ему? – удивился самый старый из присутствующих. – Он хоть и колдун, но магию-то не практикует. Не песни же ему петь...

– Да и сыну шамана повторно такую мелочь проделать не сложно, – согласился третий. – Он вместо этого ему пальму затупил, да так ловко.

– Выбился паренёк из возможностей Есаула... ой выбился, – улыбнулся средний. – Наказать бы его за это...

– Не пойман – не вор. Всегда может сказать, что случайно получилось. А накажут их в любом случае, – согласился третий. – Обоих. Одного за то, что он с Ромушевым сотворил, а другого за Зайцева, эфирное тело которого Ефимов чуть было о барьер не расплескал. Пора им уже головой начинать думать, а то встретились два раздолбая. Того и гляди спюются, шаман с колдуном – всю «Большую Игру» порушат!

– Главное, чтобы Москва в целости осталась, – усмехнулся средний. – А по поводу раздолбаев... Есть тут у меня одно видео...

– Сами вы старые раздолбаи... – пробурчал второй. – Вы, господа, какого хрена наблюдение на вокзале отозвали? Мне «Победу» мою аж до слёз жалко. То ведро с гайками, которое мне Резо подогнал... даже машиной-то называть стыдно!!

Он возмущённо махнул рукой.

– Ничего мы не снимали. Нормально их группа вела, – немного раздражённо буркнул третий. – Просто понять хотели, уж не вторая ли серия по федосеевскому делу намечается, и крупную рыбёшку брать приготовились. А потому уже поздно было идиотов заворачивать.

– Ну да... – фыркнул средний. – Всегда у нас такие отмазки. Кстати, а что там с этим делом? Нашли тех, кто гомункулов прислал?

– Пока нет, – собеседник отрицательно покачал седой головой. – Ниточки в Китай тянутся, но ты сам знаешь. В нашем мире всё это ничего не значит, а только, наоборот, вызывает подозрение.

– Думаешь, япошки? Решили на Саню так надавить?

– Думаю, – кивнул тот. – Но доказательств нет. Вот за девчонкой-химичкой и наблюдали плотно. В конце концов, все завязки вроде на её «изобретение» указывают. Даже с Ефимовым вроде как одних в поезде пустили... Всё продумали, всё просчитали! Даже оперативницу к этой Марине подсадили...

– Как вы вообще этот момент предугадать смогли? – удивился тот, что был с пультом.

– Каком... – ехидно прокаркал самый старый. – Она, небось, у вас одна такая на весь поезд была? Та, что перебраться в другое купе хотела?

– Двое, – поправил его третий. – Хорошо, что пацан в плацкарт не сунулся. Очень бы удивился.

– М-да... ну... а так? Если бы не стали они меняться.

– В соседних наши бойцы ехали, – пожал плечами его собеседник.

– И все лоханулись! – припечатал его самый старый. – Лавруша бы так не подставился!

– Бывает! – примирительно сказал средний. – Так что, посмотрим интересный видосик? Пикантненький, надо сказать!

– Давай, – обречённо махнул рукой второй. – Показывай свою клубничку!

Средний мужчина что-то пощёлкал на пульте, и изображение сменилось на пригородный пейзаж с полем под вечерним небом. На экране перед стариками появилась молодая красивая девушка с двумя косичками, державшая в руках зонтик рукояткой кверху, словно бы это был микрофон.

– Пап! Привет! – улыбнулась она и, тут же нахмурившись, попросила: – Андре, камеру ровно держи! А то горизонт будет завален! Юль – может лучше ты?

Оператор что-то ответил, и картинка действительно выровнялась.

– Итак! С вами репортёр Нина! И я веду свой репортаж... в общем, мы немного сегодня сбежали из кампуса, а всё потому, что эти два дурака решили-таки, наконец, подраться.

Она отошла чуть в сторону, и стало видно стоящих друг напротив друга парня и девушку. В руках у первого была ростовой шест, а его визави держала длиннющий обнажённый меч.

– Э-э-э-эй! Дебилы! Начинайте уже! Мы снимаем! – закричала девчонка с хвостиками.

Сшибка произошла очень быстро, и меч со свистом улетел куда-то в поле. Девушку это нисколько не смутило, и, отпрыгнув от своего противника и разорвав дистанцию, она ловко извлекла две из четырёх катан, заткнутых за поясok платья горничной и какое-то время отбивалась от нападающего на неё шестовика, а затем и вовсе у неё получилось зацепить лезвиями конец деревянной палки и вырвать её из рук нападающего.

После этого атаковала уже она, парень же отбивался от девицы, используя балисонги с кастетами, на которые без труда ловил большинство летящих в него ударов. Наконец, ему это надоело, и он, как-то ловко подбив носком ботинка катану под рукоять, выбил её из левой руки девушки.

Противники разорвали дистанцию и замерли. А затем вдруг сорвались с места и пролетели друг мимо друга на огромной скорости. Пасторальный ландшафт огласил истошный женский визг, и в разные стороны полетели обрывки синего платица горничной.

– Так! Стоп! Брейк! – закричала девочка с зонтиком, побежав в их сторону, однако затем остановилась и подняла что-то с земли. – Леночка, я что-то не поняла! Это с каких это пор ты на поединок начала надевать своё самое лучшее нижнее бельё?

– Что там? – заинтересованно спросил оператор.

– Трофей Кузьмы! – ответила та. – Лифчик порезанный одна штука. Так, Ефимов, ты не оборачивайся – любовался леском, так и продолжай. И да... пиджак свой снимай. Касимова, завязывай голосить! Подумаешь, твои прыщики кто-то полапал! Их по-другому и не разглядеть! Всё! Сюжет окончен! Пап, пока, пока!

– Вот так вот! – произнес сидящий посередине мужчина. – А я, кстати, и не заметил, что твоя внучка так выросла, Николай. Да и фиолетовый цвет ей к лицу...

– М-да... – пробурчал третий, к которому относились эти слова. – Узнаю школу Варяга... тот ещё развратник был! Он хоть её не зарезал там?

– Да не... всё нормально, – отмахнулся средний. – Они приборы пять шестьдесят два вместе с деактиватором со стадиона скоммуниздили. Так что не волнуйся. Ладно... что там у нас дальше?

Он пощёлкал пультом, и когда на экране появилась новая запись, всё трое вновь превратились в само внимание.